

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2023 Том 20 № 3

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-3
<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал
Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бакhtикиреева Улданаи Максутовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Редакционная коллегия

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Вахидова Марьям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Чеченская Республика, Грозный, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Канагарджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Курленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранка Наталья — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Сулэйменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Илдан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Худуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib.

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 23.09.2023. Выход в свет 30.09.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 14,3. Тираж 500 экз. Заказ № 1128. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 20 No. 3 (2023)
DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-3
<http://journals.rudn.ru/polylinguality>
Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Valikova Olga Aleksandrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITORIAL BOARD

- Prof. Venera R. Amineva*, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States
Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan
Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States
Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States
Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus
Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States
Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia
Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland
Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation
Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz
Prof. Georgiy T. Khukhumi, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Dr. Eleonora F. Shafrianskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *I.A. Chernova*

Address of the editorial board:
3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ / LANGUAGE IN PROCESS

- Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л.** Невидимое многоязычие постсоветской миграции как вызов теории транслингвальнойности / **Khilkhanova E.V., Khilkhanov D.L.** The Invisible Multilingualism of Post-Soviet Migration as a Challenge to the Theory of Translanguaging 407
- Иванов В.В.** Развитие теоретических принципов исследований языкового ландшафта в контексте городского многоязычия / **Ivanov V.V.** Development of Theoretical Principles for the Study of the Linguistic Landscape in the Context of Urban Multilingualism 426
- Александрова Н.Ш.** Исчезновение языков и естественный билингвизм / **Alexandrova N.Sh.** The Disappearance of Languages and Natural Bilingualism 436
- Mikhienko A., Oshchepkova E.S., Kovyazina M.S.** The Characteristics of Societal Bilingualism in Russia: Why do Tatarstan and Yakutia Stand out? / **Михиенко А., Ощепкова Е.С., Ковязина М.С.** Особенности социального билингвизма в России: чем он отличается в Татарстане и Якутии? 456
- Мосина Н.М.** Особенности функционирования эрзянско-русского двуязычия в аспекте переключения кодов / **Mosina N.M.** Features of the Functioning of the Erzya-Russian Bilingualism in the Aspect of Code switching 472

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ / LANGUAGE CONSCIOUSNESS

- Джусупов М.** Психобразы языковых единиц в сознании индивида — основа билингвальной и межкультурной коммуникации / **Dzhusupov M.** Psycho-images of Language Units in the Consciousness of the Individual — the Basis of Bilingual and Intercultural Communication 484

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

- Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т.** Тувинский текст в аспекте транскulturации / **Shafranskaya E.F., Garipova G.T.** The Tuvan Text in the Aspect of Transculturation 497
- Chemodanova S. M.V.** Writer's Bilingualism and Biculturalism: Nicholas Kotar's Mythopoetic Literary Works / **Чемоданова С.М.В.** Билингвизм и бикультурность писателя в мифопоэтическом творчестве Николая Котара 515

Дианова Л.П. Транслингвальная поэзия Бахыта Каирбекова / **Dianova L.P.** Translingual Poetry by Bakhyt Kairbekov..... 524

Подобрий А.В., Свиридова А.В. Трансформация национальных архетипов в новом социокультурном коде эпохи в новеллах М.А. Шолохова и И.Э. Бабея 1920-х гг. / **Podobriy, A.V., Sviridova A.V.** Transformation of National Archetypes in the New Socio-Cultural Code of the Epoch in the Novels by M. Sholokhov and I. Babel of the 1920s 535

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА / THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Казанцев И.А. Концепт «Агнец Божий» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») в английских, немецких и русских переводах Евангелия от Иоанна / **Kazantsev I.A.** The Concept of «the Lamb of God» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») in English, German and Russian Translations of the Gospel of John..... 548

Нагуманова Э.Ф., Шемшуренко О.В. Смысловая трансформация содержания газелей Р. Гаташа при их переводе на русский и турецкий языки / **Nagumanova E.F., Shemshurenko O.V.** Semantic Transformation of the Content of Gazelles by R. Gatash in their Translation into Russian and Turkish..... 567

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-407-425
EDN: XETCKC

Научная статья

Невидимое многоязычие постсоветской миграции как вызов теории транслингвильности

Э.В. Хилханова¹ , Д.Л. Хилханов²

¹Институт языкознания РАН,
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Российская Федерация, 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/1, корп. 28

²Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 105064, Москва, Малый Казенный переулок, 5Б
 erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Аннотация. Теория транслингвильности рассматривается с точки зрения ее универсальности / неуниверсальности, ее дополняет новый эмпирический кейс — речевые стратегии и практики высокообразованных многоязычных мигрантов из бывшего СССР и многоязычных жителей современной России. Авторы приходят к выводу, что для людей, чья социализация прошла в этом регионе, характерны жесткие представления о языковой норме и аутентичности, о «чистоте» языков и высоких стандартах говорения на них. Эти представления применяются ко всем языкам, как к родным, так и иностранным. На (пост)советском пространстве распространены традиционные и консервативные языковые идеологии, в силу чего транслингвильность нередко воспринимается как небрежность речи, неполная языковая компетенция. В этом смысле данный региональный кейс свидетельствует о неуниверсальности теории транслингвильности и важности контекстов, в которых формируется отношение к многоязычию, языковой норме и ряду других лингвистических явлений. Именно тем, что теория и практика транслингвильности возникла в демократическом, постколониальном контексте, объясняются не вписывающиеся в нее языковые установки и речевое поведение жителей (пост)советского региона.

Ключевые слова: теория транслингвильности, многоязычие, постсоветская миграция, речевые практики, переключение кодов, норма языка, аутентичность речи

История статьи: поступила в редакцию 14.02.2023; принята к печати 14.06.2023

Конфликт интересов: отсутствует

© Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта №21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования: Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Невидимое многоязычие постсоветской миграции как вызов теории транслингвильности // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 407–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-407-425>

Research Article

The Invisible Multilingualism of Post-Soviet Migration as a Challenge to the Theory of Translanguaging

Erzhen V. Khilkhanova¹ , Dorzhi L. Khilkhanov²

¹Institute of Linguistics of RAS, Research Center on Ethnic and Language Relations,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation

²Moscow City University, Department of Philosophy and Social Sciences,
4 Second Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation
 erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Abstract. This article proposes to look at the theory of translanguaging from the angle of its universality/non-universality, bringing into discussion a new empirical case — speech strategies and practices of highly educated multilingual migrants from the former USSR and multilingual residents of modern Russia. The authors conclude that people whose socialization took place in this region are characterized by rigid ideas about the language norm and authenticity, about the “purity” of languages and high standards of speaking them. These concepts apply to all languages, both native and foreign. Traditional and conservative language ideologies are widespread in the Soviet and post-Soviet area, which is the reason why translanguaging is often perceived as careless speech, incomplete language competence. In this sense, this regional case demonstrates the non-universality of translanguaging theory and the importance of contexts in which attitudes towards multilingualism, linguistic norm and related linguistic phenomena are formed. It is primarily the western democratic, postcolonial context of translanguaging practice and theory that explains why the language attitudes and speech behavior of residents of (post)Soviet region do not fit into it.

Key words: theory of translanguaging, multilingualism, post-Soviet migration, speech practices, code switching, language norm, speech authenticity

Article history: received 14.03.2023; accepted 14.06.2023

Conflict of interests: none

Funding: The reported study was funded by RFBR and DFG, project number №21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy — multilingual Russia as an example”.

For citation: Khilkhanova, E.V., and D.L. Khilkhanov. 2023. “The Invisible Multilingualism of Post-Soviet Migration as a Challenge to the Theory of Translanguaging”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 407–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-407-425>

Введение

Цель статьи — показать, как отдельные эмпирические кейсы могут дополнить теорию транслингвальности (транслингвизма), продемонстрировав ее неуниверсальность и зависимость транслингвальных практик (или их отсутствия) от социально-политического, культурного и ряда других контекстов.

Теория транслингвальности, берущая свое начало в педагогике, представляет собой новый взгляд на старые явления из области многоязычия и языковых контактов, а ее приверженцы продвигают ее как глобальную теоретическую и деятельностную парадигму в лингвистике и образовании. Создается впечатление, что транслингвальное творчество, свободное обращение с границами языков свойственно всем многоязычным говорящим, и в первую очередь мигрантам, так что транслингвальность предстает как неотъемлемое свойство современной глобальной миграции. Это, с одной стороны, так, и связь транслингвальности и миграции действительно отражает современные мировые тренды, так как именно люди, находящиеся на границе двух или более лингвокультур, естественным образом создают новые гибридные идиолекты. С другой стороны, сами языковые практики в мигрантской среде гораздо многообразнее и наряду с транслингвальностью они обнаруживают и другие тенденции. Такая постановка вопроса проистекает из наблюдений, сделанных авторами во время полевого исследования речевых стратегий и практик многоязычных мигрантов из бывшего СССР. Это исследование было проведено в рамках проекта «Язык и этническая идентичность нерусских иммигрантов из бывшего Советского Союза в странах Западной Европы» в 2016 г. (подробнее о проекте, профиле информантов и методологии полевого исследования см. в: [1]). Объект исследования представлял научный интерес не только ввиду малоизученности, но и потому, что данная полиэтничная и многоязычная группа до эмиграции была объединена сходством языковой ситуации, общей историей и (советской) культурой, но при этом ее представители имели разную этническую принадлежность и культуру. Поэтому было интересно выяснить, как этническая идентичность может (само)определяться и (ре)конструироваться через взаимодействие Я1 (этнического языка), Я2 (русского языка) и ЯЗ-п (языка / языков принимающей страны) в ситуации дисперсного проживания членов данных этнических групп в иной культуре.

Основным методом исследования были глубинные интервью, сопровождаемые этнографическим наблюдением, а также неформальное общение вне рамок интервью с частью информантов. Пул информантов составил методом «снежного кома», когда информанты предлагали других кандидатов для включения в выборку. В итоге в выборке оказались представленными три этнические группы — буряты, якуты и казахи — из двух стран — России и Казахстана. Важной характеристикой выборки являлся высокий уровень

образования участников: высшее образование было у 24 человек из 26, семь человек имели степени кандидата наук и PhD, два человека — среднее профессиональное образование. Поэтому данная группа мигрантов относится к категории интеллектуальной миграции¹.

Эта характеристика повлияла и на языковые практики исследуемой группы, во-первых, на то, что все мигранты свободно владели русским языком (Я2), что, безусловно, тесно коррелирует с их высоким уровнем образования. Во-вторых, все мигранты в той или иной степени (как правило, свободно) владели как минимум одним иностранным языком (в основном английским, но также немецким и рядом других языков). По степени владения Я1 (этническим языком) опрошенные делились на три группы:

группа 1 (11 человек): с высоким уровнем языковой компетенции в Я1;

группа 2 (8 человек): со слабым уровнем языковой компетенции в Я1;

группа 3 (7 человек): не владеющие Я1.

Таким образом, возможность транслингвальных переходов между Я1 и Я2 была изначально исключена для семи человек и затруднена для восьми. Однако все варианты использования других языков из лингвистического репертуара участников исследования (в частности, английского и немецкого языков, которым владели как интервьюер, так и интервьюируемые) оставались потенциально открытыми и использовались участниками, хоть и не так часто; то же можно сказать и об использовании бурятского языка с членами группы 1. В целом же, несмотря на многоязычный репертуар, все участники оставались в основном в рамках русскоязычного дискурса.

Для более детального изучения транслингвальности (изначально не входившей в задачи проекта) впоследствии к анализу были дополнительно привлечены данные неформального общения мигрантов в социальных сетях. Социальные сети представляют собой «новое, делокализованное, мультимодальное пространство, расположенное на границе между устной и письменной речью, в котором спонтанно возникают транслингвальные практики» [2. С. 3]². Тем самым они могут дать валидный материал для изучения транслингвальности как явления, присущего в первую очередь спонтанной речи [3].

В целом были проанализированы «спонтанно возникающие транслингвальные практики» семи интернет-сообществ, преимущественно в Facebook*: Kalmyks in USA / Калмыки в США (3000 членов), sakhdiaspora.official в Instagram* (2695 подписчиков), сообщество Sakha Diaspora

¹ О понятии интеллектуальной миграции см.: Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014.

² Здесь и далее перевод автора.

* Входит в корпорацию Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

в Facebook* (171 последователь), Tatars in USA (973 члена) и три бурятские группы в Facebook* (Vstrechi v Evrope, Buryat House, USA и Buryat connection UK (1600 членов в совокупности). Материал был собран в период с января 2016 г. по июнь 2021 г.

Отдельно необходимо рассмотреть фактор собеседника. Мы полагаем, что общение с незнакомым ранее человеком (интервьюером) сыграло определенную роль, несмотря на всю свободу и непринужденность обстановки, в которой проходили интервью. Фактор собеседника свел до минимума возможность использования якутского и казахского языков в разговоре, поскольку интервьюер не владела этими языками. При внутригрупповом общении, общении с друзьями случаев транслингвальности явно больше, о чем сказала одна из участниц:

Если подумать, какие-то фрагменты я могу вставить на немецком в русский язык. Мне сложно найти аналог, если это что-то специфичное для этого региона, конечно, у меня выскакивает слово на немецком, *но я это делаю только в разговоре с теми, кого я знаю и уверена* (выделено нами — Э.Х.).

Тем не менее и в данном фрагменте речь идет о *вставлении* отдельных слов в речь на русском языке, так что общая языковая картина принципиально не меняется.

Дополнительно к материалам полевого исследования в Западной Европе и материалам виртуальной коммуникации были использованы данные полевых обследований, проведенных в 2021 и 2022 гг. в Татарстане и Карелии сотрудниками Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН. Были использованы два основных метода: социолингвистический онлайн-опрос и интервьюирование (экспертные интервью), а также этнографическое наблюдение. В целом было записано 43 интервью, каждое длительностью около часа.

Этим обусловлено то, что мы обозначаем как *induktive Theoriebildung* — индуктивный метод построения теории. При таком подходе эмпирические данные могут (а) привести к созданию теории, когда будет накоплено достаточное количество опытных фактов и закономерностей; (б) скорректировать и дополнить имеющуюся теорию. В нашем исследовании, как сказано во Введении, речь пойдет о втором.

Обсуждение

Концепция транслингвальности

Концепция транслингвальности (далее — ТЛ) стала на сегодняшний день настолько популярной, что нет необходимости подробно останавливаться на ее многочисленных дефинициях и интерпретациях. Однако

все же некоторые дефиниции необходимо привести, чтобы понять, от чего мы отталкиваемся, говоря о «вызове» теории ТЛ. В ставшей уже классической дефиниции ТЛ С. Канагараджи проводится мысль о лингвистическом репертуаре многоязычных говорящих как интегрированной системе [4]; в других определениях она развивается еще дальше, и само существование отдельных языков / кодов как продуктов становления национальных государств ставится под сомнение: ТЛ понимается как «использование полного лингвистического репертуара говорящего без учета строгого соблюдения социально и политически определенных границ названных (и обычно национальных и государственных) языков» [5. С. 283].

Наиболее эксплицитно этот взгляд отражен в книге С. Макони и А. Пенникука, где авторы утверждают, что «языки не существуют как реальные сущности в мире, и они также не возникают из реальной окружающей среды и не представляют реальную окружающую среду; они, напротив, являются изобретениями социальных, культурных и политических движений» [6. С. 2].

Как всякий принципиально новый взгляд на объект исследования, концепция ТЛ имеет далекоидущие последствия. Меняется сам подход и оценка ряда явлений из области многоязычия, подвергаются критике «старые» термины. В частности, если языки / коды и границы между ними объявляются условными и сконструированными, в новую концептуальную парадигму уже не вписывается термин «переключение кодов», поскольку он «представляет собой теоретическое подтверждение идеи о том, что то, чем манипулирует двуязычный <говорящий>, как бы мастерски он ни манипулировал, является двумя отдельными языковыми системами» [5. С. 282]. Другими словами, термин «переключение кодов» маркирует «старую» научную парадигму, где коды / языки рассматриваются как застывшие, фиксированные дискретные системы, тогда как на самом деле «языковая деятельность человека радикально неоднородна и включает в себя взаимодействие процессов во многих различных временных масштабах, включая нейронные, телесные, ситуационные, социальные и культурные процессы и события» [7. С. 76]. Соответственно, в рамках новой транслингвальной парадигмы предпочтительнее оперировать не терминами «переключение кодов» и «смешение кодов» (далее — ПК, СК), а «лингвистический репертуар» (см., напр.: 8).

Вместе с тем существует и менее радикальный взгляд на ПК и СК, когда транслингвильностью называются фактически все виды речепроизводства и речевого общения, где задействовано более одного идиома, включая переключения кодов, заимствования, гибридизацию языков и пиджинизацию, обращение к интернациональным словам, активизацию металингвистических знаний, использование невербальных средств (жестов, мимики,

звукоподражания и др.) [5. С. 283; 9. С. 162; 10]. Таким образом, в менее радикальной версии ТЛ ПК рассматривается как одна из многих транслингвальных стратегий; соответственно, понятие ТЛ шире, чем понятие ПК.

Конечно, никто не оспаривает существование в любом живом идиоме, особенно существующем на пересечении многих культур, плохо идентифицируемых и переходных языковых вариантов. Значимость концепции ТЛ, на наш взгляд, заключается именно в том, что она легитимизирует эти живые, текучие, не обязательно совпадающие с лингвистической таксономией продукты лингвокреативности говорящих, предлагает позитивный подход и оценку этих явлений, рассматривает их как ресурс, а не лингвистическую ущербность.

Если считать ПК и СК одним из видов транслингвальных стратегий, необходимо более дифференцированно взглянуть на то, *что* побуждает людей переключать и смешивать коды, так как это может дать нам дополнительные сведения о механизме ТЛ. Говорящий переключается с одного языка / кода / идиома на другой или смешивает их, движимый *внутренними, внешними* или *лингвистическими* факторами. Внешние факторы — исторические, политические, демографические (например, малое число носителей некоего идиома) и т.п. — независимы от конкретных говорящих. Лингвистические факторы, такие, как отсутствие в каком-либо из языков в лингвистическом репертуаре говорящего денотата вместе с сигнификатом, также могут вынуждать говорящих переключаться на другой идиом. Как внешние, так и лингвистические факторы являются в определенной степени объективными (хотя объективность — свойство не речи, а языка как системы). Вот если происходит такое, что говорящий переключается на Я2 в силу *дефицита* языковых ресурсов в Я1, — это, строго говоря, не ТЛ, а речевое действие, вызванное сугубо лингвистическими, объективными факторами. ТЛ полностью движима внутренними, т.е. субъективными, «привязанными» к говорящему причинами.

Важно отметить, что концепция ТЛ возникла на волне демократизации в западных странах, подъема движения по сохранению миноритарных и региональных языков, и сам термин «транслингвальность» изначально использовался для описания языковой практики в программах ревитализации валлийского языка, когда, например, учитель преподает на валлийском, а ученики отвечают в основном на английском или читают на одном языке, а пишут на другом или наоборот (см. в: [11; 3]). Именно в таком — демократическом, постколониальном — контексте «малые» языки начинают пониматься не как проблема или финансовая обуза для государства, а как мобильные *ресурсы* или *практики* [12]. Более того, ТЛ понимается как *коммуникативная норма* (выделено нами — Э.Х.) двуязычных сообществ и не может сопоставляться с предписанным использованием только одного языка [3. С. 46].

Речевые практики многоязычных мигрантов из бывшего СССР

Поскольку данная статья носит теоретический характер, мы не будем подробно представлять здесь эмпирический языковой материал, отсылая читателя к публикациям, где он описан более детально [13]. Скажем кратко, что «спонтанные транслингвальные практики», выявленные как в устной речи, так и «на границе между устной и письменной речью», т.е. в социальных сетях, представляют собой большей частью *вкрапления Я1 и Я3-п* на уровне отдельных лексем в преимущественно русскоязычный дискурс. Вкрапления интерпретируются нами как частные случаи ПК (см. также: [14. Р. 163]). Собранный материал по ПК и СК мы сгруппировали по следующим категориям: (1) безэквивалентная лексика (при описании культурно-специфических реалий) или слова, которым говорящий не смог сразу найти переводческий эквивалент или не захотел тратить речевые усилия на это; (2) клишированные этикетные формулы (например, приветствия); (3) передача чужой речи; (4) тема коммуникации; (5) внешне немотивированные интрасентенциальные ПК; (6) внешне немотивированные интерсентенциальные ПК; (7) языковое творчество, языковая игра.

С одной стороны, в (русской) монолингвильности и незадействованности в речи многоязычного репертуара нет ничего неожиданного. Хорошо известно, что для мигрантов из бывшего СССР русский язык играет роль *lingua franca* и коллективного объединителя (см., например: [15]). Сведения, данные участниками, и этнографическое наблюдение подтверждают, что Я1 крайне редко используется при общении современных российских мигрантов друг с другом; он используется, как правило, при общении с оставшимися «на родине» родственниками (см. об этом подробнее: [16]). Наиболее лапидарно и образно роль русского языка для иммигрантского сообщества из бывшего СССР сформулирована в символическом девизе иммигрантской газеты «Русский Берлин»: «Наша Родина — русский язык». С другой стороны, все же доминирование монолингвального (русскоязычного) дискурса кажется идущим вразрез как с речевыми практиками мигрантов по всему миру, так и с трендами их описания и концептуализации в разных лингвистических теориях, и в теории транслингвильности прежде всего.

Можно было бы предположить, что редкость случаев транслингвильности объясняется тем, что формат интервью не предполагает индивидуального спонтанного языкового творчества, о чем упоминалось во Введении. На это можно возразить, что интервью бывают с разной степенью свободы и интервью в рамках данного проекта проходили в непринужденной атмосфере, были приближены к естественной беседе. Этому способствовал и метод «снежного кома», когда один участник исследования рекомендует другого, так что интервьюеру не приходится идти на «холодный контакт» с абсолютно незнакомым человеком, и то, что с некоторыми из участников исследования интервьюер была знакома ранее. Также можно сослаться на примеры других исследований, где во время интервью люди с легкостью «курсируют» между

разными языками, полностью задействуя свой лингвистический репертуар. Это можно проиллюстрировать фрагментом из интервью калмыцкого эмигранта второй волны эмиграции³, взятый из книги Э. Гучиновой, которая изучала калмыцкую диаспору в США:

Главная разница — то, что те калмыки считают, что *under коммунизм бээсн* (под коммунизмом находясь) и *some kind тиим* (такого рода такое) *анти religion тиим юмта ...* хотя *тенд* (там) были *divided* (разделены) и были такие которые действительно *against* (против) религия, но большинство были и сохраняли *тер*. *Тер* (тот) коммунистический режим *далта жилд бэгэд ... abolish кечксн — тиигжэ саннав* (семьдесят лет просуществовав ... был уничтожен — так я думаю).

Вот *тиим suggestion* (такое предложение). И *би старался follow эврэнь parents-инь* (я старался следовать своим родителям). Я не скажу что был *best* (лучший) студент, но *average ... яһад* (средний ... что ли). И *эклэд, тигэд тер мана old generation Эдрхэрэнь йовад сурһульд они были манд real mother* (начав, так то наше старое поколение поехало на учебу в Астрахань, они были нам по-настоящему матерью). *Теднэ* поведение *манд* (их поведение нам) понравилось. Они показали нам *knowledge, intelligence и книжкс дуудг* (знания, интеллект и чтение книг вслух), и мне это понравилось⁴ [17].

Данный фрагмент, типичный для речевых практик нерусских мигрантов предыдущих волн эмиграции из России (по крайней мере первой и второй волн), — пример не встречавшегося авторам (не только в мигрантской среде, но и в России) транслингвального дискурса, где почти в одинаковой степени задействованы все три языка: Я1 (калмыцкий), Я2 (русский) и Я3 (в данном случае английский). Здесь наблюдается разительный контраст с речью постсоветских мигрантов (особенно хорошо образованных), которая является образцом «чистой», грамматически правильной и несмешанной русской речи.

Как мы уже говорили, транслингвальность движима внутренними, «привязанными» к говорящему причинами. Эти причины могут быть как *сознательными, целенаправленными* (например, проявление своей этничности и других идентификаций), так и *бессознательными, «автоматическими»* (например, привычка говорения с использованием в речи всех языков лингвистического репертуара). Приведенный выше фрагмент относится как раз к этой (второй) категории.

Примеры сознательной, целенаправленной транслингвальной стратегии можно найти, в частности, в книге немецко-турецкого автора Феридуна Заимоглу “*Kanak Sprak*”, герои которой из протестных, провокационных соображений создают искусственный «язык», язык насилия, обценности, «грязных» метафор и сленга, в котором присутствуют слова и выражения, которых нет ни в немецком, ни в турецком языке. В нашем

³ Вторая волна калмыцкой эмиграции приходится на период строительства социализма, сталинских репрессий и Второй мировой войны.

⁴ Перевод, орфография и способ выделения Э.-Б. Гучиновой.

корпусе таких примеров не было; отмечались отдельные случаи лингвокреативности, языковой игры, например, фраза из бурятских социальных сетей «А ты хамагуист? :)», где обыгрывается популярное бурятское выражение *хама үгы* ‘все равно, без разницы’. Присоединение продуктивного русского суффикса -ист- образует транслингвальный окказионализм со значением ‘человек, которому все равно’. Морфосинтаксическую основу фразы «А ты хамагуист?» предоставляет русский язык, являясь матричным языком.

Бессознательное, автоматическое ПК можно проиллюстрировать следующими примерами.

На пятом курсе я уже работала *full-time*.

Здесь такой огромный *mix*.

Там *тоонто нутаг* (‘место рождения’), видишь все те же улицы, на которых ты вырос, больше ностальгия и воспоминание.

Also (‘так что / итак / ну / вот’) ну и тут даже я на этот люфтганзовский <рейс> уже прямо впритык бежала.

Можно было бы почаще *зула бадарааха* (‘зажигать лампадку (светильник)’) ⁵.

Таких примеров, однако, мало, и большинство мигрантов демонстрируют «чистую», грамматически правильную и несмешанную русскую речь и остается в таком модусе как онлайн, так и оффлайн даже в «этнических» социальных сетях и при устном общении с соотечественниками той же этничности. Далее необходимо понять, почему это происходит, какие факторы препятствуют транслингвильности не только между Я1 и Я2, но и между Я2 и Я3-н.

Факторы, препятствующие транслингвильности

В языковых установках участников исследования прослеживался такой фактор, как стеснение и осознание своей неполноценной / неидеальной языковой компетенции в Я1, исключавший его использование. В частности, одна информантка на предложение общаться на бурятском языке сказала «у меня не так хорошо, как у Вас», и Я1 (бурятский язык) был исключен из разговора вообще. В другом интервью информантка жалеет о своем ПК с русского языка на немецкий:

А в целом если брать, я чувствую себя свободнее, когда на русском, потому что я лучше могу сформулировать свои фразы и выразиться точнее. То, что переключаюсь, — это печально.

Такие высказывания, на наш взгляд, обнаруживают то, что данным мигрантам присущи представления о «чистоте» языков и высоких стандартах

⁵ Обычно зажженные лампадки ставятся перед статуэтками буддийских божеств (комментарий наш — Э.Х.).

говорения на них. Мы полагаем, что дело в том, что многие из участников наших исследований, независимо от места их нынешнего проживания, являются типичными представителями российской языковой культуры, для которой очень характерны пуризм и прескриптивные языковые идеологии. Как пишет К. Пишлэгер, «хотя языковой пуризм или „прескриптивизм“ не ограничивается Россией, Россия принадлежит к „стандартной языковой культуре“... в которой существует мнение, что одна разновидность языка имеет изначально более высокую ценность, чем другие, и что это должно быть навязано всему речевому сообществу. Такая позиция особенно верна в отношении русского языка, но эти идеи и стандарты переносятся филологами и носителями удмуртского и других миноритарных языков в России на их родной язык (языки)» [18. С. 114].

К. Пишлэгер также пишет о том, что эти прескриптивные и пуристические установки обусловили почти исключительный научный интерес к стандартизованному современному литературному языку [18. С. 114]. Действительно, именно в силу этого в советское время научного интереса удостоивались только «высокие» сферы, такие как язык художественной литературы, а «низкие» сферы, такие как язык «желтой» прессы, разговорный язык и т. п., стали объектами лингвистических исследований начиная только с последних десятилетий XX в.

Во многом такие нормативные языковые установки берут свое начало в советской и — позднее — в российской школе, где, как пишет Н.Д. Голев, доминирует нормативный аспект языка, модус долженствования, предписания, а также «орфографоцентризм» — важнейшая черта российского лингвистического мышления. «Стремление к „воздержанию от ошибок“, доведенное у нас до какого-то абсолюта, становится тормозом развития речи, должного приводить к свободному, творческому выражению мысли (достаточно вспомнить советы опытных учителей и репетиторов своим подопечным — избегать фраз, в безошибочном написании которых они не уверены» [19].

Надо сказать, что такие установки были распространены не только в школе, но и на всех уровнях советской системы образования, где доминировало грамматико-ориентированное обучение, что при изучении иностранных языков нередко вело к языковому барьеру при говорении из страха сделать ошибки. Такой подход во многом сохранился и в нынешней российской системе образования, и он имеет как плюсы, так и минусы, о чем говорят сами учителя: «Практика говорит о том, что выпускники российских школ гораздо лучше знают английский язык, чем большинство учеников Западной Европы, прекрасно справляются со сложными грамматическими тестами и имеют хорошее произношение, которое выгодно отмечает их от произношения европейцев. Но, несмотря на это большинство из них избегают контакта с носителями иностранных языков даже тогда, когда те являются инициаторами общения. Европейцы легко общаются, не комплексуя по поводу

своего произношения, используя в речи не более 3–4 видовременных форм и не особо беспокоясь о наличии в своей речи ошибок» [20].

Для советской и российской традиции обучения иностранным языкам важно понятие *аутентичности*, понимаемой как ориентация именно на образцовую, британскую или в крайнем случае американскую грамматическую и фонетическую норму. Плюрицентричный подход, набирающий силу в западных странах и включающий ныне 17 плюрицентричных языков (см. об этом: [21; 22]), не очень распространен в массовом сознании россиян и в системе российского образования.

Доминирование нормативности и пуристических установок в России трактуется лингвистами и в более широком историческом ключе. Например, Н.Н. Германова использует для анализа и интерпретации понятия нормы и ее распространенности в России логическую категорию деонтической и алетической модальности, где первая — это понимание нормы как эталона и образца идеального поведения, а вторая — как средней величины, обычного порядка вещей [23]. В России более традиционной является деонтическая трактовка литературного языка, а, к примеру, в Великобритании — алетическая. При деонтической трактовке норма понимается прежде всего как образец, корректирующий речевую деятельность; основой литературного языка видится по преимуществу язык художественной литературы. Эти черты Н.Н. Германова связывает с историко-культурными особенностями начала формирования литературного языка в России в эпоху романтизма с его идеями о языке как «духе народа». В отличие от российской, британская нормативная традиция формировалась в эпоху Просвещения, что обусловило преимущественно инструментально-прагматическую концепцию языка и алетическое понимание языковой нормы: доминантами нормативного дискурса стали сформулированные в рамках риторики и восходящие к античной грамматической традиции критерии ясности, единства и выразительности [Цит. по: 24. С. 44].

А.А. Ривлина отмечает, что, несмотря на распространение «наивного перевода»⁶ и «обыденной народной глобализации», отказа от деонтической, аксиологически ориентированной нормативности в межъязыковой коммуникации не наблюдается. Напротив, пишет автор, объективное расшатывание традиционных норм, антинормативные устремления в передовых слоях общества и в научных кругах порождают рост интереса рядовых носителей языка к вопросам языковой правильности, озабоченность вопросами культуры речи и волны «нового прескриптивизма». Автор призывает к поиску более взвешенного соотношения, компромисса между алетической и деонтической

⁶ «Наивный перевод» — это понятие, использованное А.В. Кирилиной для характеристики практики неинституционализованного перевода (как правило, с английского языка на русский) «обычными людьми», с активным использованием лексических и синтаксических калек и с многочисленными нарушениями узуса [25. С. 176].

нормативностью, дескриптивизмом и прескриптивизмом, традиционным «сегрегативным» и современным «динамическим / транслингвальным» подходами в лингвистической науке [24. С. 48–49].

Пока, однако, о компромиссе речь не идет, и жесткие представления о норме и аутентичности у «рядовых носителей» связаны и с понятиями *легитимности* и *владения языком* (language ownership), и с понятием *native speaker*⁷. Данное понятие ныне широко критикуется за то, что в нем заложено то, что *native speaker* — это единственный по-настоящему легитимный носитель языка в англоязычном общении по всему миру, т.е. единственная валидная точка отсчета [26]. Если во многих странах такой взгляд подвергается критике, то в современной России люди по-прежнему думают о *native speakers* как людях, обладающих наивысшей языковой компетенцией в родном языке. Иллюстрацией такого взгляда является фрагмент интервью 2021 г. с информанткой из Татарстана, учившейся в школе в советские годы:

У нас кто рос в татарских селениях, в татарской среде, и мы все равно учили русский язык. В большинстве у нас такая ситуация: у кого не было практики общения на русском языке, они плохо, наверное, разговаривают на русском языке, но они пишут лучше даже, чем русские, потому что нам очень, очень хорошо преподавали русский язык, тем более грамматику. Вот это действительно так интересно. Я все время думала, что русский человек — он очень грамотно напишет тоже на русском языке. И когда я встречалась с такими явлениями, когда русский человек пишет на русском и еще с ошибками, это было для меня... вообще! (смеется).

Подтверждение наших наблюдений о транслингвальности и отношении жителей постсоветского региона к ПК и СК мы услышали в докладе М.Б. Бергельсон на конференции *Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education* в НИУ ВШЭ 8 апреля 2022 г. Исследование было построено на повествованиях 118 не моноязычных носителей русского языка, связанных с языковой биографией рассказчиков. Автор анализировал паравербальный маркер в виде смеха / смешков, в которых проявляется смущение, конфуз, стыд (*embarrassment laughter*). *Embarrassment laughter* выполняет тем самым оценочную функцию, а его анализ позволяет автору сделать вывод о том, что ПК рассматривается людьми не как транслингвальность и использование имеющегося в наличии лингвистического репертуара, а скорее как признак рассеянного состояния ума, недостатка знания или опыта. Другими словами, ПК и языковые ошибки оцениваются участниками исследования негативно, чистота и правильность речи — позитивно. Один из выводов,

⁷ Понятие “*native speaker*” не имеет адекватного перевода на русский язык, что отражено и в словарях, и в наиболее популярном массовом ресурсе, таком как «Википедия», где оно переводится просто как «носитель языка». Однако в понятии «носитель языка» отсутствует важнейший семантический компонент исходного понятия — то, что этот язык является для данного говорящего родным (ср.: *someone who speaks a language as their first language* [25]), и этот факт обуславливает наивысший уровень его языковой компетенции в данном языке.

сделанных М.Б. Бергельсон, — то, как сами люди оценивают свои многоязычные дискурсивные практики и то, как описывают их ученые, может сильно различаться [27].

В силу всего вышесказанного не удивительно, что транслингвальная свобода, творческое обращение с языками, по определению нарушающее их правильность и «чистоту», не распространено в массовом сознании советских и постсоветских граждан. Конечно, это утверждение не абсолютно, и лингвокреативное обращение с русским языком, особенно в паре с английским (см. выше о «наивном переводе») — частое явление как среди профессионалов, так и «обычных людей». Продукты транслингвальных стратегий такого плана мы можем видеть, например, в языковом ландшафте всех российских городов, и этой теме посвящено много исследований. Не менее сильно, однако, и сопротивление «засилью» английского языка, выразившееся в последнее время и в законодательных инициативах, в частности в принятом в феврале 2023 г. законе о запрете использования иностранных слов при наличии аналогов в русском языке.

Заключение

Итак, в речи хорошо образованной полиэтничной и многоязычной группы мигрантов из бывшего СССР в Западной Европе мало транслингвальных стратегий и практик. Вместо транслингвальной свободы мы наблюдаем представления о языках (как родных, так и иностранных) как фиксированных структурах и нормативности грамматически правильного говорения на них. Эти представления свойственны не только мигрантам из бывшего СССР, но и жителям современной России. Данные представления полностью противоречат концепции транслингвальности, когда даже дефицит языковых ресурсов в лингвистическом репертуаре говорящего⁸ не препятствует свободному перемещению говорящего между языками и культурами.

Мы уже говорили о том, что ТЛ движима субъективными факторами, либо сознательными (целенаправленными), либо бессознательными, автоматическими. Во втором случае у говорящего должна быть определенная внутренняя свобода выражения, отсутствие привычки не употреблять или подсознательно блокировать какую-либо часть своего лингвистического репертуара. Вместо этого в нашем корпусе мы наблюдали скорее контроль сознания, запрещающий делать ошибки, нормативное речевое поведение,

⁸ Подчеркнем еще раз, что речь здесь не идет о дефиците ресурсов в самом языке. Мы не относим к ТЛ *вынужденное* переключение на другой язык, вызванное лингвистическими факторами, хотя, безусловно, границы между языком-структурой и языком / речью не могут быть жесткими и не всегда можно определить, под действием каких факторов — внутренних или внешних — произошло ПК или СК.

что было связано и с высоким уровнем образования исследуемой группы. Общий культурный уровень представителей интеллектуальной миграции не способствовал ненормативному, провокационному обращению с языками. Сознательные, целенаправленные транслингвальные стратегии, проявляются в исследованном материале только в виде языковой игры. Протестные мотивы у данной группы мигрантов отсутствуют в силу достаточной интегрированности в принимающее сообщество, относительного экономического благополучия и ряда других факторов.

Транслингвальный подход акцентирует внимание на том, как система образования должна извлекать выгоду из многочисленных языковых ресурсов учащихся, разрушая монолингвальные идеологии, которые исключают все языковые разновидности, отличные от национального языка. Исследователи ТЛ настаивают на продуктивном и творческом характере лингвистической гибридности и утверждают, что она показывает, как многоязычные говорящие проявляют свободу действий способами, которые бросают вызов доминирующим языковым идеологиям и предлагают альтернативные нормы.

На советском и постсоветском пространстве, однако, более распространены другие, более традиционные и консервативные языковые идеологии, проиллюстрированные примерами из нашего корпуса. Многие люди из этого региона не приветствуют транслингвальность, понимаемую как небрежность речи, неполную языковую компетенцию, а, напротив, поддерживают «чистоту» и правильность отдельных языков. При освоении языков они стремятся к идеальной (или близкой к этому) языковой компетенции, максимально приближенной к говорению на данном языке как на родном (*native-like*).

Мы видим, таким образом, что языковые установки и другие когнитивные модели, присутствующие «в головах» людей из советского и постсоветского пространства, вписаны не в новую, транслингвальную, а в старую, «кодую» парадигму, где *native speaker* представляет собой идеал аутентичности. В обыденном сознании людей, чья социализация прошла в этом регионе, границы языков существуют и не ставятся под сомнение, господствует представление, что этими языками — миноритарными, иностранными, и тем более русским языком надо владеть хорошо.

Таким образом, речевые практики многоязычной и полиэтничной группы мигрантов из региона бывшего СССР и современной России свидетельствуют о том, что транслингвальность не является универсальной теорией, под которую подпадают *все* речевые практики мигрантов, несущих в себе две и более (лингво)культуры. Они могут быть регионально специфичны и сформированы под влиянием более крупных идеологий, особенностей культуры и национального характера, тесно увязанных с рядом исторических, географических и других факторов.

Список литературы

1. *Khilkhanova E.* Buryat Migrants in Western Europe: Languages, Ethnic Identities, and Social Networks. In: *Father Baikal and his Cosmopolitans. Buryats in Europe*. Edited by Stefan Krist, co-edited by Viktoria Adler and Erzhen Khilkhanova, assisted by Monika Haider, Nello Fragner, Nadine Gratzner, Klaus Hofmann and Elisabeth Öfner. Wien: Praesens Verlag, 2022. Pp. 163–211.
2. *Moustaoui Srhir A., Prego Vázquez G., Zas Varela L.* Translingual Practices and Reconstruction of Identities in Maghrebi Students in Galicia // *Languages*. 2019. 4, 3 (63). <https://doi.org/10.3390/languages4030063>
3. *García O.* *Bilingual education in the 21st century: A Global perspective*. Malden, MA: Basil/Blackwell, 2009.
4. *Canagarajah S.* Codemeshing in Academic Writing: Identifying Teachable Strategies of Translanguaging // *Modern Language Journal*. 2011. 95. P. 401–417.
5. *Otheguy R., García O., Reid W.* Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*. 2015. 6 (3), 281–307. <https://doi.org/10.1515/applirev-2015-0014>
6. *Makoni S., Pennycook A.D.* Disinventing and reconstituting languages. In S. Makoni & A. Pennycook (Eds.), *Disinventing and reconstituting languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2007. 1–41.
7. *Thibault P.J.* ‘The reflexivity of human languaging and Nigel Love’s two orders of language,’ *Language Sciences*. 2017. 61: 74–85.
8. *MacSwan J.* A Multilingual Perspective on Translanguaging. *American Educational Research Journal*. 2017. 54 (1), 167–201. <https://doi.org/10.3102/0002831216683935>
9. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2017. 14 (2). С. 155–170.
10. *García O., W. Li.* 2014. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. Palgrave Macmillan.
11. *Li W.* Translanguaging as a Practical Theory of Language // *Applied Linguistics*. 2018. Vol. 39. Issue 1, February. P. 9–30. <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>
12. *Blommaert J.* (2010) *The Sociolinguistics of Globalization* (Cambridge: Cambridge University Press).
13. Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Языковые идеологии в речевых практиках многоязычных постсоветских мигрантов как барьер транслингвильности // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 78–91. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-1-78-91>
14. *Myers-Scotton C.* *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
15. *Darieva Ts.* *Russkij Berlin. Migrants and Media in Berlin and London*, Münster: LIT Verlag, 2004.
16. Хилханова Э.В. Бурятская интеллектуальная миграция в Западную Европу в аспекте иноязычных компетенций и дружеских связей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 255–267. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267>
17. Гучинова Э.-Б. Улица Kalmuck road. История, культура и идентичности калмыцкой общины США. С.-Петербург: Алетейя, 2004.
18. *Pischlöger C.* Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // Edited by R. Toivanen, J. Saarikivi. *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters, 2016. Vol. 14. P. 108–132.
19. Голев Н.Д. Современная ментально-языковая ситуация в аспекте взаимоотношения ее лингвистического и лингводидактического аспектов // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Теория и практика современной письменной речи: материалы конференции Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета, 2002. С. 178–192.

20. *Тепляшина Л.В.* Ошибки учащихся и способы их коррекции. 2009. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/527553>. (дата обращения: 25.02.2023).
21. *Protassova E., Suryanarayan N., Yelenevskaya M.* Russian in the multilingual environment of three Asian countries. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 4. P. 981–1003. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003>
22. *Джундубаева А.А.* Описательные модели плюрицентрических языков // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2017. № 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5193>. (дата обращения: 22.02.2023).
23. *Германова Н.Н.* Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции (на материале грамматик английского языка конца XVII — начала XX в.): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2016.
24. *Ривлина А.А.* Перевод в эпоху глобализации английского языка и усиления транслингвизма // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. Т. XV. Вып. 1. 2018. С. 43–49. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/native-speaker>. (дата обращения: 24.02.2023).
25. *Pujolar, J., O'Rourke, B.* Theorizing the speaker and speakeriness in applied linguistics and sociolinguistics. *Journal of Applied Linguistics and Professional Practice*. 2022. 16 (2). Pp. 207–231. <https://doi.org/10.1558/jalpp.22760>
26. *Бергельсон М.Б.* Revealing attitudes towards 'ethnic language' through paraverbal markers // Report at the International Conference *Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education*. Высшая школа экономики, 7–8 апреля, 2022.

References

1. Khilkhanova, E. 2022. Buryat Migrants in Western Europe: Languages, Ethnic Identities, and Social Networks. In: *Father Baikal and his Cosmopolitans. Buryats in Europe*. Edited by Stefan Krist, co-edited by Viktoria Adler and Erzhen Khilkhanova, assisted by Monika Haider, Nello Fragner, Nadine Gratzner, Klaus Hofmann and Elisabeth Öfner. Wien: Praesens Verlag. Pp. 163–211. Print.
2. *Moustaoui, Shrir A., Prego, Vázquez G., Zas, Varela L.* 2019. Translingual Practices and Reconstruction of Identities in Maghrebi Students in Galicia. *Languages*. 4, 3 (63). <https://doi.org/10.3390/languages4030063>
3. García, O. 2009. *Bilingual education in the 21st century: A Global perspective*. Malden, MA: Basil/Blackwell. Print.
4. *Canagarajah, S.* 2011. Codemeshing in Academic Writing: Identifying Teachable Strategies of Translanguaging. *Modern Language Journal* 95:401–417. Print.
5. Otheguy, R., García, O., and Reid, W. 2015. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review* 6 (3): 281–307. <https://doi.org/10.1515/applirev-2015-0014>
6. Makoni, S., Pennycook, A.D. 2007. Disinventing and reconstituting languages. In S. Makoni & A. Pennycook (Eds.), *Disinventing and reconstituting languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters. Pp. 1–41. Print.
7. Thibault, P.J. 2017. The reflexivity of human languaging and Nigel Love's two orders of language. *Language Sciences* 61: 74–85. Print.
8. MacSwan, J. 2017. A Multilingual Perspective on Translanguaging. *American Educational Research Journal* 54 (1): 167–201. Web. <https://doi.org/10.3102/0002831216683935>
9. Proshina, Z.G. 2017. Translingualism and its application. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14 (2):155–170. Print. (In Russ.).

10. García, O., Li, W. 2014. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. Palgrave Macmillan. Print.
11. Li, W. 2018. Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics* 39 (1): 9–30. <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>
12. Blommaert, J. 2010. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
13. Khilkhanova, E.V., Khilkhanov, D.L. 2022. Language ideologies in speech practices of multilingual post-Soviet migrants as a barrier to translanguaging. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* 1 (35): 78–91. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-1-78-91> Print. (In Russ.).
14. Myers-Scotton, C. 1993. *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press. Print.
15. Darieva, Ts. 2004. *Russkij Berlin. Migrants and Media in Berlin and London*. Münster: LIT Verlag. Print.
16. Khilkhanova, E.V. 2021. The Buryat Intellectual Migration to Western Europe from the Perspective of Friendship Connections and Foreign Languages Competencies. *Polylinguality and Transcultural Practices* 18 (3): 255–267. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267> Print. (In Russ.).
17. Guchinova, E.-B. 2004. The Street Kalmyck road. History, Culture and Identities in the Kalmyk Community of the USA. St. Petersburg: Aleteiya publ. Print. (In Russ.).
18. Pischlöger, C. 2016. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case. In: R. Toivanen, J. Saarikivi (eds.). *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters 14: 108–132.
19. Golev, N.D. 2003. The Modern Mental and Linguistic Situation in the Aspect of the Relationship Between its Linguistic and Linguodidactic Aspects. In: Golev N.D. (ed). *Natural Written Russian speech: Research and Educational Aspects. Part 2: Theory and Practice of Modern Written Speech: Conference Proceedings*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. Universiteta publ. Pp. 178–192. Print. (In Russ.).
20. Teplyashina, L.V. 2009. *Student mistakes and ways to correct them*. Web. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/527553>. (accessed: 25.02.2023). (In Russ.).
21. Protassova, E., Suryanarayan, N., Yelenevskaya, M. 2021. Russian in the multilingual environment of three Asian countries. *Russian Journal of Linguistics* 25 (4): 981–1003. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003>
22. Dzhundubaeva, A. A. 2017. Descriptive models of pluricentric languages. *Universum: Philology and Art history: electronic scientific journal* 10 (44). Web. URL: <http://universum.com/ru/philology/archive/item/5193>. (accessed: 22.02.2023). (In Russ.).
23. Germanova, N.N. 2016. *Linguistic and cultural foundations of the normative grammatical tradition (based on the grammars of the English language of the late XVII—early XX century): PhD thesis: summary: 10.02.19*. Moscow. Print. (In Russ.).
24. Rivlina, A.A. 2018. Translation in the era of globalization of the English language and the strengthening of translanguaging. *The Humanities and Social Studies in the Far East* XV (1): 43–49. Print. (In Russ.).
25. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/native-speaker> (accessed: 24.02.2023).
26. Pujolar, J., O'Rourke, B. 2022. Theorizing the speaker and speakerness in applied linguistics and sociolinguistics. *Journal of Applied Linguistics and Professional Practice* 16 (2): 207–231. <https://doi.org/10.1558/jalpp.22760>
27. Bergelson, M.B. 2022. Revealing attitudes towards 'ethnic language' through paraverbal markers. *Report at the International Conference "Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education"*. Higher School of Economics, 7–8 April, 2022.

Сведения об авторах:

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0001-9369-343X

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогического университет. E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-9382-7757

Bio Notes:

Erzhen V. Khilkhanova is a Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Center for National and Linguistic Relations, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0001-9369-343X

Dorzhi L. Khilkhanov is a Doctor of Sociology, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University. E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-9382-7757

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-426-435

EDN: XFUYJR

Научная статья

Развитие теоретических принципов исследований языкового ландшафта в контексте городского многоязычия

В.В. Иванов

Институт языкознания Российской академии наук,
125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1

✉ vvivanov@iling-ran.ru

Аннотация. Исследования языкового ландшафта за последние двадцать лет стали неотъемлемой частью социолингвистики. В статье анализируется развитие теоретических принципов данного направления, что до сих пор не было предметом специальных исследований. Отталкиваясь от различных определений термина «языковой ландшафт», встречающихся в работах разных лет, автор показывает эволюцию принципов исследования от количественных, опирающихся главным образом на статистическое изучение представленности языков в публичном городском пространстве, до комплексных, в которых на первый план выходят качественные характеристики функционирования языков в публичном городском пространстве.

Ключевые слова: языковой ландшафт, городское многоязычие, социолингвистика

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Иванов В.В. Развитие теоретических принципов исследований языкового ландшафта в контексте городского многоязычия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 426–435. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-426-435>

© Иванов В.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Development of Theoretical Principles for the Study of the Linguistic Landscape in the Context of Urban Multilingualism

Viacheslav V. Ivanov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russia

✉ vvivanov@iling-ran.ru

Abstract. Linguistic landscape studies have become an integral part of sociolinguistics over the past twenty years. In this article, an attempt is made to study the development of their theoretical principles which have not been the subject of special research. Based on various definitions of the term “linguistic landscape” found in the works of different years the article shows the evolution of research principles from quantitative, based mainly on the statistical study of the representation of languages, to complex ones, which focus on the qualitative characteristics of languages functioning in public urban space.

Key words: linguistic landscape, urban multilingualism, sociolinguistics

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Ivanov, V.V. 2023. “Development of Theoretical Principles for the Study of the Linguistic Landscape in the Context of Urban Multilingualism”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 426–435. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-426-435>

Введение

Интерес социолингвистики к вопросам городского многоязычия возрастал по мере ускорения темпов глобализации и урбанизации, когда повысившаяся мобильность населения обеспечила появление в городском пространстве новых сообществ, а следовательно, и новых языков. Функционирование этих языков в новой среде, не характерной для них в прошлом, особенности межпоколенческой передачи в новых условиях и многие другие аспекты существования языка поставили перед социолингвистикой совершенно новые вопросы, ответы на которые требуют принципиально иных методов исследования и анализа. В этом свете анализ языкового ландшафта (linguistic landscape analysis), как и другие направления, дает новые возможности для изучения особенностей устройства и функционирования городского многоязычия.

Понятие языкового ландшафта до сих пор остается относительно новым для российской социолингвистики, поэтому в данной статье на основе исследований, появившихся в течение двадцати с лишним лет существования

данного направления, делается попытка описать историю зарождения и развития теоретических основ его анализа в связи с проблемами исследования городского многоязычия. Понимание изменений теоретических принципов и методологии изучения многоязычия будет способствовать более глубокому осмыслению места и роли данного направления в социолингвистической науке, что позволит наметить перспективы его дальнейшего развития и применения на практике.

Обсуждение

Определение термина «языковой ландшафт»

Многие вопросы исследования многоязычия связаны с «изучением языковой ситуации, закономерностей использования языка и письменностей, официальной языковой политики, языковых идеологий, властных отношений между разными этническими группами, а также последствий продолжительных языковых контактов» [1. С. 11]¹. Поскольку предметом языкового ландшафта является язык в его письменной форме, размещенный на тех или иных знаках, его анализ может дать определенный взгляд на каждый из вышеуказанных вопросов. Однако подобный анализ не может производиться без четкого понимания самого термина «языковой ландшафт». На протяжении двадцати лет существования этого направления разными учеными предлагались различные определения данного термина, которые были релевантны для целей и задач конкретных исследований. Они сходятся в формулировке предмета изучения и расходятся в конкретном наборе рассматриваемых знаков, включаемых в анализ для исследования конкретных вопросов, связанных с функционированием языков в городском пространстве. Далее мы рассмотрим, что именно разные исследователи вкладывают в понятие языкового ландшафта и как оно изменялось с течением времени.

Языковой ландшафт тесным образом связан со знаками, а проявление языка на знаках представляет собой отдельный тип использования языка, отличный от письменного и устного, поэтому основы для его определения следует искать в семиотике. Наиболее важными для этого являются концепции Ф. де Соссюра и Ч. Пирса. Так, согласно соссюровскому определению, знак характеризуется двусторонним взаимодействием «означающего», (материального проявления), и «означаемого» (обозначаемого концепта) [2. С. 65–70]. Согласно определению П. Бакхауса, публичный знак является означающим, поскольку представляет собой особый тип семиотического знака, который имеет место только в том случае, если относится к какому-либо означаемому объекту (магазину, компании, учреждению и т. д.) [1. С. 5]. Однако помимо

¹ Здесь и далее перевод автора.

этого публичный знак также должен подразумевать под собой и того, кто будет его интерпретировать (иными словами, должен быть направлен на какого-либо человека или группу людей), а также быть расположенным в подходящем месте, где он будет получать верную интерпретацию. Имея в виду все эти характеристики публичного знака, исследования языкового ландшафта потенциально могут включать в себя разные наборы таких знаков, что наблюдается на практике в рассматриваемых ниже работах.

Впервые термин «языковой ландшафт» был использован в работе “Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study” двух канадских социолингвистов Р. Лэндри и Р. Бури [3]. Согласно их определению, языковой ландшафт территории складывается из сочетания языков, используемых «на публичных дорожных знаках, рекламных щитах, знаках с названиями улиц и заведений, вывесках магазинов и государственных учреждений» [3. С. 25]. Все перечисленные типы знаков явно показывают свою принадлежность к публичному городскому пространству, в котором они доступны широкому кругу людей и в котором занимают определенное место, отведенное специально для них. Подтверждается это и такими характеристиками знаков языкового ландшафта, как «видимость и заметность» [3. С. 23], которые проявляются именно при публичной доступности знаков, что подтверждает тезис об их отличии от других проявлений письменного языка.

Несколько иная точка зрения на языковой ландшафт была сформулирована в работе Н. Итаги и С. Синг [4], под языковым ландшафтом они понимают «использование письменного языка (видимого языка) в публичной сфере» [4. С. 9]. Такое определение позволяет включать в анализ любые его проявления, встречающиеся в публичной среде: газеты, визитные карточки и другие типы печатных изданий. Очевидна связь этого определения с определением, данным в работе Р. Лэндри и Р. Бури [3]: оно также подразумевает видимость проявлений письменного языка и их публичную доступность. Однако в отличие от работы, рассмотренной выше, в данном исследовании эти характеристики языкового ландшафта постулируются эксплицитно. Такая эксплицитность позволяет максимально расширить набор анализируемых единиц и включить их в рассматриваемую выборку, избегая подробного перечисления.

Интересным для рассмотрения является и терминологическое различие терминов “linguistic landscape” и “linguistic landscaping”, использующихся в этой же работе. Как справедливо отмечает П. Бакхаус, первый термин подразумевает под собой множество существующих знаков языкового ландшафта, тогда как второй обозначает «планирование и осуществление каких-либо действий, связанных с языком на знаках» [1. С. 10]. Для русского языка, где данное различие невозможно передать грамматически, наиболее подходящим термином, по нашему мнению, является «формирование языкового

ландшафта», который также включает в себя, с одной стороны, действия по его планированию, а с другой — конкретные действия по его изменению.

Под языковым ландшафтом Э. Бен-Рафаэль с соавторами подразумевают «языковой объект, маркирующий публичное пространство» [5. С. 7], что также выводится из определения Р. Лэндри и Р. Бури [3]. Носителями же языкового объекта являются уличные указатели, коммерческие знаки, рекламные щиты, вывески на зданиях государственных и муниципальных учреждений, названия торговых марок, а также публичные объявления [5. С. 10].

Поскольку определения языкового ландшафта во многом опираются именно на набор включенных в исследование анализируемых знаков и вывесок, можно сделать вывод, что не существует единого общепринятого набора рассматриваемых единиц: каждое исследование определяет такой набор в соответствии с конкретными целями. В то же время нельзя сказать, что такие наборы различаются кардинальным образом: все они включают в себя знаки, которые удовлетворяют семиотическим характеристикам и на которых зафиксировано использование какого-либо языка. Следовательно, принципиальное различие исследований языкового ландшафта кроется не в его определении как таковом, а в принципах его анализа и интерпретации, обзору которых посвящен следующий раздел данной статьи.

Развитие теоретических принципов изучения языкового ландшафта

Несмотря на то, что первое определение языкового ландшафта было дано в 1997 г., исследования языка на вывесках и знаках в публичном пространстве проводились и ранее, хоть и не были оформлены в качестве отдельной области социолингвистики. Обзор ранних работ представляет особый интерес для более четкого понимания становления этой области и развития теоретических принципов изучения языкового ландшафта.

Одной из первых работ, связанных с анализом языкового ландшафта, является исследование С. Тульп [6], в котором автор изучает язык коммерческих рекламных щитов на территории Брюсселя с целью показать, как закономерности использования доминирующего французского и миноритарного фламандского языков в языковом ландшафте вносят свой вклад в дальнейшую франкофикацию города. В исследовании использовался количественный подход к анализу материала, который показал превалирование франкоязычных знаков на городской территории. В связи с этим автор вводит параметр видимости языка, предполагая, что малая представленность фламандского языка в публичном пространстве негативно влияет на его этнолингвистическую витальность. Другой параметр, выделенный автором для анализа, относится к демографическому составу городского населения, который, по ее мнению, также влияет на представленность языка: в условиях большей численности

франкоязычного населения происходит увеличение представленности французского языка в публичной визуальной среде. Еще один параметр, выделенный автором, связан с географическим расселением представителей разных этнических групп: фламандский представлен лучше именно в тех районах, где проживает больше всего его носителей [6. С. 284–286].

Более позднее количественное исследование В. Вензель [7], также проведенное на территории Брюсселя, включало в качестве параметров не только степень визуальной представленности и географическое распределение, но и порядок следования языков на знаках, а также корреляцию представленности тех или иных языков с типами услуг, оказываемых в различных заведениях. Данные параметры являются важными для исследований языкового ландшафта, поскольку дают возможность показать языковые предпочтения тех, кто установил знаки, и тех, на кого эти знаки ориентированы, что позволяет делать более глубокие выводы об использовании и функционировании разных языков. Здесь же поднимается проблема неразличения языков, которая имеет место при схожести используемых орфографических систем, что дает возможность двойкой интерпретации языка на знаках.

Описанные выше подходы к анализу языкового ландшафта использовались для изучения степени представленности языков и причинах того или иного их распределения. В то же время другие ранние исследования установили связь существующего языкового ландшафта с реализуемой на территории города языковой политикой, что открыло новые перспективы для исследования городского многоязычия. К таким работам относится исследование Д. Монье [8], в котором анализ языкового ландшафта использовался в качестве инструмента для контроля над реализацией определенных пунктов языковой политики в канадском городе Монреаль, расположенном во франкоязычной провинции Квебек. Использованный в нем количественный подход к анализу языкового ландшафта опирался на различие, основанное на принадлежности знака к определенному типу частного заведения (уличные магазины, отдельные бутики в торговых центрах, универмаги, а также отели и рестораны) и их географическому расположению. Исследование подтвердило связанность представленности языков с особенностями расселения групп их носителей: так, присутствие английского на территории, где преимущественно проживают его носители, оказалось гораздо выше, чем в районах, где преобладают носители французского [8. С. 29–36].

Еще одним важным измерением, релевантным для будущих исследований языкового ландшафта, является анализ устного использования языка в разных типах заведений, предпринятый в рассматриваемой работе. Он показал, что язык приветствия и обслуживания коррелирует с языком, представленным на вывесках магазина [8]. Такое расширение используемой методологии в ранних работах также увеличило потенциал анализа языкового ландшафта, который может включать в себя не только количественные

подходы, но и качественные, позволяющие подтвердить связанность визуального присутствия языка в заведении с языком, на котором производится обслуживание.

Связь языкового ландшафта и языковой политики проводится и в исследовании Р. Лэндри и Р. Бури [3]. Авторы отмечают, что, несмотря на учет языкового ландшафта при планировании корпуса и статуса языка, ему не уделялось должного внимания в качестве важного самостоятельного инструмента оценки витальности. В работе не рассматривается собственно языковой ландшафт какой-либо территории, однако она имеет высокую теоретическую значимость для практических исследований. В первую очередь это обуславливается приведением функциональной классификации языков на знаках: они могут выполнять как информативную функцию, так и символическую [3. С. 25]. Под информативной функцией подразумевается способность языкового ландшафта «информировать о языковых характеристиках, административных и языковых границах территории», в то время как под символической подразумевается функция языка как «важного маркера этнической идентичности» [3. С. 25], который может как дополнять информативную функцию, так и использоваться вместо нее.

Помимо этого в данной работе приводятся и классификации единиц языкового ландшафта с точки зрения количества используемых языков, а также происхождения знаков [3. С. 26–27]. В плане количества языков знаки могут быть одноязычные, двуязычные или многоязычные, присутствие языков показывает наличие представителей определенных этнических групп, использующих этот язык. По происхождению же знаки разделяются авторами на правительственные и частные: так, первые характеризуются значительно большей степенью контроля со стороны государства, а следовательно, отличаются большей последовательностью в оформлении и использовании языков, чем частные. Таким образом, все вышеперечисленные теоретические положения и классификации предоставили инструмент для дальнейшего исследования городского многоязычия через анализ языковых ландшафтов разных городов.

В то же время нужно отметить, что рассмотренные выше исследования анализируют языковой ландшафт «сам по себе» и не уделяют должного внимания процессам его формирования, в том числе и акторам, инициирующим различные его изменения. Первая попытка обратиться к роли акторов наблюдается в работе Э. Бен-Рафаэля и соавторов, которые интерпретируют языковой ландшафт как «отражение социальной жизни» [5. С. 10]. Поскольку семиотическое определение знаков подразумевает их направленность на людей, они оказываются доступными различным группам, представители которых могут по-разному их интерпретировать. Соответственно, языковой ландшафт имеет свою «символическую значимость» и участвует в «символическом конструировании публичного пространства» [5. С. 10].

Внимание к роли акторов также позволило открыть новые перспективы для классификации знаков по происхождению. Так, исследование различает знаки top-down и bottom-up, где первые относятся к государственным учреждениям, находящимся под более пристальным контролем законодательства, а вторые — к частным компаниям и индивидуальным лицам, действующим с большей степенью свободы [5. С. 10]. Государственные учреждения, частные компании являются теми самыми акторами, которые участвуют в формировании языкового ландшафта городов.

Внимание к определяющей роли акторов заостряется и в других исследованиях, среди которых можно выделить работу П. Бакхауса [1]. Ключевыми в анализе языкового ландшафта, по мнению автора, являются ответы на три вопроса: кто создает языковой ландшафт, для кого создается языковой ландшафт и как языковой ландшафт изменяется со временем? [1. С. 54]. Таким образом, анализ языка на знаках и вывесках сводится не только к конкретной языковой политике, но и к роли отдельно взятых людей, принимающих те или иные решения относительно репрезентации того или иного языка на знаках различных учреждений.

Осознание роли акторов в формировании языкового ландшафта публичного городского пространства показало, что все эти процессы отражают большой спектр социальных отношений в обществе. Это отмечается в работе [9. С. 3], авторы которой вводят понятие этнографического подхода к анализу языкового ландшафта. Такой подход противопоставляется широко использовавшимся ранее количественным методам и позволяет понять, «как присутствие и распределение языков может быть связано с конкретными сообществами и отношениями между ними, или же с закономерностями социального взаимодействия, в которые вовлекаются люди на данной территории» [9. С. 3].

Таким образом, развитие отдельных теоретических принципов анализа языкового ландшафта началось с конца 70-х гг. XX в., когда предпринимались первые попытки его использования для оценки распространенности тех или иных языков в дву- и многоязычных городах. Вместе с этим происходило увеличение роли анализа языкового ландшафта и в области контроля за соблюдением языковой политики, что также способствовало его развитию в качестве отдельного направления социолингвистики. Активная фаза данного процесса пришлась на начало XXI в., когда были сформулированы основные теоретические принципы данного направления, заключавшиеся преимущественно в количественном анализе представленности языков и ее корреляции с географическим расселением их носителей, использованием в разных типах заведений и другими параметрами. С середины первого десятилетия XXI в. внимание с количественных показателей начинает смещаться в сторону качественных, в число которых входит оценка социальных процессов, происходящих в условиях языковых контактов, что, в свою очередь, включает в анализ

не только язык самих вывесок, но и языковые практики и языковые идеологии различных акторов, роль которых является не менее определяющей, чем роль официальной языковой политики.

Заключение

Итак, историко-теоретический обзор развития исследований в области языкового ландшафта показал, что данное направление позволяет дать комплексный взгляд на процессы, происходящие в условиях городского многоязычия. Анализ языкового ландшафта, оформившийся относительно недавно в качестве самостоятельной области социолингвистики, проделал путь от количественной оценки присутствия тех или иных языков в условиях двуязычного города до комплексного инструмента для оценки функционирования языков в публичной городской среде, влиянии на эти процессы официальной и неофициальной языковой политики, а также отдельно взятых акторов. Взаимодействие языков, происходящее в городе в условиях многоязычия, поддается обследованию в силу того, что оно происходит в социальной среде и отражается в присутствии (или же наоборот отсутствии) языков тех или иных групп в языковом ландшафте территории. Подобная комплексная оценка имеет и высокий практический потенциал, поскольку позволяет выявить процессы, происходящие в разных языковых сообществах, что дает возможность принять меры по работе с языковым многообразием на определенной территории.

Список литературы / References

1. Backhaus, P. 2007. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio. *Multilingual Matters* (136). New York; Ontario; Clevalon.
2. De Saussure F. 1916. *Course in general linguistics* (trans. Roy Harris). London: Duckworth.
3. Landry, R., and R.Y. Bourhis. 1997. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // *Journal of language and social psychology* 16 (1): 23–49.
4. Itagi, N.H., and S.K. Singh. Linguistic landscaping in India: With particular reference to the new states: *Proceedings of a seminar*. Central Institute of Indian Languages and Mahatma Gandhi International Hindi University. 2002. (495).
5. Ben-Rafael, E., Shohamy, E., and M. Hasan Amara. Trumper-Hecht, N. 2007. Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. *International journal of multilingualism* 3 (1): 7–30.
6. Tulp, S.M. 1978. Reklame en tweetaligheid: Een onderzoek naar de geografische verspreiding van franstalige en nederlandstalige affiches in Brussel. *Taal en sociale integratie* 1: 261–288.
7. Wenzel, V. 1996. Reclame en tweetaligheid in Brussel: Een empirisch onderzoek naar de spreiding van Nederlandstalige en Franstalige affiches. *Vrije Universiteit Brussel* (ed.) *Brusselse thema's* 3: 45–74.
8. Monnier, D. 1989. *Langue d'Accueil Et Langue De Service Dans Les Commerces*. Montréal/Québec: Conseil de la Langue Française.
9. Blommaert, J., and I. Maly. 2014. Ethnographic linguistic landscape analysis and social change: A case study. *Tilburg papers in culture studies* 100: 1–27.

Сведения об авторе:

Иванов Вячеслав Валерьевич — младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России, Институт языкознания РАН.
E-mail: vvivanov@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0003-0756-0820
eLibrary SPIN-code: 1881–4488

Bio Note:

Viacheslav V. Ivanov is a junior researcher of the Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. E-mail: vvivanov@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0003-0756-0820
eLibrary SPIN-code: 1881–4488

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-436-455

EDN: XIDIPD

Научная статья

Исчезновение языков и естественный билингвизм

Н.Ш. Александрова

10247 Шпрахбрюке,
ул. Петтенкофер, 16-18, Берлин, Германия

✉ nina.alexandrova@gmx.net

Аннотация. Исчезновение малых языков происходит через обязательную фазу коллективного естественного билингвизма (т.е. билингвизма, возникающего в результате языковых контактов) и заканчивается переходом языкового сообщества на более распространенный и перспективный язык. Исчезновение языков — наиболее масштабное проявление и осуществление стремления языковой системы к одноязычию; при индивидуальном естественном билингвизме данное стремление проявляется как языковые аттриции. Математическое моделирование явления подтвердило гипотезу о нестабильности естественного билингвизма: как индивидуальный, так и коллективный естественный билингвизм, обеспечивая «двойную» коммуникацию, в то же время являются фазой перехода к одноязычию. Хранители языка — монолингвы, основным условием сохранения этнического языка является одноязычное хранилище (например, страна, где большинство населения имеет один родной язык). При этом иностранных языков, освоенных логическим способом, у одноязычных может быть как угодно много. Оптимальным для сохранения любого этнического языка (не только малого) является одноязычие дошкольников (коренной язык) и введение второго, третьего и т.д. языков в школьном возрасте логическим путем.

Ключевые слова: исчезновение языков, коллективный естественный билингвизм, искусственный билингвизм, языковые аттриции, нелинейная динамика, математическое моделирование, нестабильное состояние, одноязычное хранилище

История статьи: поступила в редакцию 14. 02.2023; принята к печати 14. 06.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Александрова Н.Ш. Исчезновение языков и естественный билингвизм // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 436–455. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-436-455>

© Александрова Н.Ш., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Disappearance of Languages and Natural Bilingualism

Nina Sh. Alexandrova

Sprachbrücke E.V., Berlin
Pettenkofer str., 16-18, 10247, Berlin, Germany
✉ nina.alexandrova@gmx.net

Abstract. The disappearance of small languages occurs through an obligatory phase of collective natural bilingualism (i.e., bilingualism resulting from language contacts) and ends with the transition of the language community to a more widespread and promising language. The disappearance of languages is the most large-scale manifestation and realization of the desire of the language system for monolingualism; with individual natural bilingualism, this desire manifests itself as linguistic attrition. Mathematical modeling of the phenomenon confirmed the hypothesis about the instability of natural bilingualism: both the individual one, and the collective natural bilingualism providing «double» communication, are at the same time a phase of transition to monolingualism. Language keepers are monolinguals, therefore the main condition for the preservation of an ethnic language is the existence of a monolingual repository (e.g., a country where the majority of the population has one mother tongue). At the same time, monolinguals can have as many foreign languages mastered in a logical way. Optimal for the preservation of any ethnic language (not just a small one) is the monolingualism of preschoolers (indigenous language) and the introduction of the second, third, etc. languages at the school age in a logical way. **Keywords:** disappearance of languages, collective natural bilingualism, artificial bilingualism, language attritions, non-linear dynamics, mathematical modeling, unstable state, monolingual repository.

Key words: disappearance of languages, collective natural bilingualism, artificial bilingualism, language attritions, non-linear dynamics, mathematical modeling, unstable state, monolingual repository

Article history: Received: 14.03.2023; Accepted: 14.06.2023

Conflict of interests: none

For citation: Alexandrova, N.Sh. 2023. “The Disappearance of Languages and Natural Bilingualism”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 436–455. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-436-455>

Введение

Призыв противостоять устрашающему темпу исчезновения языков впервые прозвучал в 1991 г. [1]. Изучив доступные источники, Краусс пришел к выводу, что только 10 % языков на Земле достаточно устойчивы и им не угрожает исчезновение в долгосрочной перспективе. В то же время остальные 90 % могут исчезнуть уже к концу XXI столетия. Двадцать лет спустя данные о жизнеспособности языков были скорректированы [2]: исчезновение языков происходит на всех континентах, но разными темпами. Так, по сравнению с 1950 г. 78 % (207 из 266) языков Северной Америки либо вымерли, либо уже не изучаются

детьми, как и 85 % (329 из 388) в Австралии и Новой Зеландии. Три других региона приближаются к уровню 50 %: Южная Америка (48 %, 242 из 521), Полинезия (47 %, 9 из 19) и Западная Азия (41 %, 38 из 93). Для остальных 16 регионов мира доля языков, которые уже вымерли или не изучаются детьми, колеблется от 30 % в Восточной Европе (37 из 122) до 8 % в Восточной Африке (31 из 390) и Западной Африке (69 из 899). По данным на 2013 г.: из 7103 живых языков 1360, т.е. 19 %, более не изучаются детьми [2]. Анализ данных о 1500 языках по всему миру с использованием методов, применяемых для количественной оценки биоразнообразия, показал, что за период 1970–2005 гг. глобальное языковое разнообразие сократилось на 20 % [3].

Несмотря на то, что Россия, как и вся Восточная Европа, по количеству исчезнувших языков находится в достаточно благополучной ситуации по сравнению со многими странами, в настоящее время умирание малых языков в России становится крайне чувствительной проблемой. Так, А.Л. Арефьев считает состояние языков большинства малочисленных народов России катастрофическим [4. С. 437]. Того же мнения придерживается В.М. Алпатов, он отмечает, что в самом тяжелом положении находятся наиболее малочисленные языки Сибири, Дальнего Востока и Севера [5. С. 21–22]. В работах многих исследователей можно слышать горечь, нежелание смириться с ситуацией, беспокойство за народы, потерявшие коренные языки, недовольство мерами поддержки со стороны государства и в то же время — иногда — ощущение неотвратимости языковых потерь. Сбор статистических данных о жизнеспособности языков достаточно сложен, и результаты разных методов могут не совпадать, но тем не менее нет сомнения, что угроза исчезновения языков меньшинств во всех частях мира является важной проблемой нашего времени [6–17].

Обсуждение

Каждый человек настолько тесно связан со своим родным языком, что сама возможность его исчезновения представляется трагедией. Исчезновения языков никто не хочет, но оно происходит, и темпы умирания языков растут. Какова природа этого процесса? Существует ли возможность его затормозить?

Поиски причин исчезновения языков

Казалось логичным искать причину явления в социальных проблемах тех регионов, где исчезновение языков происходило наиболее стремительно. Высказывались предположения, что различие в темпах умирания языков обусловлено последствиями колониализма. С. Мафвен [18] предположил, что результаты языковых контактов в значительной степени соответствуют типу

колонизации, который преобладал в этой части мира. Он выделил три типа колонизации: торговлю, эксплуатацию и поселенческие колонии. Каждый тип колонизации определяет модель взаимодействия между колонизаторами и коренным населением. С. Мафвен утверждал, что именно в поселенческих колониях европейские колониальные языки привели другие языки к исчезновению или поставили их под угрозу исчезновения [18. Р. 168]. Это предположение кажется вполне правдоподобным: места, где утрата языка была наиболее глубокой — Австралия, Канада и Соединенные Штаты — также являются местами, где практически вся земля была заселена колонизаторами, вытеснившими коренное население. Напротив, регионы Африки к югу от Сахары и Меланезии, где утрата языков была минимальной, не были заселены колонизаторами. Таким образом, вполне вероятно, что в этих регионах языковая динамика не будет соответствовать предсказаниям Краусса [19; 20].

Несомненно, что колониализм, войны, геноцид и другие формы насилия, в том числе запрет на обучение детей на родном языке, могут сократить число носителей того или иного языка. Здесь мы видим негативное влияние социальных факторов, которые способствуют угасанию нежелательных языков. Но не только насилие приводит к утрате коренных языков: так, урбанизация, т.е. добровольный массовый переезд жителей сельской местности в города и освоение ими городских языков с течением времени также обуславливает ослабление малых коренных языков. Динамика продолжительных контактов в городских условиях похожа на описанную С. Мафвен модель в поселенческих колониях. По оценке ООН (United Nations 2008), глобальная доля городского населения с 2007 по 2050 г. увеличится с 49 до 70 %, поэтому в ближайшие десятилетия можно ожидать активизации процесса смены языков меньшинств на языки городов [2].

Из этих фактов следует, что угасание и исчезновение малого языка вызвано продолжительными языковыми контактами значительной части носителей этого языка с новым языком. При этом контакты с новым языком могут быть как желанными, со знаком плюс (при урбанизации), так и вынужденными, со знаком минус (при колонизации).

Явление угасания коренных языков также можно наблюдать и в диаспорах в условиях миграции (например, русскоязычная диаспора в Германии), причем нередко это происходит несмотря на разнообразные программы поддержки коренных языков мигрантов (двуязычные детские сады и школы, клубы по интересам и т.п.). Более того, в среде русскоязычных мигрантов присутствует выраженное стремление сохранить полноценный русский язык. Тем не менее с каждым новым поколением делать это все сложнее. Данное явление известно как «модель трех поколений»: для первого поколения мигрантов родным и основным является язык страны, из которой они выехали, второе поколение вырастает двуязычным и использует оба языка, а для третьего поколения родным становится новый язык [21. Р. 42]. Понятно, что угасание

коренного русского (или любого другого) языка у мигрантов в той или иной стране не может привести к исчезновению русского (или любого другого) языка в целом, но механизм точечной потери языка, вероятно, идентичен механизму исчезновения этнических языков в более крупных масштабах.

Однако исчезновение языков далеко не всегда связано или совпадает во времени с такими заметными социальными явлениями, как колонизация, миграция, урбанизация или войны. В дальнейших рассуждениях мы не будем касаться угасания языков вследствие событий, связанных с физическим или социальным насилием. Также нужно сказать, что такие маловероятные события, как цунами, которое накрывает остров со всеми жителями, или ураган, сметающий с лица Земли поселение, если и приводили когда-нибудь к гибели всех носителей какого-то языка, то чрезвычайно редко, и объяснить этим поистине лавинообразное умирание языков по всему миру невозможно. В настоящее время в подавляющем большинстве случаев исчезновение языков не связано с гибелью их носителей и природными катаклизмами. Именно это явление с его кажущейся беспричинностью и является объектом обсуждения в данной статье.

Языки малых этнических групп исчезают без каких-либо катастроф, незаметно и безболезненно для подавляющего большинства их носителей. Это происходит в процессе контактов с другими языками, как правило, с более распространенными и престижными. Контакты со вторым, новым, более распространенным языком в живой языковой среде приводят к формированию у части населения естественного билингвизма. Билингвизм, открывающий возможность двойного общения, обычно приветствуется в обществе, и количество естественных билингвов растет. Но одновременно с ростом числа билингвов уменьшается необходимость в использовании коренного языка: если большинство населения понимает новый язык, нерационально пользоваться коренным, малым языком. В какой-то момент новый язык оказывается общим для большинства жителей и более востребованным в повседневной жизни сообщества. Как следствие этого — новый язык становится основным, ведущим у молодого поколения билингвов. Молодые родители начинают говорить на нем со своими детьми. Если так поступают во многих семьях, коренной язык начинает умирать, а количество естественных билингвов сокращаться. Последние носители умирающих языков всегда естественные билингвы, владеющие как коренным, так и новым языком, на котором они общаются в социуме. Языковое сообщество вновь становится монолингвальным, но это уже носители нового языка.

В процессе перехода к новому языку выделяются три этапа: на первом этапе основным языком остается коренной язык, но его носители испытывают давление окружающей среды, появляется необходимость освоить новый язык; второй этап — двуязычие большинства жителей; для третьего этапа характерно сокращение числа носителей коренного языка [17. С. 158; 15].

О потере коренного языка в сообществе обычно не жалеют, ведь новый язык дает больше возможностей для коммуникации и самореализации (если бы это было не так, переход на новый язык не состоялся бы). И лишь отдельные специалисты понимают необратимость потери.

Если новый язык стал основным в жизни сообщества, мотивировать детей и их родителей к изучению коренного языка в школе достаточно сложно: языки учат для расширения будущей коммуникации, а не для того, чтобы иногда поговорить с бабушками. Здесь на первый план выступает житейский прагматизм.

Мы описали простейшую схему исчезновения малого языка в результате контакта с более распространенным. Малый язык умирает, когда становится ненужным. Для понимания природы этого процесса важно отметить, что язык исчезает через фазу коллективного естественного (не искусственного!) билингвизма, который выступает в подобных случаях как своеобразный мостик, позволяющий языковому сообществу безболезненно перейти на более перспективный язык.

Исчезновение малых языков громко заявило о себе в начале 90-х гг. прошлого века. Это время падения границ и разрушения межязыковых барьеров, а также время, когда компьютеры и интернет становятся обычными атрибутами жизни широких слоев населения во многих странах.

Причины «беспричинного» исчезновения языков уходят в биофизическую природу языковой системы в целом и естественного билингвизма в частности. Рассмотрим данные, известные на сегодняшний день.

Вербальная коммуникация и билингвизм

Особый статус вербальной коммуникации среди проявлений функционирования языковой системы

Вербальная коммуникация на родном языке является видоспецифической характеристикой человека [22. Р. 153; 23]. Среди проявлений функционирования языковой системы у вербальной коммуникации особый статус: способность говорить имеет четкие сроки формирования в онтогенезе (созревание) и не может быть забыта, т.е. любые нарушения или утрата вербальной коммуникации возможны лишь из-за болезни. Другие проявления функционирования языковой системы — билингвизм естественный, билингвизм искусственный и письменная речь — могут сформироваться лишь при определенных условиях или в результате обучения благодаря пластичности мозга, они не являются обязательными для здорового человека и могут быть утрачены (забыты) без повторения [24]. В свете наших обсуждений важно, что вербальная коммуникация как видоспецифическая характеристика *Homo sapiens* для природы имеет приоритетное значение.

Билингвизм и его классификации

Существует множество определений билингвизма. The Handbook of Bilingualism and Multilingualism [25. P. 112] определяет билингвизм как «очень сложное лингвистическое, психологическое и социальное явление. Двухязычие многомерно, контекстно-зависимо, нестатично и неоднородно»¹. В работе приводятся классификации билингвизма, опирающиеся на различные признаки явления: взаимосвязь между владением двумя языками (сбалансированные и доминантные билингвы); функциональные способности (рецептивные и продуктивные билингвы); возраст приобретения (одновременное, последовательное и позднее двухязычие). Также существуют классификации, опирающиеся на организацию языковых кодов и смысловых единиц, культурную идентичность, различия в среде обучения и т.д. Автор отмечает, что существует несколько причин, по которым данные классификации не могут отразить всей сложности и динамичности билингвизма: во-первых, многие из этих признаков — опор классификаций являются не категориальными, а континуальными; во-вторых, приведенные выше классификации не отражают роль контекста, в котором используется язык, а это добавляет еще один уровень сложности к пониманию двухязычия; в-третьих, билингвальный профиль постоянно меняется. Вывод: «в то время как эмпирические данные о многоязычии все еще ограничены, классическая типология, используемая в билингвальной литературе, больше не кажется достаточной, чтобы охватить всю сложность многоязычия» [25. P. 116].

Причина несостоятельности приведенных классификаций билингвизма, вероятно, кроется в игнорировании его биологической и биофизической природы.

Способы освоения языка и билингвизм

Как известно, билингвизм по способу приобретения второго языка подразделяется на естественный (два языка одновременно или последовательно произвольно осваиваются в процессе контактов в языковой среде — натуральный путь) и искусственный (второй язык сознательно, произвольно изучается в процессе занятий — логический (учебный) путь). Первый язык у здорового человека всегда осваивается в живой языковой среде (натуральный путь), этот язык мы называем родным; если натуральным путем осваиваются два или больше языков, говорят о двух (трех) родных языках. Языки, приобретаемые в процессе изучения, т.е. логическим путем, именуют иностранными языками.

В нейролингвистике два способа осваивать язык и использовать его в течение жизни рассматриваются как имплицитная компетенция

¹ Перевод автора.

(implicit competence) и металингвистические знания (metalinguistic knowledge) либо как имплицитный и эксплицитный языковые процессы [26]. Согласно Пароди, эти способы могут функционировать изолированно: так, маленькие дети и неграмотные опираются лишь на языковую имплицитную компетенцию, а при патологии (генетическая дисфазия (genetic dysphasia) и при изучении иностранного языка востребованы металингвистические знания. Два способа освоения языка опираются на различные мозговые нейрональные ресурсы. Двум различным способам освоения языка соответствуют различные виды памяти (концепция процедурной — декларативной памяти) [26; 27].

Л.С. Выготский так описывает различие процессов приобретения родного языка в одноязычной среде и иностранного языка: «...усвоение иностранного языка идет путем, прямо противоположным тому, которым идет развитие родного языка. Ребенок никогда не начинает усвоение родного языка с изучения азбуки, с чтения и письма, с сознательного и намеренного построения фразы, с словесного определения значения слова, с изучения грамматики, но все это обычно стоит в начале усвоения иностранного языка. Ребенок усваивает родной язык неосознанно и ненамеренно, а иностранный — начиная с осознания и намеренности. Поэтому можно сказать, что развитие родного языка идет снизу вверх, в то время как развитие иностранного языка идет сверху вниз. В первом случае раньше возникают элементарные, низшие свойства речи и только позже развиваются ее сложные формы, связанные с осознанием фонетической структуры языка, его грамматических форм и произвольным построением речи. Во втором случае раньше развиваются высшие, сложные свойства речи, связанные с осознанием и намеренностью, и только позже возникают более элементарные свойства, связанные со спонтанным, свободным пользованием чужой речью» [28. С. 244].

Выготский в своих работах много внимания уделяет спонтанным понятиям, которые произвольно формируются у ребенка раньше научных, но осознаются позже. Сравнивая логический и натуральный пути освоения языка, Выготский отмечает их взаимозависимость и противоположную направленность и проводит аналогию с развитием научных и спонтанных (жизненных) понятий: «...между этими противоположно направленными путями развития существует обоюдная взаимная зависимость, точно так же, как между развитием научных и спонтанных понятий...» [28. С. 245]. Выготский фактически говорит о двух путях познания:

– натуральный, природный путь, генерирующий спонтанные понятия и обеспечивающий освоение родного языка. Этот путь не поддается сознательной регуляции;

– развитие, источником которого является систематическое обучение. Здесь процессы произвольные, возможно сознательное управление. Оба пути сливаются в процессе развития психики.

Два способа (натуральный и логический) приобретения языка — проявление в языковой сфере двух глобальных путей человеческого познания.

Приобретение второго языка в живой среде, т.е. становление естественного билингвизма, происходит с использованием тех же когнитивных механизмов, что и освоение родного языка в одноязычной среде. Но это не простое удвоение родного языка, не параллельное соразвитие языков. Как мы знаем, единственный родной язык у здоровых людей ни обедняться, ни исчезнуть не может. Но при естественном билингвизме каждый из языков может остановиться в развитии (фоссилизации) или обедняться (языковые аттриции) вплоть до полного исчезновения. Взаимодействие языков в данном случае напоминает конкуренцию. Иными словами, естественный билингвизм отличается как от искусственного билингвизма, так и от освоения и использования родного языка в одноязычной среде.

Принципиальное различие естественного и искусственного билингвизма не всегда заметно, так как два когнитивных процесса (натуральный и логический способы освоения языка) сосуществуют и дополняют друг друга почти в каждом индивидуальном случае становления билингвизма. Тем не менее два разнонаправленных процесса не смешиваются. Наблюдать эти процессы по отдельности можно только в раннем детстве (ранний естественный билингвизм), при изучении мертвых языков и при языковой патологии.

Феномен исчезновения малых языков, анализу которого посвящена данная статья, раскрывает различие натурального и логического способов освоения языка и двух видов (естественного и искусственного) билингвизма.

Причина возникновения естественного билингвизма

Сама по себе двуязычная среда не приводит к освоению второго языка, один из языков может восприниматься лишь как звуковой фон. Именно необходимость общения заставляет человека (как ребенка, так и взрослого) осваивать второй язык и поддерживает два языка как у билингва, так и в обществе. Возникновение коллективного билингвизма также происходит только в тех ситуациях, когда языковые сообщества сталкиваются с необходимостью понимать два языка.

Для естественного билингвизма характерна подвижность уровня владения языками, которая наиболее выражена в раннем возрасте. Сильный и слабый языки могут неоднократно меняться местами, причем усиление одного языка обычно приводит к ослаблению второго и, наоборот, сокращение времени общения на одном языке сопровождается заметным ростом вербальной активности на втором. Возможно, именно эта подвижность и позволяет естественному билингвизму выступать в роли мостика при переходе на новый язык. Для сравнения: у искусственных билингвов, которые изучают

иностранные языки логическим путем, регресс навыков родного языка невозможен, приобретение или забывание иностранных языков не отражается на родном языке.

Явные причины исчезновения языков

Один из языков (обычно малый) при коллективном билингвизме становится ненужным, если все или почти все члены сообщества владеют не только своим коренным, но и более распространенным языком. Причиной возникновения и существования естественного билингвизма является необходимость общения на двух языках, двуязычная среда при этом только необходимое условие [29]. А если в большинстве жизненных ситуаций можно пользоваться лишь одним из языков, то необходимость во втором языке исчезает, затем исчезает и сам язык. При индивидуальном естественном билингвизме потерю одного из языков называют языковой аттрицией, при коллективном билингвизме происходит исчезновение этнического языка.

Еще одной причиной исчезновения языков является уменьшение словаря в каждом из языков у естественных билингвов по сравнению с монолингвами [30]: словарный запас у двуязычных детей и взрослых меньше, чем у одноязычных сверстников. В задачах называния картинок двуязычные участники медленнее и менее точны, чем одноязычные. Более медленные ответы двуязычных также обнаруживаются как при понимании, так и при произнесении слов, даже когда двуязычные люди отвечают на своем доминантном языке. Задачи на беглость речи — произнести как можно больше слов за 60 секунд — выявляют систематические недостатки для двуязычных участников, даже если ответы могут быть предоставлены на любом из языков. Таким образом, простое извлечение общеупотребительного слова труднее для двуязычных. Далее в той же работе приводятся результаты исследований, которые выявили превосходство двуязычных в исполнительных функциях, но факт уменьшения словаря в каждом из языков у каждого билингва не может не сказаться на языке следующих поколений, иными словами в случае коллективного естественного билингвизма просматривается тенденция постепенного обеднения языков.

Одноязычное хранилище

Языковые аттриции и уменьшение словаря у естественных билингвов косвенно свидетельствуют о конечности, ограниченности мозгового нейронального ресурса, запланированного природой для освоения родного языка. Т.е. в случае освоения нескольких языков натуральным способом происходит деление существующего нейронального ресурса [27].

А монолингв весь свой природный потенциал для освоения родного языка реализовывает в одном языке. (Монолингвом в данной работе мы называем человека, у которого один родной язык, владение иностранными языками при этом возможно, их может быть как угодно много). Здоровый человек-монолингв не может разучиться говорить на своем единственном родном языке, а языки у естественных билингвов находятся в постоянном движении-конкуренции, и под влиянием необходимости интенсивно использовать один из языков второй может обедняться вплоть до полного исчезновения даже у взрослых людей. Понятно, что уменьшение словаря у билингвов не может не отразиться на языке следующего поколения и если нет достаточного количества монолингвов, которые выступают как хранители родного языка, то язык будет двигаться к примитивизации и исчезновению. Поэтому для сохранения любого языка так важно наличие одноязычного хранилища, т.е. региона, где данный язык является основным в сообществе и существует достаточное количество монолингвов. Именно в одноязычном сообществе языки могут полноценно развиваться. Так, для русского языка одноязычным хранилищем является страна Россия, где у большинства населения один родной русский язык, т.е. они полностью реализовали свой потенциал в русском языке. Именно здесь русский язык сохраняется и полноценно развивается. Также русскоязычное население проживает на всех континентах планеты, образуя диаспоры. Население диаспор, как правило, билингвы, так как владеют не только русским языком, но и языком страны проживания, который постепенно становится ведущим у молодого поколения. Неизбежное ослабление русского языка в диаспорах компенсируется полноценным русским языком, который сохраняется и развивается в России. В Бельгии три государственных языка и языковая ситуация далека от гармоничной [31], но каждый из государственных языков имеет одноязычное хранилище — Францию либо Голландию, Германию — поэтому проблемы с языками у бельгийских билингвов не приводят к обеднению французского, голландского и немецкого языков. Но если одноязычного хранилища больше нет и все или почти все носители какого-то языка становятся естественными билингвами, язык начинает движение к исчезновению.

Неявная причина исчезновения языков: присущее естественному билингвизму стремление к одноязычию

Феномен исчезновения языков, так же как и языковые аттриции, может быть понят при рассмотрении языковой системы как нелинейной динамической системы. Данный подход включает в себя достижения в теории нелинейных динамических систем, теории хаоса и самоорганизации, теории эмерджентности, синергетики, когнитивных нейронаук [32–35].

Под динамической системой понимают систему любой природы (физическую, химическую, биологическую, социальную, экономическую и т.д.), состояние которой изменяется (дискретно или непрерывно) во времени. Все динамические системы способны к эволюции. Для самоорганизующихся нелинейных динамических систем характерно постоянное изменение-развитие, непредсказуемость, несводимость к частным случаям, сильная зависимость от начальных условий. Не только языковая система в целом, но и естественный билингвизм может быть рассмотрен как нелинейная динамическая система [36–39]. Гипотетически функционирование естественного билингвизма можно представить так: естественный билингвизм в любых проявлениях и масштабах — это сверхсложная система, возникающая (самоорганизующаяся) при необходимости осуществлять коммуникацию на двух языках, функционирующая по своим законам, чутко реагирующая на любые изменения в количестве и качестве языков вокруг ребенка и в многоязычном сообществе в целом и в то же время стремящаяся сбросить груз всех языков сверх одного и вернуться к устойчивой, более экономной по затратам энергии, одноязычной программе. Иными словами, законы функционирования билингвизма как сверхсложной системы — сила, которая распоряжается процессом овладения двумя языками независимо от учителей и родителей и иногда вопреки их стараниям. Также и языковая политика государства без учета стремлений самоорганизующейся системы не может быть успешной [38].

Математическое моделирование

Исчезновение языков интересует математиков, моделирование призвано прояснить непонятный процесс. Известная модель Абрамса и Строгатца [40] предсказывает, что два языка не могут стабильно сосуществовать — это в конечном итоге приведет к исчезновению одного из языков. Но двуязычные общества существуют. Авторы модели указывают, что история стран, где сегодня сосуществуют два языка, обычно связана с разделенным населением, которое жило без значительного взаимодействия, фактически в отдельных одноязычных обществах. Только недавно эти сообщества начали активно общаться, что позволило начать языковую конкуренцию. Авторы предполагают, что исчезновение языков можно замедлить политическими и образовательными мерами. Более того, расширение уравнения, которое предсказывает обязательное исчезновение одного языка, может показывать стабилизацию двух языков.

Предположение о присущем естественному билингвизму стремлении вернуться к одноязычному состоянию сделано на основе наблюдений [39], математическое моделирование подтвердило эту гипотезу [41]: как индивидуальный, так коллективный естественный билингвизм, обеспечивая «двойную» коммуникацию, является в то же время фазой перехода к одноязычию.

Феномен исчезновения языков приоткрывает биофизическую сущность языковой системы. Жизнь многих языков оказалась конечной подобно жизни человеческой. Как мы знаем, медицина — это продукт социума, она совершенствуется и увеличивает продолжительность жизни в человеческих популяциях. Но сделать человека бессмертным медицина не в силах, здесь проявляется биофизический закон другого уровня, на который достижения медицины и социума повлиять не могут. Вполне возможно, что жизнеспособность языков также определяется двояко: социум, который не желает расставаться с языковым разнообразием, — и стремление глобальной языковой системы к одному языку. Новые языки, как правило, возникали при длительной изоляции части населения: 100 лет — новый диалект, 1000 лет — новый язык (А.А. Кибрик, устное сообщение). В настоящее время развитие коммуникаций привело к обратному процессу: рухнули языковые барьеры и сильнее проявилась человеческая потребность понимать друг друга. Следует подчеркнуть, что эта потребность существует не только и не столько на уровне социума, для *Homo sapiens* она видоспецифическая, т.е. глубинная, биологическая. Более 7 тысяч языков на Земле взаимопониманию не способствуют, скорее, мешают. Способность человека осваивать языки обычно ограничена двумя-тремя языками, немало людей всю жизнь пользуются лишь одним родным языком. Можно предположить, что глобальная языковая система как биофизическая сущность стремится обеспечить вербальную коммуникацию каждого человека, поэтому существует природное стремление к одному, всем понятному языку. Такое предположение может показаться фантастическим, но природные стремления — не фантастика, их называют аттракторами, они подчиняются биологическим законам и обеспечивают направление многих процессов в живых системах, как, например, развитие организмов, восстановление нарушенных функций, а также становление индивидуально-естественного билингвизма и обратный процесс — языковая аттриция, т.е. утрата билингвом одного из языков. Процессы утраты языков при индивидуальном и коллективном естественном билингвизме различаются масштабами, но сходны по своей биофизической сути. Здесь мы имеем дело со слепой силой, которой нет дела до нашей привязанности к родным языкам. Социум, несомненно, может влиять на жизнеспособность языков (математические модели это подтверждают), но для адекватного вмешательства в нежелательный природный процесс необходимо понимание закономерностей этого процесса. В настоящее время усилия социума (общественных организаций, экспедиций, государственных программ и т.п.) по сохранению умирающих языков не слишком успешны: языки продолжают уходить в небытие вместе со своими последними носителями. Пронзительная работа У.М. Бахтикиреевой [14] — призыв фиксировать уходящие языки — вызвана, вероятно, ощущением неотвратимости потери многих малых языков. Цель проекта фиксации

угасающих языков — «запечатлеть национальные образы мира, в которых раскрывается локальное, но совершенно уникальное мировосприятие окружающей действительности, связанное с вживанием того или иного коренного народа на конкретной территории в конкретные исторические и географические условия». Т.е. те образы, которые и делают языки родными. По всей видимости, это единственно верный путь в сложившейся ситуации: не дать языкам исчезнуть без следа.

При смене языков в результате языковых контактов страдают этнические языки как системы кодов, теряются уникальные знания народов, но люди при этом не остаются без родного языка, они его меняют. И новый язык, по всей видимости, ощущается как полноценный родной. Вероятно, этим объясняется нередкое равнодушие со стороны молодого поколения, перешедшего на новый язык, к своему коренному языку. Новый язык, как правило, оказывается более перспективным в социальном плане. В то же время на долю старшего поколения выпадает тяжелое испытание — наблюдать умирание своего родного языка.

Механизм замены языка через фазу естественного билингвизма является для природы универсальным: его можно наблюдать не только при исчезновении этнических языков, но и при погружении детей в новую языковую среду. Процесс замены языка может быть достаточно длительным, но ребенок не остается в это время без вербальной коммуникации: он говорит вначале на своем первом языке, затем все чаще на втором (период естественного билингвизма) и постепенно полностью переходит на второй язык. Практически тот же механизм присутствует при угасании национальных научных языков через фазу англо-национального билингвизма. В области науки стремление к единому языку выражено особенно ярко.

В последние годы появился мощный фактор, чье влияние на глобальные языковые процессы со временем будет только расти: онлайн-переводчики. Чем совершеннее становится машинный перевод, тем реже будет нужна помощь переводчика-человека. Уже сейчас онлайн-переводчики успешно используются для общения в разноязычных семьях — там, где совсем недавно происходило произвольное освоение взрослыми нового языка, т.е. возникал естественный билингвизм. Но если есть хороший и доступный переводчик и за секунды можно узнать смысл сказанного, то билингвизму просто незачем возникать. Уменьшение доли естественных билингвов среди населения может помочь некоторым языкам избежать исчезновения или отсрочить его.

Заключение

Исчезновение малых языков, так же как и языковые аттриции — проявление функционирования биологического (биофизического) фундамента языка, о котором в науках о языке практически ничего неизвестно.

Однако без полноценного биологического фундамента ни становление языка, ни его нормальное функционирование невозможны. Именно с биологическим фундаментом языка связаны адаптационные перестройки при билингвизме и восстановление нарушенных функций, а также процессы запоминания и забывания языкового материала. Биологическое начало выступает как регулятор языковой деятельности и иногда действует вопреки нашим желаниям: например, стирает из памяти то, что мы учили. Можно допустить, что природа заинтересована в сокращении количества языков, потому что многоязычие в современном мире (более 7 тысяч языков) мешает взаимопониманию. Языки возникают, развиваются и угасают согласно жестким биологическим законам — законам выживания.

Логика изменений, происходящих в языковой системе в процессе исчезновения языков пока только угадывается. Но уже сейчас можно с уверенностью утверждать следующее.

1. Основным условием сохранения этнического языка является одноязычное хранилище, хранители языка — монолингвы. Как уже говорилось выше, иностранных языков, освоенных логическим способом, у одноязычных может быть как угодно много, потому что как приобретение, так и забывание иностранного языка не влияет на родной язык. Но естественный билингвизм у большинства носителей языка, возникающий в результате языковых контактов, может привести к ослаблению языка и к его исчезновению.

2. Потеря языка всегда происходит через естественный билингвизм. Нет естественного билингвизма — не будет исчезновения языка. Но если язык очень мал, сложно избежать контактов с другими языками. Оптимальным для сохранения любого этнического языка (не только малого) является одноязычие дошкольников (коренной язык) и введение второго языка в школьном возрасте логическим путем.

3. Естественный билингвизм как нестабильное состояние не может быть опорой государственной языковой политики. Ошибочно связывать с естественным билингвизмом надежды на долговременное взаимопонимание в обществе.

4. Ревитализация угасающего языка, вероятно, возможна лишь в случае, когда идея возрождения исходит от самого языкового сообщества и всячески поддерживается им. Одновременно у многих людей должна сформироваться готовность к длительной кропотливой работе как над собой, так и с детьми. Без объединяющей внутренней идеи стимуляция сообщества к использованию мертвого языка вряд ли может дать положительный результат.

5. Проекты, направленные на фиксацию национальных образов мира, не дадут угасающим языкам исчезнуть без следа. Эта работа может идти одновременно с попытками возродить жизнеспособность языков политическими и образовательными мерами.

6. Русский язык в настоящее время испытывает негативное, ослабляющее его воздействие некоторых программ детского развития. Родители и педагоги чаще всего склонны видеть в раннем билингвизме лишь положительные моменты, а различные проблемы при становлении двуязычия не становятся объектом внимания и анализа. Нельзя забывать, что раннее погружение во второй язык (например, ребенка воспитывает иноязычная гувернантка) может привести к тому, что основным и родным для ребенка станет чужой язык.

Список литературы

1. Krauss M. The world's languages in crisis // *Language*. 1992. Vol. 68. (1). Pp. 4–10.
2. Simons G.F., Lewis P.M. The world's languages in crisis: A 20-year update // *Responses to language endangerment. In honor of Mickey Noonan. Studies in Language Companion Series 142*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 3–19.
3. Harmon D., Loh J. The Index of Linguistic Diversity: A new quantitative measure of trends in the status of the world's languages // *Language Documentation and Conservation*. 2010. No 4. Pp. 97–151.
4. Апрефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014.
5. Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения ИЯ РАН, НИЦ по национально-языковым отношениям. РФ, Москва, ИЯ РАН. М.: ТЕЗАУРУС — Языки Народов Мира, 2014.*
6. Кабакчи В.В. Лингвореволюция конца XX века и изменение лингвистической парадигмы // *Англистика в XXI веке: материалы конференции. СПб 22–24.11.2001. Филол. фак-т СПбГУ, 2002. С. 80–86.*
7. Phillipson R. English as threat or resource in continental Europe // *Globalization and the future of German*. Ed. By Andreas Gardt and Bernd Hüppauf. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. Pp. 47–64.
8. Atton U. World languages: trends and Futures // *The Handbook of Language and Globalization*. Blackwell Publishing Ltd., 2010. Pp. 101–122.
9. Дырхеева Г.А. Исчезающие языки — международная проблема // *Вопросы языкознания*. 2008. № 6. С. 139–145.
10. Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Языковая политика в условиях глобализации // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 95–101*
11. Ганюшина М.А. Языковая глобализация как угроза утраты национального образа мысли и жизни // *Языковые процессы в эпоху глобализации: материалы Международного научного семинара (Москва, 22 декабря 2016). С. 36–41.*
12. Казаченко О.В. Языковая глобализация: взаимопроникновение или интервенция? // *Языковые процессы в эпоху глобализации: материалы Международного научного семинара (Москва, 22 декабря 2016). С. 71–75.*
13. Кирилина А.В. Некоторые общие закономерности развития ведущих европейских языков в эпоху глобализации // *Языковые процессы в эпоху глобализации: материалы Международного научного семинара (Москва, 22 декабря 2016). С. 94–98.*
14. Бахтикиреева У.М. Изучение и описание национальных образов коренных народов РФ посредством носителей языка, фольклора и литературы — осознанная необходимость // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 1–2 октября 2020 г.) С. 14–22.*

15. *Арефьев А.Л., Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П.* Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 255–272. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>
16. *Бахтикиреева У.М.* Размышления о билингвизме и трансязычии // Лингвистика в диалоге с другими областями знаний: юрислингвистика и дискурсивная лингвистика, коммуникативная лингвистика и лингвокультурология: сб. науч. статей. Витебск, 2022. С. 6–12.
17. *Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М.* Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной языковой политики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020.
18. *Mufwene S.S.* Colonisation, globalisation, and the future of languages in the twenty-first century // *International Journal on Multicultural Societies*. 2002. No 4 (2). Pp. 162–193.
19. *Landweer M.L.* Methods of language endangerment research: a perspective from Melanesia // *International Journal of the Sociology of Language*. 2012. No 214. Pp.153–178.
20. *Landweer M.L., Unseth P.* An introduction to language use in Melanesia // *International Journal of the Sociology of Language*. 2012, No. 214. Pp. 1–3.
21. *Appel R., Muysken P.* Language contact and bilingualism. London: Arnold, 1998. P.210
22. *Lenneberg E.H.* Biologische Grundlagen der Sprache. Frankfurt, 1967 / 1972.
23. *Chomsky N.* The language capacity: architecture and evolution // *Psychon Bull Revie*. 2017. No. 24. Pp. 200–203 <https://doi.org/10.3758/s13423-016-1078-6>
24. *Александрова Н.Ш.* Билингвизм и другие проявления функционирования языковой системы в свете пластичности мозга // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2020. № 6. С. 170–176. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.170>
25. *Butler Yu.* Bilingualism / Multilingualism and Second- Language Acquisition // *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*. Editor (s):T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. Malden, 2012.
26. *Paradis 2004 — A Neurolinguistic Theory of Bilingualism*. Amsterdam — Philadelphia: J.Benjamins, 2004.
27. *Александрова Н.Ш.* Родной язык, иностранный язык и языковые феномены, у которых нет названия // *Вопросы языкознания*. 2004. № 3. С. 88–100.
28. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999.
29. *Александрова Н.Ш.* Двухязычная среда — причина естественного билингвизма или лишь необходимое условие? // *От билингвизма к транслингвизму: про и контра: материалы III Международной научно-практической конференции*. Москва, РУДН, 1–2 декабря 2017. С. 142–148.
30. *Bialystok E., Craik F., Luk G.* Bilingualism: Consequences for Mind and Brain // *Trends Cognitive Science*. 2012. No.16 (4). Pp. 240–250.[doi: 10.1016/j.tics.2012.03.001](https://doi.org/10.1016/j.tics.2012.03.001)
31. *Dassargues A., Perrez J., Reuchamps M.* Les relations entre langue et politique en Belgique: linguistiques ou communautaires? // *Dans Revue internationale de politique comparée*. 2014. No 4. Vol. 21. Pp. 105–128.
32. *Hohenberger A., Peltzer-Karpf A.* Language learning from the perspective of nonlinear dynamic systems // *Linguistics*, 2009. <https://doi.org/10.1515/LING.2009.017>
33. *Мильруд П.П.* Развитие языка в онтогенезе как игра хаоса // *Мир психологии*. 2012. № 2. С. 63–76.
34. *Kretov A., Polovinkina M.V., Polovinkin I., Lomets M.V.* On some concepts of nonlinear dynamics suitable for use in linguistics // *Journal of Physics Conference Series* 1902. 2021. No 1. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1902/1/012075>
35. *De Bot K., Lowie W. Verspoor M.H.* A dynamic systems theory approach to second language acquisition // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2010. No. 10 (1). Pp. 7–21.
36. *Herdina P., Jessner U.* A Dynamic Model of Multilingualism. *Perspectives of Change in Psycholinguistics*. Clevedon: Multilingual Matters, 2002.
37. *Schmid M., Lowie W.* Modeling Bilingualism: From Structure to Chaos // *In Honor of Kees de Bot*. John Benjamins, 2011.

38. Александрова Н.Ш. Естественный билингвизм как нелинейная самоорганизующаяся система // *Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях* — 2017: Труды V всероссийской конференции. С. 15–17.
39. Александрова Н.Ш. Исчезновение языков, естественный билингвизм и нелинейная динамика // VIII Международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. С. 35–37. <https://cogconf.ru/materialy-konferentsii/Abstracts%202018.pdf>
40. Abrams D., Strogatz S. Modelling the dynamics of language death // *Nature*. 2013. No 424. P. 900. <https://doi.org/10.1038/424900a>
41. Alexandrova N.Sh., Antonets V.A., Kuzenkov O.A., Nuidel I.V., Shemagina O.V., Yakhno V.G. Bilingualism as an unstable state // *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics*. Intercognsci. 2020. Vol. 1358. P. 359–367. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_41.

References

1. Krauss, M. 1992. The world's languages in crisis. *Language* 68 (1): 4–10. Print.
2. Simons, G.F., and M.P. Lewis. 2013. The world's languages in crisis: A 20-year update. In *Responses to language endangerment*. In honor of Mickey Noonan. *Studies in Language Companion Series* 142. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 3–19. Print.
3. Harmon, D., and J. Loh. 2010. The Index of Linguistic Diversity: A new quantitative measure of trends in the status of the world's languages. *Language Documentation and Conservation* 4: 97–151. Print.
4. Arefiev, A.L. 2014. Languages of the indigenous peoples of the North and the Far East in the education system: history and modernity. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ. Print. (In Russ.)
5. Alpatov, V.M. 2014. Language policy in Russia and the world. In *Language policy and language conflicts in the modern world: International conference (Moscow, September 16–19, 2014): Reports and messages of the Institute of Foreign Languages of the Russian Academy of Sciences, Research Center for National-Language Relations*. Russian Federation, Moscow, IL RAS. Moscow: THESAURUS publ. Print. (In Russ.)
6. Kabakchi, V.V. 2002. The Linguistic Revolution of the End of the 20th Century and the Change in the Linguistic Paradigm. In *English Studies in the 21st Century*. Conference Proceedings. St. Petersburg 22–24.11.2001. St. Petersburg State University. Pp.80–86.
7. Phillipson, R. 2004. English as threat or resource in continental Europe. In *Globalization and the future of German*. Ed. by Gardt, A., and B. Hüppauf. Berlin: Mouton de Gruyter, Pp. 47–64. Print.
8. Ammon, U. 2010. World languages: trends and Futures. In *The Handbook of Language and Globalization*. Blackwell Publishing Ltd. Pp. 101–122. Print.
9. Dyrkheeva, G.A. 2008. Endangered languages — an international problem. *Questions of linguistics* 6: 139–145. Print. (In Russ.)
10. Gritsenko, E.S., and A.V. Kirilina. 2014. Language policy in the context of globalization. In *Language policy and language conflicts in the modern world*. Moscow. Pp. 95–101.
11. Ganyushina, M.A. 2016. Linguistic globalization as a threat to the loss of the national way of thinking and life. In *Language Processes in the Age of Globalization: Proceedings of the International Scientific Seminar (Moscow, December 22, 2016)*. Pp. 36–41. Print. (In Russ.)
12. Kazachenko, O.V. 2016. Linguistic globalization: interpenetration or intervention? In *Language Processes in the Age of Globalization: Proceedings of the International Scientific Seminar (Moscow, December 22, 2016)*. Pp. 71–75. Print. (In Russ.)
13. Kirilina, A.V. 2016. Some general patterns of development of the leading European languages in the era of globalization. In *Language Processes in the Age of Globalization: Proceedings of the International Scientific Seminar (Moscow, December 22, 2016)*. Pp. 94–98. Print. (In Russ.)

14. Bakhtikireeva, U.M. 2020. The study and description of the national images of the indigenous peoples of the Russian Federation through native speakers, folklore and literature — a realized need. In *Preservation and Development of Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Siberia: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Abakan, October 1–2, 2020)*. Pp. 14–22. Print. (In Russ.).
15. Arefiev, A.L., U.M. Bakhtikireeva, and Sinyachkin, V.P. 2021. Problems of bilingualism in the system of school language education in the Republic of Tyva. *New Research of Tuva* 1: 255–272. <https://doi.org/https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>
16. Bakhtikireeva, U.M. 2022. Reflections on bilingualism and translanguistics Linguistics in Dialogue with Other Fields of Knowledge: Legal Linguistics and Discourse Linguistics, Communicative Linguistics and Linguoculturology. *Collection of scientific articles*. Vitebsk. Pp. 6–12. Print. (In Russ.).
17. Bogdanov, S.I., M.A. Marusenko, and Marusenko, N.M. 2020. Language censuses and monitoring as an instrument of national language policy. Saint Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. Print. (In Russ.).
18. Mufwene, S.S. 2002. Colonization, globalization, and the future of languages in the twenty-first century. *International Journal on Multicultural Societies* 4 (2): 162–193. Print.
19. Landweer, M.L. 2012. Methods of language endangerment research: a perspective from Melanesia. *International Journal of the Sociology of Language* 214: 153–178. Print.
20. Landweer, M.L., and P. Unseth. 2012. Introduction to language use in Melanesia. *International Journal of the Sociology of Language* 214: 1–3. Print.
21. Appel, R., and P. Muysken. 1987. *Language contact and bilingualism*. London: Arnold. Print.
22. Lenneberg, E.H. 1972. *Biologische Grundlagen der Sprache*. Frankfurt. Print. (In Germ.)
23. Chomsky, N. 2017. The language capacity: architecture and evolution. *Psychon Bull Review* 24:200–203. <https://doi.org/10.3758/s13423-016-1078-6>
24. Alexandrova, N.Sh. 2020. Bilingualism and other manifestations of the functioning of the language system in the light of brain plasticity. *Philological Sciences* 6 (2): 170–176. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.170> Print. (In Russ.).
25. Butler, Yu. 2012. Bilingualism. Multilingualism and Second-Language Acquisition. In *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*. Editor (s): Bhatia, T.J., and W.C. Ritchie. Oxford: Malden. Print.
26. Paradis 2004 — *A Neurolinguistic Theory of Bilingualism*. 2004. Amsterdam-Philadelphia: J.Benjamins. Print.
27. Alexandrova, N.Sh. 2006 Native language, foreign language and linguistic phenomena that have no name. *Problems of Linguistics* 3: 88–100. Print. (In Russ.).
28. Vygotsky, L.S. 1999. *Thinking and speech*. Moscow: Labyrinth publ. Print. (In Russ.).
29. Alexandrova, N.Sh. 2017. Bilingual environment — the reason for natural bilingualism or just a necessary condition? In *From bilingualism to translanguaging: pro and contra*. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Moscow, RUDN University, December 1–2, 2017. Pp. 142–148. Print. (In Russ.).
30. Bialystok, E., F. Craik, and Luk, G. 2012. Bilingualism: Consequences for Mind and Brain Trends. *Cognitive Science* 16 (4): 240–250. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2012.03.001>
31. Dassargues, A., J. Perrez, and Reuchamps, M. 2014. Les relations entre langue et politique en Belgique: linguistiques ou communautaires? *Dans Revue internationale de politique comparée* 4 (21):105–128. Print. (In French)
32. Hohenberger, A. and A. and Peltzer-Karpf. 2009. Language learning from the perspective of nonlinear dynamic systems. Article in *Linguistics*. Web. <https://doi.org/10.1515/LING.2009.017>
33. Milrud, R.P. 2012. The development of language in ontogeny as a game of chaos. *The world of psychology* 2:63-76. Print.
34. Kretov, A., M.V. Polovinkina, Polovinkin, I., and M.V. Lometc. 2021. On some concepts of nonlinear dynamics suitable for use in linguistics. *Journal of Physics Conference Series* 1902 (1):012075. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1902/1/012075>

35. De Bot, K., W. Lowie, and Verspoor, M.H. 2007. A dynamic systems theory approach to second language acquisition. *Bilingualism: Language and Cognition* 10 (1): 7–21. Print.
36. Herdina, P., and U. Jessner. 2002. *A Dynamic Model of Multilingualism. Perspectives of Change in Psycholinguistics*. Clevedon: Multilingual Matters. Print.
37. Schmid, M., and W. Lowie. 2011. *Modelling Bilingualism: From Structure to Chaos*. In Honor of Kees de Bot. John Benjamins. Print.
38. Alexandrova, N.Sh. 2017. Natural bilingualism as a non-linear self-organizing system. In *Non-Linear Dynamics in Cognitive Research — 2017 Proceedings of the V All-Russian Conference*. Pp. 15–17. Print. (In Russ.).
39. Alexandrova, N.Sh. 2018. The disappearance of languages, natural bilingualism and non-linear dynamics. In *VIII International Conference in Cognitive Science: abstracts*. Svetlogorsk, October 18–21, 2018. Pp. 35–37. Web. <https://cogconf.ru/materialy-conferentsii/Abstracts%202018.pdf>
40. Abrams, D., and S. Strogatz. 2003. Modeling the dynamics of language death. *Nature* 424: 900. Web. <https://doi.org/10.1038/424900a>
41. Alexandrova, N.Sh., V.A. Antonets, Kuzenkov, O.A., I.V. Nuidel, Shemagina, O.V., and V.G. Yakhno. 2020. Bilingualism as an unstable state. In *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics* 358. Cham: Springer. Pp. 359–367. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_41.

Сведения об авторе:

Нина Шалвовна Александрова — независимый исследователь, специалист в области билингвального обучения, логопед. E-mail: nina.alexandrova@gmx.net

Bio Note:

Nina Sh. Alexandrova is an independent researcher, a specialist in the field of bilingual education, a speech therapist. E-mail: nina.alexandrova@gmx.net

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-456-471

EDN: WCEHOJ

Research Article

The Characteristics of Societal Bilingualism in Russia: Why do Tatarstan and Yakutia Stand out?

Anna Mikhienko¹, Ekaterina S. Oshchepkova^{1,2}, Maria S. Kovyazina¹

¹Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

²Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

✉ oshchepkova_es@iling-ran.ru

Abstract. Since Russia has always been a multicultural and multilingual country, there are many regions where several official languages (apart from the Russian language) coexist. Needless to say, bilingualism has its own peculiarities in each region. What would be the difference between the linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Republic of Tatarstan? In the present article, we are aiming to investigate the peculiarities of bilingualism in the two above-mentioned republics. Based on the analysis of the historical background of minority languages and current language policies, the article provides an overview of the linguistic situation in terms of language status and language use of minority languages in the educational system. It has shown that despite similar language policies, the actual situation in Tatarstan and Yakutia is different, especially in terms of preference for learning the minority language at school. It is concluded that it is necessary to develop bilingualism in the regions and organize the necessary methodological support for parents and teachers.

Key words: multilingualism, bilingualism, minority languages, regional languages, Yakut (Sakha) language, Tatar language, heritage languages

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

Funding: This research was funded by RSF, grant number 21-18-00581

For citation: Mikhienko, A., Oshchepkova E.S., and Kovyazina M.S. “The Characteristics of Societal Bilingualism in Russia: Why do Tatarstan and Yakutia Stand out?”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 456–471. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-456-471>

© МИХИЕНКО А., ОЩЕПКОВА Е.С., КОВЯЗИНА М.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Особенности социального билингвизма в России: чем он отличается в Татарстане и Якутии?

А. Михиенко¹, Е.С. Ощепкова^{1,2}, М.С. Ковязина¹

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая д. 11, стр. 9

²Институт языкознания Российской Академии наук,
125009, Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

✉ oshchepkova_es@iling-ran.ru

Аннотация. Россия всегда была поликультурной и многоязычной страной, поэтому во многих регионах сосуществует несколько официальных языков (помимо русского). Двужычие имеет свои особенности в каждом регионе. Исследованы особенности двуязычия в Республике Саха (Якутия) и Республике Татарстан. Проведен анализ исторического фона миноритарных языков и современной языковой политики. Представлен обзор языковой ситуации с точки зрения языкового статуса и языкового использования миноритарных языков в системе образования. Выявлено, что, несмотря на схожую языковую политику, реальная ситуация в Татарстане и Якутии различна, особенно в плане предложений изучения миноритарного языка в школе. Сделан вывод о необходимости развития двуязычия в регионах и организации необходимой методической поддержки родителей и педагогов.

Ключевые слова: многоязычие, двуязычие, миноритарные языки, региональные языки, якутский язык, татарский язык, языки наследия

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Михиенко А., Ощепкова Е.С., Ковязина М.С. Особенности социального билингвизма в России: чем он отличается в Татарстане и Якутии? // Полилингвистическая и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 456–471. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-456-471>

Introduction

Bilingualism and multilingualism phenomena are devoted to the study of two (and more than two) languages, respectively. Bilingualism or multilingualism is not considered to be a rare phenomenon globally and it is constituted a grassroots phenomenon in a great number of countries; there are, in fact, more multilingual speakers in the world than there are monolinguals. In the U.S. multilingualism is both an individual and a societal phenomenon, whereas in Europe plurilingualism applies to individuals, multilingualism applies to societies [1]. For reasons of convention and convenience, the term bilingualism is used as a cover term to include both bilingualism and multilingualism in this article. Within the scope of this article, we look at bilingualism as a social phenomenon in the context of local languages. Bilingualism has become an important feature of the

linguistic landscape in the last few decades and the contributing factors leading to bilingualism are migration and mobility [2].

Over the years, when speakers of one language settle in the area where another language is spoken and continue to maintain their own language, this eventually leads to societal bilingualism. Further languages spread over new territories through trade, religion, cultural contacts [3]. Nowadays, more children are growing up within several cultures and languages in society. Consequently, schooling systems and institutions have to accommodate young learners and provide them with necessary linguistic resources and expertise on multilingualism. For this purpose, several research centers and institutional organizations were founded to share research-based evidence on multilingualism accessible to families, communities, professionals in education, and policy-makers, such as Bilingualism Matters Network, Research Centre for Multilingual Practices and Language Learning in Society (Ghent University), The MOSAIC Group for Research on Multilingualism (University of Birmingham), Center for Multilingualism in Society across the Lifespan MultiLing (University of Oslo), Research Centre on Multilingualism (University of Fribourg), etc. In other words, bilingualism is a social phenomenon that is widely studied. To date, the problem has received scant attention in the research literature on bilingualism in Russia.

In this article, we are to describe the characteristics specific to bilingualism in the Russian context in two geographically and linguistically distant areas which are the republic of Tatarstan and Sakha (Yakutia). The aim of this study is to answer the research question what the difference between the linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Republic of Tatarstan is.

Materials and Methods

To shed light on the linguistic situation in Tatarstan and Yakutia, we have analyzed a number of sources, such as historical data on minority languages (1); official documents which legally regulate how the majority language (Russian) and minorities languages (Tatar and Yakut languages) function in the society (2) and official documents that define the interaction of two languages in the educational system in the republics mentioned above (3). In this article, we apply text analysis.

(1) Analysis of historical data based on the following sources: Ethnologue Encyclopedia; National report to UNESCO submitted by the Russian Federation on the implementation of provisions of the Framework Convention for the Protection of National Minorities;

(2) In terms of official documents that legally regulate the interaction of languages in the republics, we have examined the Constitution of the Russian Federation; Constitution of the Republic of Tatarstan; Constitution of the Republic of Sakha (Yakutia); official websites of the local governments in Tatarstan

(tatarstan.ru) and Yakutia (sakha.gov.ru); resolution of the Republican Scientific and Practical Conference in Yakutia;

(3) Concerning official documents in educational systems, we have explored official websites of regional ministries of education in Tatarstan (mon.tatarstan.ru) and Yakutia (minobrnauki.sakha.gov.ru); official websites of major universities in Tatarstan and Yakutia, and other republics where the Tatar language is spoken (Bashkir State University, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Kazan Federal University, Mordovian State Pedagogical Institute named after m. Evsevieva; The Ammosov North-Eastern Federal University in Yakutia).

Discussion

Multilingualism in Russia: Historical Background

Multilingualism has been a continuous feature of Russian history. As the Russian empire developed new territories, it incorporated a multi-ethnic, multi-confessional population who were able to speak a number of different languages. In Soviet times, the country's cultural, religious, and ethnic minority groups have been going through waves of assimilationist policies and practices. Assimilation into Soviet society enforced through formal schooling, daily life and mass media has led to the changes in the regional lifestyles, cultures, identities, and languages. What is more, during different periods in the historical development the Russian language performed and continues to perform the function of the language of interethnic relations, uniting different communities within a multinational federation. The Russian language was the de facto language of the Soviet Union until its dissolution; Soviet legacies have resulted in determining minority rights in modern Russia.

Nowadays, the Russian Federation has been a multinational state home to 193 ethnic groups, speaking 277 languages and dialects (The Fifth Report submitted by the Russian Federation Under Article 25, paragraph 2 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities). Furthermore, Russia is one of the countries with the highest language diversity in the world, namely, 97 indigenous languages [4]. Currently, the Russian Federation includes 22 republics, 12 of which are generally referred to as 'ethnic republics' in light of the (one or more) titular nationalities after which they are named. They represent areas of non-Russian ethnicity. The Russian language is used as a widely used lingua franca throughout the Russian Federation. To describe the status of minority languages in Russia, it is necessary to determine how linguistic rights are generally regulated in Russia.

The constitution gives the individual republics of the country the right to establish their own state languages in addition to Russian which are called "state

languages of the republics” (“The Constitution of the Russian Federation”, Article 68, § 2). They are recognized as state languages of the republics as opposed to Russian as the state language (for the country in its entirety); terms ‘minority languages’ and ‘regional languages’ are also used interchangeably in this article. Thus, the minority language is a language that is not the dominant language of a territorial unit such as a state, because the speakers of the language have less power (they have been minoritized), and the language is generally spoken by a smaller number of people [5]. The Law of the Russian Federation of October 25, 1991, No. 1807–1 ‘On Languages of the Peoples of the Russian Federation’ establishes the equality of the languages of the peoples of the Russian Federation (Part 1, Article 2), the possibility of their use in official spheres in a certain territory in the area of compact residence (Part 4, Article 3) [6].

Russia’s most widespread minority languages are Tatar (5.35 million speakers), Bashkir (1.38 million), Chechen, and Chuvash (1.33 million each) (after 2010 census statistics). Currently, Russia’s republics have the right to self-determine the culture and linguistic identity of many of its minorities and self-regulate in the education sphere, as to require the compulsory study of regional languages recognized as co-official with Russian in schools [7]. The language of the republic can be used by public authorities, local government bodies, state institutions of the republics (Part 32, Article 68 of the Russian Constitution).

Until 2017, minority languages were compulsory at school in republics even for non-native speakers of them such as ethnic Russians. After inspections by Public Prosecutor’s Office in 2017, the question of the lawfulness of compulsory learning of republican languages at school received widespread public attention (Vladimir Putin’ meeting in Yoshkar-Ola on Interethnic Relations). On one hand, many native speakers of the republic supported the compulsory learning of their language to promote the language and its culture; the prohibition of compulsory language learning may lead to significant limitations of the republics in the full realization of the right to establish their state language. On the other hand, everyone has the freedom to choose the language of instruction and education and as it has been declared by some ethnic Russians ‘their children should not be forced to learn the language of the republic’ (Studying of National Languages in Russia is Voluntary). The question of balance between the linguistic rights of the majority and supporting minority languages has arisen.

Nowadays, studying the state language of the republic has become voluntary; therefore, it is interesting to see how different regions of Russia cope with new regulations. Two geographically and linguistically distant regions were chosen for the study, namely Yakutia and Tatarstan. Russian serves as one of state languages in both republics, whereas each region has its own additional state language — the Yakut (Sakha) language and the Tatar language, respectively.

In short, Russia has a long history of multilingual practices throughout different historical stages. Presently, republics of Russia have the right to establish their

own state languages (minority languages) in addition to Russian which is being a commonly used lingua franca. The present study contributes to the understanding of how the Sakha (Yakut) language and the Tatar language function within their local communities.

Tatar minority and their heritage language

According to the 2010 Census, in terms of the portion of the entire Russian population, Tatar people take up to 3,72 %, being one of the largest ethnic groups next to Russians, numbering around 5 million people in Russia and 6 million worldwide; 53 % of the population of Tatarstan which is around 2 million inhabitants, declared themselves to be ethnic Tatars, and 40 % are Russians.

The constitution of the republic proclaimed two official languages in the region — Tatar and Russian. Tatar is a regional co-official language of the Republic of Tatarstan and it belongs to the Kipchak branch of Turkic languages [8]. Tatar was written with Arabic script until a Roman-based alphabet was introduced in 1927. In 1939, a variant of the Cyrillic alphabet was adopted. In the post-Soviet era, a new Roman-based alphabet has been created, although it has not yet replaced the Cyrillic-based script [9].

The Republic of Tatarstan is one of the distinctive regions of the Russian Federation in terms of protecting its national identity, language, and culture. Tatarstan as part of the Russian Federation follows the recommendations of the Russian Ministry of Education in respect to language education (The Constitution of the Republic of Tatarstan). The language policy priorities implemented in the Republic of Tatarstan are the preservation and development of their ethnic languages and cultures. Their language policy is based on the consolidation and maintenance of the balance between Tatar and Russian as co-official languages [10]. Moreover, there are also scattered Tatar speaking groups in other central parts of the Russian Federation. For example, 1 million Tatars live in Bashkortostan [9].

Another important factor for relatively wide language use in Tatarstan is the language status among the community, or, in other words, attitudes towards speaking the language in the society and corresponding language policies. It has been claimed that the Tatar language, despite being a minority language in Russia, has a respectable status in the Republic of Tatarstan; therefore, it is strong enough to compete with the Russian language in various aspects of life [11; 12].

Concerning the local language policies, the government made efforts in ensuring that the Tatar language is represented across the republic. For instance, street signs and government documents became bilingual; on this basis, the language is more presented visually in the city.

State programs on language and education of the peoples of Tatarstan have been designed to create opportunities for the support of the Tatar language

education. Also, other cultural institutions — such as theatres, music, and art schools — financed to maintain and support cultural production in Tatar on the official level [13]. Meanwhile, a considerable presence of the Russian population is a significant factor in the regional language policy, which promotes the discourse of peaceful interethnic coexistence. Therefore, the policy of ‘biculturalism’ is conducted equally for the two main groups in the republic, this includes similar amounts of resources that should be allocated to Russian and Tatar cultural institutions [14; 15].

In terms of secondary education, there were 2374 schools where the Tatar language was taught in 1995–1996 academic year and only 757 schools in 2013–2014 academic year (according to kazan.aif.ru); and 785 schools with the Tatar language as a language of instruction in the 2015–2016 academic year (according to kazved.ru). It has been claimed that Tatarstan has a ‘significant language policy’, with greater success when compared to neighboring regions; however, the usage of Tatar faces a general downward trend [11; 12].

Before 1991, higher education in Tatarstan was almost exclusively in Russian; thus, graduates of Tatar-language schools were at a disadvantage in having to take entrance exams in Russian to be admitted to the universities. In 1992, the republic’s language law was passed. It allowed students applying to Russian-language universities to pass their entrance exams in the Tatar language, largely resolving the problem which leads to a higher status of the Tatar language in the society. The opening of the Tatar State Humanities Institute in 1996 provided an impetus for other universities to offer instruction even in Tatar [16].

Moreover, degree programs and teacher training of the Tatar language are offered not only in Tatarstan but also in other republics of Russia such as the Republic of Bashkortostan, and the Mordovia Republic; in four cities as Ufa, Sterlitamak and Kazan, Saransk. This means that teaching the Tatar language goes beyond one republic. Additionally, free Tatar language courses are also offered at Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny. These courses are for all levels, as beginners, intermediate and advanced levels .

A sociological survey conducted by researchers at Kazan Federal University in 2012 (quota sample of 1590 respondents):’ announced that 53 % of Tatarstan residents speak Russian at home with their children, parents and spouses while another 20 % use both state languages, and 26 % speak Tatar [17]. Additionally, it has been concluded that proficiency in the Tatar language is higher among the rural population, while among urban Tatars it is sinking [18].

To summarize, the Republic of Tatarstan is being one of the distinctive regions in Russia when it comes to protecting its national identity and language. The Tatar language is used as a medium of instruction at elementary and secondary school levels; however, regardless of its prestigious status and the efforts by the Tatar community and local authorities, there is a downward trend in teaching Tatar at schools, especially in urban areas.

Yakut minority and their heritage language

The Yakut language belongs to the Northeastern or Siberian branch of Turkic languages. There are about 380 000 native speakers living in northeastern part of Siberia, mainly in the Yakut Autonomous Republic within the Russian Federation [9]. A Cyrillic alphabet was created in the mid-19th century. A new script, based on the International Phonetic Alphabet was introduced in 1922. It was later replaced by a new Roman-based script, which was in use until a Cyrillic alphabet was introduced in 1939. The orthographic rules of the modern Yakut followed phonetic principles, mirroring the actual pronunciation with its numerous assimilations [9].

In terms of the Ethnolinguistic Composition of the Russian Population, Yakuts take up 0,34% of the entire Russian population. Speaking of languages of the indigenous peoples in Siberia, the most spoken of them are — the Yakut, Buryat, and Tuva, while only hundreds or even dozens can speak languages of Ents, Chulym, Tofolars, Oroks .

According to the UNESCO report on Multilingualism in Russia, the Republic of Sakha (Yakutia) is among the unique places of the world for the survival of languages. Even though the Sakha language (also known as Yakut) is a language of the small titular ethnic entity, it is developing there while the Yakut people promote not only their own native language but also other languages of the Northern indigenous minorities (Evenki, Yukagir, Dolgan, and Chukchi) [19].

The Yakut language serves as a language of instruction and a subject in public kindergartens, schools, and universities. There are 16 kindergartens in the republic where the Yakut language is taught as a first language (54 groups with coverage of 1674 children). Additionally, there are 32 kindergartens where conversational Yakut language classes are conducted (with the participation of 2972 children). There are 52 municipal schools with 31,557 school children. The number of Sakha children of school age is 16137, amongst which 12495 children speak the Yakut language. So, the vast majority of Sakha children speak their native language. In terms of teaching hours at schools where Russian is taught as a native language, ‘the Yakut language as a state language’ and “Culture of the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia)” are taught 1 hour per week each of the subjects. The Yakut language and literature are taught 5 hours a week in 1–4 grades; 4 hours in 5–9 grades; 2 hours in 10–11 grades. Regardless of whether Yakut is a native language or not, there are still compulsory Yakut classes for all students at school.

The number of educational institutions teaching the languages of the indigenous peoples of the North is increasing. In 2004, the native languages of the indigenous small-numbered peoples of the North were studied in 31 schools; in 2012, out of 636 educational institutions of the Republic of Sakha (Yakutia), 38 schools (including nomadic ones) study the languages of the indigenous small-numbered peoples of the North. In 2000, only 2 preschool educational institutions conducted training in the languages of the indigenous minorities of the North, in 2012 their number reached

20 (Resolution of the Republican Scientific and Practical Conference). A distinctive feature of this region is nomadic schools when children roam with their parents-reindeer herders. There are 10 nomadic schools in the region .

Apart from studying the Yakut language, there are other indigenous languages taught at school, such as the Even language (840 people in 15 schools), the Evenk language (1269 people in 15 schools), the Yukaghir language (89 people), and Chukchi language (70 people in one school) .

Compared with the data of the 1993–1994 academic year in 2011–2012, the share of students of the Yakut language and those studying the Yakut language as a subject increased from 35.9% to 62.9%, the share of general educational institutions with the Yakut language of instruction and those in which the Yakut language is studied as a subject increased from 69.9% to 97.1% .

In the republic, there is a positive dynamics in the choice of the language as a native language, as the main factor of ethnic identity. Compared to 2002, the number of Yakuts who consider their native language their ethnicity increased to 94% (2002–92.6%), Chukchi — up to 42.8% (2002–37.7%), Yukaghirs — up to 23% (2002–19.5%) .

Undergraduate and Master degrees for teachers of the Yakut language are being provided at the Institute of languages and cultures of the peoples of North-East Russia at The Ammosov North-Eastern Federal University, NEFU, the largest higher education institution in the Russian northeast and it is one of the ten federal universities of the nation. These degrees include various study programs such as Pedagogical Education in Native Language Yakut; Native Language and Literature of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East and Primary Education; Russian Philology (Even, Evenki, Yukagir, Chukchi, Dolgan languages and literature); Theory and Methods of Forming a Polylingual Person in a Multicultural Society; Folk Art Culture (The Cultural Heritage of the Peoples of the North-East of the Russian Federation)

Given that, the Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation executes several initiatives to study and preserve the languages of the North's low-numbered indigenous peoples. Under the Children of the Arctic federal program, various manuals should be created and published in languages of the low-numbered indigenous peoples. For instance, school textbooks are dedicated to the disappearing Tundra Yukaghir language.

Speaking of modernization of the Yakut language itself, a contemporary approach towards language maintenance has been taken by Yakutia's National Library and Yandex. They launched a translation engine in the Yakut language, which offers a few hundred thousand translations into Yakut and from it daily. This proves the importance of language technologies in preserving and promoting regional languages .

In a nutshell, Yakutia is among the unique places of the world for the survival of languages. The Yakut language serves as a lingua franca in the region of Yakutia

for the locals as for the other Northern indigenous minorities (Evenki, Yukagir, Dolgan, and Chukchi) over there. In Yakutia, indigenous languages are included in the multilingualism practices in education to support and protect these languages; local policies to protect indigenous languages and preventing them from language death are put in place. In this complex linguistic situation, there is an upward trend in teaching the Yakut language at schools and positive dynamics in identifying the Yakut language as a native language among the locals.

Discussion

Based on the language policy analysis, the main features of regional bilingualism in Tatarstan and Yakutia are the following:

1) Russian VS minority languages bilingualism is asymmetrical in many respects

Currently, Tatar-Russian bilingualism is being asymmetrical in many respects. First of all, most Tatars speak Russian fluently, while a majority of Russians have only a basic knowledge of the Tatar language. Even though both languages have the status of official languages of the Tatarstan Republic on equal terms. The study of Russian by a Tatar person is often taken as an inevitable process while learning the minority language is seen by many Russian-language residents of the republic as useless. Therefore, Tatar officials and scholars have argued that Tatar will not achieve equal status with Russian in the republic as long as all Tatars speak the Russian language but no Russians speak Tatar.

The majority of habitats in the region are the Tatars (over 50 %) and Russians take up over 40 % only and 86 % of the entire population regard Tatar as their mother-tongue (Johanson 2006). Therefore, speaking the Tatar language is common for the ethnic majority.

Speaking of the Yakut language, the situation of its influence in the region is different. Despite the strong dominance of Russian, which is the language of higher education, Yakut has a relatively strong status in the republic, also being used as a second language by many speakers of Evenki, Even, and Yukagir [9]. Therefore, the Yakut language is not only the minority language in the region but also a lingua franca for other local minorities.

To sum it up, both Tatar and Yakut languages are promoted in the respective republics. Tatar is widely used not only in Tatarstan but also in Bashkortostan and Mordovia; Yakut is used as a language of communication between various communities in the republic, not only by Yakuts and Russians, but also by many speakers of Evenki, Even, and Yukagir.

2) Coexistence of two state languages amid the different religions leads to bilingualism with the traits of biculturalism

Religious and cultural background in Russia is quite diverse. In terms of religion, Tatars' religion is Islam, while the Yakutia population adheres mainly

to Sakha shamanism and the Russian Orthodox Church. In terms of culture, as the Moscow school of psycholinguistics claims that language consolidates the cultural experience of a community. The Moscow Psycholinguistic School has shown that one of the effective methods of studying the culture of an ethnic group is to analyze its associative dictionaries [20]. Associative dictionaries were collected for both the Yakut and Tatar ethnic groups. As these associative dictionaries have shown, the Yakut dictionaries, to a greater extent than the Tatars, have associations that refer to both Russian and Yakut culture. Therefore, we claim that the Tatar and Yakut ethnic groups are not only bilingual but also bicultural.

However, the study of bicultural bilinguals from a linguistic and cultural point of view has always been a problematic issue [21]. Bilinguals have their own unique linguistic and cultural competencies which define their cultural identification; therefore, linguistic revival is a crucial part of their distinctive identity [22]. Their national identity is transmitted through language which is the greatest source of attachment to a community. The language is the mechanism to protect and keep them alive, ‘ethnicity may not be related to language, whereas language as a boundary marker is always related to ethnicity’ [23].

To sum it up, diverse religious and cultural background in Russia leads to biculturalism among its population and cohabitation between the minority groups and ethnic Russians. Bilingualism provides an insight into the understanding of different cultures; thereafter, a bilingual become bicultural.

3) Bilingualism with the traits of multilingualism which includes other indigenous languages apart from the main minority language.

There are numerous dialectal forms of the Tatar language as well as of the Yakut language. The major Tatar dialects are Kazan Tatar (spoken in Tatarstan) and Western or Misher Tatar (spoken in other parts of Russia and abroad). Other varieties include the minor eastern or Siberian dialects, Kasimov, Tepter (Teptyar), and Astrakhan, and Ural Tatar (Ethnologue Encyclopedia).

There are also several dialects, even separate languages when it comes to the languages of Yakutia. Yakutia is represented by a wider variety of indigenous languages, such as the languages of Ents, Chulym, Tofolara, Oroks. Therefore, Yakut serves as a lingua franca for other minorities in the region of Yakutia. Another important peculiarity of the Yakut people is that they promote the languages of the Northern indigenous minorities (Evenki, Yukagir, Dolgan, and Chukchi), even though these indigenous languages have been understudied.

4) Disbalance between rural VS urban areas

One of the important factors to choose a language of internal communication within the family is the socio-economic status of the household. This has been repeatedly mentioned in the literature on bilingualism. Studies by Tovar-García and Podmazin [24] show that Tatar children from families with better financial conditions and those who live in urban areas are more likely to use the Russian

language at home compared to families from rural areas with lower socioeconomic status who use the Tatar language on a daily basis.

Since Russian remains the main means of communication in everyday life in the entire country, it is highly prestigious. Parents with higher incomes are willing to invest in their children's education, so they have more opportunities for their future life. Besides, the Russian language provides opportunities not only to achieve higher goals academically but also to advance professionally, that is, it is the language of socio-economic advancement that directly influences the quality of life afterward [25].

Meanwhile, those citizens who reside in villages prefer speaking their heritage language as their ancestors to keep the traditions. The minority language has been passed down from generation to generation. Since there is a continuing necessity of different social functions and different domains of use for each language [26], the Tatar language is the language of daily communication for their communities.

There are also other studies suggesting that school students from families with high-socio-economic status and from larger towns and cities have lower probabilities of having good knowledge of the minority language [27].

Consequently, the “rural VS urban” factor is playing a relevant role in choosing a language for internal communication within a family. Families living in bigger cities choose Russian as the primary language of communication, while villagers tend to speak Tatar with other members of their community. Along with that, larger cities have a positive impact on the use of a majority language (Russian) at home.

5) Shortage of teachers proficient in a minority language which leads to teaching minority languages in primary schools only

However, it is been reported a shortage of primary school teachers who are native or proficient enough to teach in the minority language and also have the necessary education. Thus, even though a titular language has a high status in society, there are also external constraints that influence the teaching minority languages process at schools. Therefore, there are initiatives are to launch training programs and interactive resources for teachers. So, they can teach the next generation.

In Tatarstan, the number of teachers of the Tatar language decreased by 30 % over 2018, the number of teachers of the Tatar language and literature has decreased from 5 thousand to 3.5 thousand over the year, Ilmur Khadiullin, First Deputy Minister of Education and Science of Tatarstan, said. He noted that 1,224 teachers were retrained and began to teach Russian, mathematics, physics (Tat Center).

Nevertheless, it is important to point out that the minority languages are reported to be languages of instruction at primary school only and they are used by a small minority of ethnic minority students [28].

To sum it up, languages should not only be studied as an academic discipline but also should be used as the language of tuition. Lack of teachers leads to minority languages taught at primary schools only, which potentially leads to students losing their (poor) knowledge in middle and high schools.

6) Research is based on language use than on proficiency level among minority language speakers

Since the definition of bilingualism requiring native control of two languages is too extreme, the idea of perfect balance and perfect mastery of two or more languages is no longer considered a requirement to be bilingual. The use of two or more languages in everyday life is the main characteristic when defining bilingual individuals. A majority of research papers about minority languages in Russia focus more on bilingualism as a whole regardless of the level of proficiency among the communities.

Therefore, the dimension of language use rather than language proficiency is often purposefully used as a basis for conducting research. The proficiency level is also hard to measure since it varies from region to region, from family to family; a number of factors should be controlled for in the research which takes the level of proficiency into account.

7) English as a global thread for minority languages

Apart from factors related to the sociolinguistic situation in Russia, there are also global trends. A growing interest in bilingualism and multilingualism that has recently been observed is connected with a growing number of bilinguals due to an increasing role of the English language as a global language and its intense spread as a *lingua franca*.

While the positions of the English language have been strengthened, regional languages are becoming increasingly vulnerable in the context of internalization due to the rising importance of the English language as a *lingua franca*. While the study of Russian and English language would be part of the required curriculum, many in the ethnic republics might fear this situation would mean fewer opportunities for minority-language speakers.

In the globalized world, English is the first choice as a second language for the majority of monolinguals since it is the undisputed leader in international communication and it offers more career and study opportunities. As some studies show [29] in contemporary Tatar society, there appears to be more motivated to use Russian and English than Tatar. Naturally, people who are concerned about their careers will learn foreign languages; therefore, it might cause a detrimental effect on the use of the republican language as the Tatar language. In schools, ethnic Russians prefer English to Tatar, and ethnic Tatars, frequently, prefer Russian and English to Tatar language. Therefore, English as a mandatory subject at school causes fewer opportunities for minority-language speakers to take classes in their mother tongue since taking classes in their heritage languages might affect their educational achievement in mandatory subjects.

Consequently, it is crucial for the future of minority languages as languages of instruction in Russia to know whether they threaten or support educational achievements, which is a major concern for parents and teachers.

Conclusion

This article gives an overview of the linguistic background of two Russian ethnic republics (Tatarstan and Yakutia), describing the language use of the Tatar and the Yakut languages in educational systems in their respective regions.

We have examined a number of peculiarities that pertain to bilinguals in their communities, such as the coexistence of the state language and a minority language amid the different religions that leads to bilingualism with the traits of biculturalism; disbalance between rural VS urban areas; shortage of teachers proficient in a minority language which leads to teaching minority languages in primary schools only; research is mostly based on language use than on proficiency level among minority language speakers. Apart from the above-mentioned features, bilingualism in these two republics includes other indigenous languages besides the main minority language and English is being a threat for these minority languages as in many other countries globally. Therefore, Russian VS minority languages bilingualism is being asymmetrical.

Both in Tatarstan and Yakutia, minority languages are considered as the core of national linguistic self-awareness. In these republics, bilingualism serves as a stimulus for the coexistence of several cultures in one region. However, it has been noticed certain linguistic differences between these two communities. There is a certain degradation in using the Tatar language among minority speakers in public schools and universities while positive dynamics in using the Yakut language in schools has been observed. Despite similar language policies, two languages have a different status in their communities and educational institutions.

Population mobility and movement of people have caused challenges for educators and policy-makers. Regardless of many cultural and religious changes for the past centuries, Russia still remains a country with plenty of minority languages which also include indigenous languages. Multilingualism practice in education should embrace the indigenous, national, and official as equal partners in the language policy development and education. In support of the implementation of needed language policies, it is necessary to identify the factors influencing the loss of languages of indigenous and local communities and the way how to teach effectively in linguistically and culturally diverse contexts.

To sum it up, studying bilingualism in the context of Russia can provide a new perspective on the current linguistic landscape and the role of republican languages. Adding information on social factors that influence the way minority languages and official languages are used would be also beneficial for policy makers, teachers and the research community.

References

1. Zarate, G., D. Levy, and Kramersch, C. 2011. *Handbook of Multilingualism and Multiculturalism*. Paris: Archive Contam. Print.
2. Hornberger, N., and S. McKay. 2010. *Sociolinguistics and Language Education*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/9781847692849> Institute of Multilingualism Home Page. Available online: <https://centre-plurilinguisme.ch/en>

3. Edwards, J. 2007. Societal Multilingualism. Reality, Recognition and Response. In: Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication. Ed. by Peter Auer, Li Wei. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Print.
4. Simons, G.F., and C.D. Fennig (eds.) 2017. Ethnologue: Languages of the World, Twentieth edition. Dallas, Texas: SIL International. Print.
5. Skutnabb-Kangas, T., and T. McCarty. 2008. Key Concepts in Bilingual Education: Ideological, Historical, Epistemological, and Empirical Foundations. Web. https://doi.org/10.1007/978-0-387-30424-3_112
6. Jankiewicz, S., and N. Knyaginina. 2018. The Language of the Republic at School: Who Decides? SSRN Electronic Journal. Web. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3163596>
7. Jankiewicz, S., N. Knyaginina, and Prina, F. 2020. Linguistic Rights and Education in the Republics of the Russian Federation: Towards Unity through Uniformity, Review of Central and East European Law 45 (1): 59–91. doi: <https://doi.org/10.1163/15730352-bja10003>
8. Hattori, S. 1979. The Place of Tatar among the Turkic Languages. Harvard Ukrainian Studies 3/4: 383–393. Web. <http://www.jstor.org/stable/41035840>
9. Johanson, L. 2006. Tatar. In K. Brown (Ed.). Encyclopaedia of Language and Linguistics. 2nd Edition. Oxford: Elsevier. Print.
10. Slavina, L., J. Mustafina, and Alan, M. 2017. Regional languages in cyberspace Case study: Tatarstan, Russia. Web. https://www.researchgate.net/publication/321420076_Regional_languages_in_cyberspace_Case_study_Tatarstan_Russia
11. Marquardt, K.L. 2013. Language and Sovereignty: A Comparative Analysis of Language Policy in Tatarstan and Kazakhstan. 4. Los Angeles, CA: UCLA Asia Institute. http://www1.international.ucla.edu/media/files/Marquardt_PoCA_4-fj-lrh.pdf
12. Wigglesworth-Baker, T. 2016. Language Policy and Post-Soviet Identities in Tatarstan. Nationalities Papers 44 (1): 20–37. <https://doi.org/10.1080/00905992.2015.1046425>
13. Suleymanova, D. 2009. Language Situation in the Republic of Tatarstan. Info Islam 1–16. http://www.info-islam.ru/publ/statji/jazykovaja_situacija_v_respublike_tatarstan/5-1-0-11281
14. Graney, K. 2007. Making Russia Multicultural Kazan at Its Millennium and Beyond. Problems of post-communism 54 (6): 17–27. Print.
15. Nizamova, L.R. 2016. Ethnic Tatars in contention for recognition and autonomy: bilingualism and pluri-cultural education policies in Tatarstan, Nationalities Papers 44 (1): 71–91. <https://doi.org/10.1080/00905992.2015.1124076>
16. Gorenburg, D. 2005. Tatar Language Policies in Comparative Perspective: Why Some Revivals Fail and Some Succeed. Ab Imperio 257–284. Web. 10.1353/imp.2005.0023.
17. Minzaripov, R.G. 2013. Ethnicity and Migrations in Modern Tatarstan. Kazan: Magarif publ. Print. (In Russ.).
18. Iskhakova, Z., R. Musina, and Minullin, K. 2002. Language and ethnicity at the turn of the century. Kazan: Magarif publ. Print. (In Russ.).
19. Kuzmin, E. 2014. Multilingualism in Russia. In: Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the 3rd International Conference (Yakutsk, Russian Federation, 30 June — 3 July, 2014). Moscow: Interregional Library Cooperation Centre, 2015, p. 30–42. Available at: < http://www.ifapcom.ru/files/2015/khanty/yak_mling_2015.pdf>
20. Ufimtseva, N.V. 2020. Association-verbal network as a model of the linguistic picture of the world. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences 86: 169. Print. (In Russ.).
21. Grosjean, F. 2015. Bicultural bilinguals. International Journal of Bilingualism 19 (5): 572–586. Print.
22. Veinguer, A., and H. Davis. 2007. Building a Tatar elite: Language and national schooling in Kazan. Ethnicities 7 (2):186-207. Web. <http://www.jstor.org/stable/23889434>
23. Haarmann, H. 1986. Language in Ethnicity: A View of Basic Ecological Relations. Berlin: Mouton de Gruyter. Print.
24. Tovar-García, E.D., and E. Podmazin. 2018. The impact of socioeconomic status and population size on the use of the Tatar language at home. Intercultural Education 29 (1): 122–138. <https://doi.org/10.1080/14675986.2017.1404740>

25. Bayramova, L.K. 2001. Tatarstan: language symmetry and asymmetry. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta publ. Print. (In Russ.).
26. Bhatia, T., and W. Ritchie. 2006. The handbook of bilingualism. Oxford: Wiley-Blackwell. Print.
27. Alòs i Font, H., and E.D. Tovar-García. 2015. Factors affecting the knowledge of the chuvash language amongst school students in Russia. *Sociolinguistic Studies* 9 (4): 345–372. <https://doi.org/10.1558/sols.v9i4.26771>.
28. Tishkov, V., V. Stepanov V., Funk, D., and O. Artemenko. 2009. Status of and Support for Linguistic Diversity in The Russian Federation. Expert report. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Available at: <https://refdb.ru/look/1274797.html>
29. Álvarez Veinguer, A. 2013. Mutual Understanding in Tatarstan? Teachers' and Pupils' Attitudes to Tatar and Russian in Tatar and Non-Tatar Gymnásias. *Pragmatics and Society* 4 (2): 240–257. <https://doi.org/10.1075/ps.4.2.07alv>.

Bio Notes:

Anna Mikhienko is a Researcher, Lomonosov Moscow State University. E-mail: annette.mikhyenko@gmail.com
Scopus ID 402510

Ekaterina S. Oshchepkova is a PhD in Philology, Researcher, Department of Psychology of Education and Pedagogics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. E-mail: oshchepkova_es@iling-ran.ru
Scopus ID 1520–8446

Maria S. Kovyazina is a Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Сведения об авторах:

Анна Михиенко — научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: annette.mikhyenko@gmail.com.
Scopus ID 402510

Екатерина Сергеевна Ощепкова — кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Институт языкознания РАН. E-mail: oshchepkova_es@iling-ran.ru
Scopus ID 1520–8446

Ковязина Мария Сергеевна — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-472-483

EDN: WKSFVG

Научная статья

Особенности функционирования эрзянско-русского двуязычия в аспекте переключения кодов

Н.М. Мосина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва,

Российская Федерация, 430005, Саранск, ул. Большевистская, 68/1

✉ natamish@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрено эрзянско-русское двуязычие на территории Республики Мордовия в аспекте переключения кодов. Цель исследования — представление типов внутрифразового переключения кодов на материале нарративных записей эрзянско-русских детей-билингвов. Особое внимание уделяется изучению особенностей функционирования родного и неродного языков в билингвальном обществе, механизмов переключения кодов у детей с учетом (не)соответствия структур в двух языках и различных стратегий реагирования носителей при использовании двух языков в одной единице дискурса. Источниковой базой исследования послужили материалы спонтанного нарратива, собранные автором в 2017–2019 гг. Информантами являются дети-билингвы в возрасте от 4 до 7 лет включительно. Методами исследования послужили описательный метод фактического материала, нарративная выборка, включенное и невключенное наблюдение.

Ключевые слова: двуязычие, билингв, переключение кодов, эрзянский язык, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 16.03.2023; принята к печати 20.08.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Мосина Н.М. Особенности функционирования эрзянско-русского двуязычия в аспекте переключения кодов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 472–483. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-472-483>

© Мосина Н.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Features of Functioning of the Erzya-Russian Bilingualism in the Aspect of Code switching

Natalya M. Mosina

National Research Ogarev Mordovia State University,
68, Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
✉ natamish@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the study of Erzya-Russian bilingualism in the aspect of code switching on the territory of the Republic of Mordovia. The aim of the study is to present the types of intra-phrase code switching based on the material of narrative recordings of Erzya-Russian bilingual children. Special attention is paid to the study of the peculiarities of the functioning of native and non-native languages in a bilingual society, the mechanisms of code switching in children, taking into account the (non-) correspondence of structures in two languages and different strategies of native speakers' response when using two languages in one unit of discourse. The source base of this study was the materials of the spontaneous narrative collected by the author of the article in 2017–2019. The informants are bilingual children aged 4 to 7 years inclusive. The research methods were the descriptive method of factual material, narrative sampling, included and not included observation.

Key words: bilingualism, bilingual, code switching, Erzya language, Russian language

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.06.2023

Conflict of interests: none

For citation: Mosina, N.M. 2023. "Features of Functioning of the Erzya-Russian Bilingualism in the Aspect of Code switching". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 472–483. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-472-483>

Введение

Интерес к изучению различных аспектов билингвизма и полилингвизма в языкознании прослеживается как в отечественной, так и зарубежной литературе уже многие годы. Прежде всего, важно отметить параллельное существование в науке понятий, обозначающих одно и то же явление: «билингвизм» или «двуязычие» и «полилингвизм» или «многоязычие». В то же время говорят о «двуязычной коммуникации», «двуязычном словаре», «двуязычной ситуации», при этом в последнее время проявляют особый интерес к «билингвальному образованию», имея в виду такую организацию обучения учащихся, когда становится возможным использование более чем

одного языка как языка преподавания [1–3]. По отношению к говорящим чаще используется термин «билингв», хотя в современных работах он часто заменяется словосочетанием «двухязычный индивидуум». Согласно последним исследованиям двухязычных людей в мире больше, чем носителей одного языка: примерно 70 % людей в мире в той или иной степени являются носителями двух или более языков. Входя в сферу исследования различных наук, изучающих билингвизм с точки зрения собственных концепций и являясь многоаспектной областью, двухязычие обладает большим количеством толкований [4; 5]. Так, например, согласно «Словарю социолингвистических терминов», билингвизм (двухязычие) — владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе [6].

Как показывают исследования, проведенные на основе анкетирования, у билингвов происходит переключение языковых кодов (от англ. *code-switching*), т. е. переход с одного языка на другой в зависимости от условий общения: в официальной обстановке — один язык, в обиходе или при общении внутри одной семьи — другой [7; 8]. Кроме того, переключение кодов зависит от возрастных и гендерных различий между носителями языка [9].

Переключение кодов (ПК) было одним из наиболее широко изучаемых языковых феноменов в контактной лингвистике со второй половины XX в. Кодовое переключение изучалось с разных точек зрения (структурной, прагматической, социолингвистической и психолингвистической и др.). В последних исследованиях отмечается необходимость междисциплинарного подхода [10; 11]. В настоящей работе основное внимание уделяется грамматическому анализу морфосинтаксической структуры высказываний с переключением кода.

Переключение кодов — это сложное контактное явление, которое определяется по-разному в зависимости от направленности конкретного исследования и типа исследуемых данных. Главное различие между дефинициями касается объема термина. Ситуация успешно была описана Л. Милрой и П. Мэйскен] следующим образом: «...область исследования переключения кода изобилует запутанным набором терминов, описывающих различные аспекты явления. Иногда ссылочная область набора этих терминов перекрывается, а иногда отдельные термины используются разными авторами по-разному» [12. С. 12]¹. Одним из наиболее принятых определений ПК является определение Д.Д. Гамперца, чье исследование показало, что ПК не является случайным, а подчиняется определенным правилам. Он определяет ПК следующим образом: «соседство в рамках одного и того же речевого обмена

¹ Здесь и далее перевод автора.

отрывков речи, принадлежащих к двум разным грамматическим системам или подсистемам» [13. С. 59].

Другие дефиниции менее конкретны, например, Ф. Грожан трактовал ПК как «попеременное использование двух или более языков в одном и том же высказывании или разговоре» [14. С. 145]. Определения различаются не только в отношении структурных аспектов, но и участников ПК, например, определения Д.Д. Гамперца и Ф. Грожана не связаны с говорящими, тогда как термин П. Гарднер-Хлорос учитывает также двуязычных носителей языка. По мнению П. Гарднер-Хлорос, переключение кодов — это «использование двуязычными людьми нескольких языков или диалектов в одном разговоре или предложении» [15. С. 4].

Некоторые исследователи различают термины «переключение кода» и «смешивание кодов», где первый относится к сопоставлению двух кодов (языков или диалектов) в дискурсе, которые грамматичны и ограничены закономерностями, а последний чаще используется для обозначения смешения двух и более языков в слове или в предложении. Смешение кодов иногда используется исключительно для обозначения речи молодых учащихся на ранних стадиях билингвального развития. В данной статье используется широкое определение термина «переключение кодов»: использование двух языков в одном и том же дискурсе. Однако наш анализ фокусируется только на внутрифразовом типе кодовых переключений, в котором переход на другой код осуществляется в структуре одного простого предложения и структурный анализ имеет смысл только в этих случаях. Данный тип исследователи называют также «смешением кодов».

Материалы и методы

Цель данной статьи — представить типичные случаи внутрифразового переключения кодов на основе нарративных записей эрзянско-русских детей-билингвов, продемонстрировав тем самым особенности функционирования мордовско-русского двуязычия. Эрзянско-русский двуязычный дискурс демонстрирует вариативность, которую можно объяснить несоответствием структур в двух языках и различными стратегиями реагирования носителей. Хотя основное внимание сосредоточено на грамматической структуре этих двуязычных высказываний, социолингвистические и прагматические факторы, которые могли бы объяснить вариативность внутри и возникновение смешанных конструкций.

Необходимо также представить несколько моделей, используемых при грамматическом анализе внутрифразовых кодовых переключений [16].

Источниковой базой исследования послужили материалы, собранные автором статьи в 2017–2019 гг. на территории Республики Мордовия. Информантами являются дети-билингвы — носители мордовского и русского языков в возрасте

от 4 до 7 лет включительно, при этом каждая возрастная группа состоит из нескольких респондентов, общее число которых составляет 12 человек. В ходе исследования нами были применены следующие методы: нарративная выборка, включенное и невключенное наблюдение. Эмпирический материал был собран в результате спонтанного повествования, основанного на пересказе детской книги в картинках без слов “Frog, where are you?” М. Майера [17]. Эти повествовательные контексты являются ограниченными, поскольку детей просили рассказать о конкретных событиях, описанных в сборнике рассказов. Рассказы и языковые образцы были записаны на аудиопленку, расшифрованы слово в слово и закодированы для случаев ПК.

Результаты

Во всех типах моделей, используемых при грамматическом анализе кодовых переключений, термин «конгруэнтность» играет важную роль в объяснении существующих типов ПК. Согласно М. Дьючару, соответствие «относится к понятию эквивалентности между грамматическими категориями или классами слов разных языков» [18. С. 256]. Соответствие между эрзянскими и русскими структурами также является одним из факторов, объясняющих вариативность, присутствующую в эрзянско-русском двуязычном дискурсе. Возникновение различных типов переключения кодов зависит от степени соответствия эрзянских и русских структур. Несоответствие приводит к избеганию матричных языковых структур и использованию встроенных языковых конструкций, в которых применяются правила русского языка (обычно с числительными, наречиями и глагольными фразами). В других случаях используются компромиссные стратегии, что приводит к двойному обозначению или другим типам смешанных конструкций, которые ускоряют преобразование двух языков.

В исследованиях по переключению кодов изучаются как социолингвистические, так и структурные аспекты. Социолингвистические модели ПК концентрируются на вариативности, в то время как синтаксические теории скорее фокусируются на регулярности с намерением объяснить, как и почему происходят внутрифразовые переключения.

Теории о ПК различаются в отношении существования ограничений. Некоторые ученые вообще отвергают существование ограничений, в то время как другие предполагают, что ограничения действительно применяются, но они не универсальны [16]. Согласно П. Мэйскену, прежде всего социокультурная среда и социолингвистический фон контактной ситуации определяют и предсказывают тип ПК. Другие подходы ставят под сомнение только существование специфических ограничений для ПК и предполагают, что в ПК также действуют принципы универсальной грамматики [19. С. 511–527].

В модели П. Мэйскена существуют три категории внутрифразового «смешивания кода»: альтернация (alternation), включение (insertion) и конгруэнтная лексикализация (congruent lexicalization).

1. При альтернации переключение кодов обычно происходит на границах предложений и предполагает полное переключение. В обоих предложениях грамматическая структура и лексические элементы взяты из одного языка. В первом примере (1), первое и последнее предложения представлены на эрзянском языке, а промежуточное предложение — на русском. Во втором (2) и третьем примерах (3) первое предложение дано на эрзянском, второе — на русском.

- (1) То-сто не -сть истямо лягушки -не,
that-ELAT see-PAST:3PL like this RUS:frog-DIM
ну, белка что-ли, белка мез-ть.
RUS:well RUS:squirrel RUS:wh-CL:Q RUS:squirrel wh-PL
'There (they) saw a small frog like this, well, a squirrel or what, like a squirrel.'
- (2) Сон мер-и тенья: «Пока, лягушка -т!».
he say-PRES:3SG this RUS:bye RUS:frog-PL
'He says this: "Bye, frogs!"'
- (3) А те -сэ, тенья, киска-сь,
CONJ:but this-INESS this dog -DEF
не зна -ю.
RUS:NEG.PARTIC RUS:know-PRES:1SG
'And here is, this, the dog, (I) don't know.'

2. Вторым типом внутрифразового ПК в модели П. Мэйскена является включение. В случаях включения грамматическая структура обеспечивается одним языком, а вставленные в нее элементы взяты из другого языка. В примере (4) русское адвербиальное словосочетание *поближе дому* вставлено в эрзянское предложение. Согласно правилам стандартного русского языка, конструкция должна быть предложной: *поближе к дому*. В примере (4) грамматическая структура предложения задана эрзянским языком, однако во фразе применяются правила русского языка. Например, существительное стоит в дательном падеже, как того требует наречие *поближе*. В примере (5) глагольная конструкция *домик залезают* также должна быть предложной, как этого требует глагольное управление: *залезть в/во, на*. Выпадение предлога в русских конструкциях — типичное явление в речи эрзянско-русских билингвов [20]. Таким образом, примеры (4) и (5) являются типичными случаями включения:

- (4) И тусть поближе дом -у
CONJ:and leave-PAST:3PL RUS:ADV:closer RUS:house-DAT
'And (they) left closer to the house.'
- (5) То -со доми -к залеза-ют.
that-INESS RUS:house-DIM RUS:climb-PRES:3PL
'There (they) are climbing into the small house.'

3. В типологии Мэйскена третий тип переключения внутри высказывания определяется как конгруэнтная лексикализация. Как правило, это смешанные структуры, в которых оба языка обеспечивают грамматическую основу высказывания. В модели П. Мэйскена конгруэнтная лексикализация обычно присутствует в случае языков, которые типологически схожи. Однако эрзянско-русские данные также демонстрируют случаи конгруэнтной лексикализации, хотя два языка типологически очень различны. Это можно объяснить длительной конвергенцией.

В примере (6) русское сказуемое *нужно* имеет аргумент, который выражен эрзянским личным местоимением в дательном падеже *монем* (диал., лит. *монень*). В конструкции как в эрзянском *монень эряви*, так и в русском языке *мне нужно* оба сказуемых требуют аргумента в дательном падеже, поэтому здесь две конструкции объединены. В примере (7) представлено гендерное согласование подлежащего со сказуемым, вероятно, в связи с тем, что подлежащее *кискась* ‘собака’ в русском языке женского рода. Род как грамматическая категория отсутствует в эрзянском языке. В русском языке система присвоения пола является морфологической, но она демонстрирует «заметное совпадение с семантическими критериями, наиболее доминирующим из которых является присвоение пола в соответствии с естественным полом объектов реального мира» [21. С. 63–65]. Одушевленные предметы с большей вероятностью приведут к гендерному согласию, чем неодушевленные:

(6) Ко -в -дак мо-нем нужно кекше-мс.
wh-LAT-CL:INDEF I-DAT RUS:need-PRES:3SG hide -INF1
‘I need to hide somewhere.’

(7) Те -сэ хоте -л -а киска-сь чувто пря-с кузе -мс.
this-INESS RUS:want-PAST-FEM dog -DEF tree top-ILL climb-INF1
‘Here the dog wanted to climb on a tree.’

Представленные выше модели учитывают различия в эрзянско-русских двуязычных данных. Если структуры не совпадают в двух языках, наиболее типичной стратегией носителей языка является включение всей русской фразы в эрзянский дискурс. Исследование показывает, что включение — это наиболее распространенный тип переключения кодов в нашем материале.

Даже если обнаруживается соответствие между структурами в двух языках, задействованных в ПК, существуют различия в методах переключения. Наиболее типичными случаями являются плавные переключения, представленные М. Ковач, в которых элемент встраиваемого языка включается в компонент матричного языка [22]. Обычно это однословные замены, которые напоминают заимствования. Типичными случаями этих конструкций являются словосочетания с числительными, глагольные словосочетания и наречия / наречные словосочетания.

В материалах нашего исследования больше всего было зафиксировано случаев с глагольными словосочетаниями, что связано, скорее всего, с примененным методом создания нарратива, а именно спонтанного повествования на основе бессловесной книги с картинками. Глагольные конструкции также могут встречаться в виде элемента встраиваемого языка. В этом случае переносится не только основа, но и окончания глагола. Типичные случаи глагольных фраз с кодовым переключением можно наблюдать в следующих примерах (8), (9), (10), (11), (12), в которых содержится русский глагол (*вылезает, выпрыгнуть хочет, катают, моется*), в том числе с русской отрицательной частицей (12) (*не достаёт*):

- (8) Лягушка -сь ведь -стэ вылеза -ет
 RUS:frog-DEF water-ELAT RUS:come out-PRES:3SG
 ‘The frog is coming out from the water.’
- (9) А те, лягушка-сь, выпрыгн -уть хоч -ет.
 CONJ:but this RUS:frog-DEF RUS:jump-INF1 RUS:want-PRES:3SG
 ‘And this, the frog, wants to jump.’
- (10) Те -сэ сынь опять ката -ют.
 this-INESS they RUS:ADV:again RUS:roll-PRES:3PL
 ‘Here they are again rolling.’
- (11) А те -сэ сон тень, моет -ся.
 CONJ:but this-INESS he this RUS:wash-REFL
 ‘And here he is washing (himself).’
- (12) А те -сэ не доста -ёт сон
 CONJ:but this-INESS RUS:NEG.PARTIC RUS:reach-PRES:3SG he
 ‘And here it (dog) does not reach.’

В собранном материале также содержатся формы глаголов прошедшего времени, которые передаются вместе с их флективными суффиксами (13), (14): *выбрались, заблудились*. Формы прошедшего времени единственного числа в русском языке маркированы окончаниями женского и мужского рода (15), (16): *хотела, прыгнул, ускакал*.

- (13) Сынь выбра -лись, ту-сть лия -ва
 they RUS:get out-PAST:3PL go-PAST:3PL other-PROLAT
 ‘Then from a stump they got out, went to the other (way).’
- (14) Сынь моль-сть вире -в и заблуди -лись.
 they go -PAST:3PL forest-LAT RUS:CONJ:and RUS:get lost-PAST:3PL
 ‘They went to forest ’and got lost.’
- (15) А киска-сь хоте -л -а
 CONJ:but dog -DEF RUS:want-PAST:3SG-FEM
 те -нть марто налксе-мс.
 this-GEN.DEF POST:with play -INF1
 ‘And the dog wanted to play with this.’
- (16) А киска-сь прыгну -л масторо-в.
 CONJ:but dog -DEF RUS:jump-PAST:3SG earth -LAT
 ‘And the dog has jumped on the ground’

Лягушка-сь банка-сто лис -сь ,
 RUS:frog-DEF jar -ELAT go out-PAST:3SG
 и усака -л.
 RUS:CONJ:and RUS:jump away-PAST:3SG
 ‘The frog went out from a jar and jumped away.’

Помимо глагольных фраз наречные конструкции являются одной из наиболее распространенных категорий, встречающихся в качестве элемента встраиваемого языка. Обычно это наречия, которые встречаются в изучаемом двуязычном дискурсе. Обычно они являются необязательными аргументами глагола и, следовательно, имеют с ним более слабую связь, чем обязательные части предложений. Это более слабое соединение позволяет легко использовать их в качестве встроенных языковых компонентов [22. С. 199]:

(17) Те -сэ опять киска.
 this-INESS RUS:ADV:again dog
 ‘There is again a dog here.’
 (18) Те -сэ тоже вирь.
 this-INESS RUS: ADV:also forest
 ‘There is also a forest here.’
 (19) Сынъ ту-сть ползком
 they go-PAST:3PL RUS:ADV:crawling
 те пенька-нть лан -га.
 this stump -GEN.DEF POST:on-PROLAT
 ‘They went crawling along this stump.’

Заключение

Были изучены различные типы внутрифазового переключения кодов в двуязычном эрзянско-русском дискурсе в соответствии с моделью П. Мэйскена: альтернатива (alternation), включение (insertion) и конгруэнтная лексикализация (congruent lexicalization). В собранном языковом материале выявлено существование всех трех категорий внутрифазового «смешивания кода», однако наиболее распространенным типом переключения кодов, как показал анализ нарративной выборки материала, является включение в виде однословных замен, а именно глагольных конструкций и наречий.

Существование различных типов ПК зависит от степени соответствия эрзянских и русских структур. Несовпадение структур исследуемых языков привело к игнорированию структур эрзянского языка и использованию элементов встраиваемого языка, в которых применялись правила русского языка. В других случаях использовались компромиссные стратегии, которые приводили к двойному обозначению или другим типам смешанных конструкций, ускоряющих конверсию двух языков.

Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на объяснении различий в ПК, т.е. на том, коррелируют ли стратегии в области (не)соответствия с социолингвистическим фоном носителей языка (возраст, пол, владение языком и т. д.).

Список литературы

1. Мосин М.В., Водясова Л.П., Мосина Н.М., Чинаева Н.В. Дидактический потенциал билингвизма в обучении иностранному языку // *Интеграция образования*. 2017. Т. 21. № 4 (89). С. 751–764. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.089.021.201704.751-764>
2. Джигоева Г.Х. Развитие функционального двуязычия у младших школьников средствами национальных игр // *ЦИТИСЭ*. 2021. № 4 (30). С. 26–33. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.4.03>
3. Мосина Н.М., Казаева Н.В., Батина С.В. Особенности овладения иностранным (финским, венгерским) языком билингвами // *Финно-угорский мир*. 2020. Т. 12. № 3. С. 250–258. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.03.250-258>
4. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // *Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974. С. 313–318.
5. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // *Новое в лингвистике. Языковые контакты*. Вып. VI, М, 1972. С. 5–25.
6. Михальченко В.Ю. *Словарь социолингвистических терминов*. М.: Российская академия наук. Институт языкознания, Российская академия лингвистических наук, 2006.
7. Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Переключения кодов в речи пятилетних детей-билингвов // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 71. С. 169–184. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/10>
8. Табачников Ю.Ю., Гатауллин Р.Г. Переключение с одного языка на другой: code-switching // *Доклады Башкирского университета*. 2021. Т. 6. № 3. С. 215–218. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2021.3.13>
9. Рубакова И.И., Васько А.О. Языковая аттриция в устной речи билингвов и пути ее преодоления (проект лингвотренажера) // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2022. № 2 (115). С. 104–114. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.115.2.015>
10. Isurin L., Donald W., Kees de B. (eds.) *Multidisciplinary approaches to codeswitching*. Amsterdam: John Benjamins. 2009.
11. Stell G, Kofi Y. (eds.) *Code-switching between structural and sociolinguistic perspectives*. V. 43. Berlin: Mouton de Gruyter. 2015.
12. Milroy L., Muysken P. (eds.) *One speaker, two languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. New York: Cambridge University Press. 1995.
13. Gumperz J.J. (ed.) *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press. 1982.
14. Grosjean F. *Life with two languages. An introduction to bilingualism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1982.
15. Gardner-Chloros P. (ed.) *Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press. 2009.
16. Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000.
17. Mayer M. *Frog, where are you? A Puffin Pied Piper*: New York, 1980.
18. Deuchar M. Congruence and Welsh–English code-switching // *Bilingualism: Language and Cognition*, no. 8 (3). 2005. Pp. 255–269.
19. Mahootian S. Code switching and mixing // *Encyclopedia of language and linguistics*. 2nd edition. Amsterdam: Elsevier. 2006. Pp. 511–527.

20. *Shagal K.* Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers // *Mordvin languages in the field. Uralica Helsingiensia*. V. 10. Helsinki. 2016. Pp. 363–377.
21. *Corbett G.G.* (ed.) *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press, V. 6. 1991.
22. *Kovács M.* Code-switching and Language Shift in Australian Finnish in Comparison with Australian Hungarian. Åbo: Åbo Akademi University Press. 2001.

References

1. Mosin, M.V., L.P. Vodjasova, Mosina, N.M., and N.V. Chinaeva. 2017. Didactic potential of bilingualism in teaching a foreign language. *Integration of Education* 21 (4): 751–764. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.089.021.201704.751-764>. Print. (In Russ.).
2. Dzhioeva, G.H. 2021. Development of functional bilingualism in primary school students by means of national games. *CITIS* 4(30): 26–33. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.4.03>. Print. (In Russ.).
3. Mosina, N.M., N.V. Kazaeva, and Batina, S.V. 2020. Features of mastering a foreign (Finnish, Hungarian) language by bilinguals). *Finno-Ugric World* 12 (3): 250–258. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.03.250-258>. Print. (In Russ.).
4. Shherba, L.V. 1974. On the issue of bilingualism. *Language system and speech activity*. Leningrad. Print. (In Russ.).
5. Rozencvejk, V.Ju. 1972. Basic questions of the theory of language contacts. In *New in Linguistics. Language contacts VI*. Moscow. Print. (In Russ.).
6. Mihal'chenko V.Ju. 2006. *Dictionary of sociolinguistic terms*. Moscow: Rossijskaja akademija nauk. Institut jazykoznanija publ. Print. (In Russ.).
7. Chirsheva, G.N., and P.V. Korovushkin. 2021. Code switching in the speech of five-year-old bilingual children. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* 71: 169–184. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/10>. Print. (In Russ.).
8. Tabachnikov, Ju.Ju., and R.G. Gataullin. 2021. Switching from one language to another: code-switching. *Doklady Bashkirskogo universiteta* 6 (3): 215–218. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2021.3.13>. Print. (In Russ.).
9. Rubakova, I.I., and A.O. Vas'ko. 2022. Language attrition in the oral speech of bilinguals and ways to overcome it (linguo simulator project)). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva* 2 (115): 104–114. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.115.2.015>. Print. (In Russ.).
10. Isurin, L., W. Donald., and Kees, de B. (eds.) 2009. *Multidisciplinary approaches to codeswitching*. Amsterdam: John Benjamins. Print.
11. Stell, G., and Y. Kofi. 2015. (eds.) *Code-switching between structural and sociolinguistic perspectives*. Vol. 43. Berlin: Mouton de Gruyter. Print.
12. Milroy, L., and P. Muysken (eds.) 1995. *One speaker, two languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. New York: Cambridge University Press. Print.
13. Gumperz, J.J. (ed.) 1982. *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
14. Grosjean, F. 1982. *Life with two languages. An introduction to bilingualism*. Cambridge Mass.: Harvard University Press. Print.
15. Gardner-Chloros, P. (ed.) 2009. *Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
16. Muysken, P. 2000. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
17. Mayer, M. 1980. *Frog, where are you? A Puffin Pied Piper*: New York. Print.
18. Deuchar, M. 2005. Congruence and Welsh–English code-switching. *Bilingualism: Language and Cognition* 8 (3): 255–269.
19. Mahootian, S. 2006. Code switching and mixing. In *Encyclopedia of language and linguistics*. 2nd edition. Amsterdam: Elsevier. Pp. 511–527. Print.

20. Shagal, K. 2016. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers. In *Mordvin languages in the field*. Uralica Helsingiensia. Vol. 10. Helsinki. 363–377. Print.
21. Corbett, G.G. (ed.) *Gender*. 1991. Cambridge: Cambridge University Press, V. 6.
22. Kovács, M. 2001. *Code-switching and Language Shift in Australian Finnish in Comparison with Australian Hungarian*. Åbo: Åbo Akademi University Press.

Сведения об авторе:

Мосина Наталья Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. E-mail: natamish@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1742-5438

Bio Note:

Natalya M. Mosina is a PhD in Philology, Professor at the Department of English Language for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University. E-mail: natamish@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1742-5438

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-484-496

EDN: VATCQE

Научная статья

Психообразы языковых единиц в сознании индивида — основа билингвальной и межкультурной коммуникации

М. Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков,
Республика Узбекистан, 100138, Ташкент, ул. Кичик Халка йули, квартал Г-9А, дом 21-а,
✉ mah.dzhusupov@mail.ru

Аннотация. Контактное взаимодействие языков и культур формирует билингвизм и бикультурность на разных уровнях их функционирования. Целью исследования является анализ и описание двуединого одновременного формирования и функционирования билингвальной и бикультурной коммуникации на материале казахского и русского языков. Билингвальные и межкультурные процессы у индивида и социума осуществляются посредством использования языковых единиц. В сознании индивида, общества сформированы психообразы языковых единиц и культурных символов, которые являются основой монологической и монокультурной коммуникации внутри этноса. Эти национально-языково-культурные психообразы способствуют формированию инофонных, инокультурных психообразов в сознании будущего билингвального, бикультурного индивида и социума. Материалами для исследования послужили казахские (шире — тюркские), русские языко-речевые единицы, общечеловеческие и национально-специфические культурные понятия и символы, которые, с одной стороны, порождают интерференцию, с другой стороны, факультацию; последнее облегчает усвоение неродных языков и культур. Поэтому обучение второму языку будет более эффективным, если его осуществлять при подаче учебно-языкового материала в гармоническом сочетании языков, которые тесно взаимосвязаны с культурными ценностями другого народа. В ходе исследования использованы методы сопоставительного анализа, противопоставления минимальных пар, методы и приемы индуктивного и дедуктивного характера. Результаты научного исследования имеют теоретическое и практическое значение в аспекте формирования билингвизма, знаний, умений и навыков межкультурной коммуникации в условиях активного тюркско-инофонного (казахско-русского) двуязычия и бикультурности.

Ключевые слова: язык, родной, неродной, сознание, психообраз, билингвизм и межкультурная коммуникация, факультация, интерференция

© Джусупов М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14.02.2023; принята к печати 14.06.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Джусупов М.* Психобразы языковых единиц в сознании индивида — основа билингвальной и межкультурной коммуникации // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 484–496. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-484-496>

Research Article

Psycho-images of Language Units in the Consciousness of the Individual — the Basis of Bilingual and Intercultural Communication

Mahanbet Dzhusupov

Uzbek State University of World Languages,
Kichik Halka str., 21-a, G-9A block, Tashkent, Uzbekistan, 100138
✉ mah.dzhusupov@mail.ru

Abstract. The contact of languages and cultures forms bilingualism and biculturalism at different levels of their functioning. The purpose of the article is to analyze and describe the dual simultaneous formation and functioning of bilingual and bicultural communication based on the material of contact between the Kazakh and Russian languages. Language is the basis of bilingualism and biculturalism, since both bilingual and intercultural processes in an individual and society are carried out through the use of language units. Psycho-images of linguistic units and cultural symbols are formed in the consciousness of an individual of society, which are the basis of monolingual and monocultural communication within an ethnos. These national-linguistic-cultural psycho-images contribute to the formation of foreign, foreign-cultural psycho-images in the minds of the future bilingual, bicultural individual and society. The materials of the study were Kazakh (In general, Turkic), Russian linguistic and speech units, universal and national-specific cultural concepts and symbols, which, on the one hand, give rise to interference, on the other hand, facilitation, the latter facilitates the assimilation of non-native languages and cultures. Therefore, teaching a second language will be more effective if it is carried out when teaching and language material is presented in a harmonious combination of the language, which, in content, are logically closely interconnected with the cultural values of the foreign people. In the course of the study, methods of comparative analysis, opposition of minimal pairs, methods and techniques of inductive and deductive nature were used. The results of the scientific research are of theoretical and practical importance in the aspect of the formation of bilingualism of knowledge, skills and abilities of intercultural communication in the conditions of active Turkic-foreign (Kazakh-Russian) bilingualism and biculturalism.

Key words: language, native, non-native, consciousness, psycho-image, bilingualism and intercultural communication, facilitation, interference

Article history: received 14.03.2023; accepted 14.06.2023

Conflict of interests: none

For citation: Dzhusupov, M. 2023. “Psycho-images of Language Units in the Consciousness of the Individual — the Basis of Bilingual and Intercultural Communication”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 484–496. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-484-496>

Введение

Билингвизм, бикультурность, межкультурная коммуникация — явления, результат человеческой языко-речевой деятельности [1–4]. Язык в статике и динамике — основа всей коммуникативной деятельности индивида и социума во всех сферах социальной деятельности как в монолингвальном плане, так и в би-, полилингвальном, межкультурном плане, что является результатом контактирования языковых систем родного и неродного языков и культур в их сознании [5].

А. Байтурсынов в 1914 г. в работе «Тіл-курал» писал, что язык есть главное орудие человека среди всех его орудий [6. С. 141]. Итак, язык, реализуясь в речи, доминирует над всеми орудиями, которые человек использует в своей жизнедеятельности.

Речевая деятельность человека как на родном, так и на неродном языке осуществляется на основе использования языковых единиц и их комбинаций: (фонема, слово, словосочетание, предложение).

Глубинным фундаментом билингвизма и межкультурной коммуникации является владение системой фонем в их различных реализациях в зависимости от позиции в составе слова, словосочетания [7; 8].

Произношение слова неродного языка — первый этап осмысленной билингвистической и межкультурной речевой деятельности инофона, что способствует формированию в его сознании психообразов звуков, слов [9; 10] и психологической уверенности для процесса дальнейшего изучения и овладения неродным языком и соответствующей культурой [11].

Фонема, сочетания фонем образуют слово, слово обозначает понятие. Понятие в разных значениях слова начинает формировать билингвизм и бикультурность, охватывающие как отдельного индивида, так и социум, возникает межкультурная коммуникация, так как в сознании участников коммуникации уже сформированы психообразы звуков, слов, словосочетаний, предложений второго языка и культуры.

Как на начальном, так и на продвинутом этапе формирования билингвизма и бикультурности в сознании инофона идет процесс контактирования языковых единиц, правил их использования в родном и изучаемом языках, что выражается в речи, внутри которой функционирует и фацилитация, и интерференция. После преодоления речевой интерференции ненормативные психообразы языковых единиц неродного языка вытесняются (нейтрализуются) и формируются психообразы нормативных языковых единиц и культурных ценностей инофонии, инокультуры.

Обсуждение

Психообраз, билингвизм, межкультурная коммуникация

В сознании индивида и общества сформированы психообразы языковых единиц и их сочетаний родного языка, а также понятия и символы национальной культуры, которые являются статической и динамической основой монолингвального монокультурного общения в условиях родной лингвокультурной стихии.

Учение о понятии психообраза (психический образ) в сознании человека начинается с теории психологической фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ — родоначальника и основоположника трех фонологических теорий.

И.А. Бодуэн де Куртенэ писал, что «в душе человека есть психическое впечатление звука», которое он назвал фонемой [7. С. 253–361]. Это стало основой формирования теории психологической фонемы (психофонемы), отсюда — понятие и термин «психообраз» (психический образ) фонемы в сознании индивида и народа, который говорит на одном языке, так как в сознании всех его представителей сформированы одинаковые психообразы фонем и их позиционных разновидностей в родном языке. Именно это обеспечивает одинаковое произношение, говорение, понимание всеми членами национального сообщества. Это касается и других языковых единиц — слова, словосочетания, предложения, а также пословиц, поговорок, фразеологизмов, психообразы которых сформированы в сознании всего национального единства. Таким образом, в сознании народа сформированы психообразы национальных культурных ценностей, что обеспечивает единое понимание культуры народа, внутринациональное единое восприятие понятий, национально-культурных ценностей, образов. Эти национально-культурные психообразы реализуются в национальных звуковых оформлениях на основе психообразов фонем и их сочетаний в составе других языковых единиц [12].

Национальные психообразы языка и культуры являются базой для изучения и формирования в сознании монофонемного, монокультурного индивида и социума второй (третьей и т.д.) системы психообразов понятий и символов инофонного, инокультурного национального общества.

Освоение инолингвальной и инокультурной динамической системы психообразов положительного (фацилитация) и отрицательного (интерференция) воздействия особенностей родного и изучаемого языков и культур [12], а не только одностороннего (от родного к неродному) традиционно рассматривается в научных и практических концепциях, представленных в учебниках, монографиях, диссертациях и т.д. по контактированию языков, билингвизму, сопоставительным грамматикам, обучению неродному языку [1; 9; 13–15].

Фацилитация — сходства в двух языках, способствующие облегченному, уверенному овладению материалом второго языка [2]. Например, при

контактировании казахского и русского языков в произносительном плане казахофон легко усваивает односложные и двусложные слова русского языка, в которых нет качественной редукции гласных в безударном положении, нет консонантных сочетаний, а в сингармоническом плане присутствуют сингармонингвотвердые сочетания звуков, как в родном языке: рус.: *тон* (тон голоса), каз.: *тон* (шуба), рус. *Тарзан* (кличка собаки), каз.: *Тарзан* (кличка собаки) и т.д.

Фацилитация создает условия для трансфера (для положительного переноса знаний, умений, навыков, выработанных на практике использования родного языка).

В процессе обучения второму языку явление фацилитации можно интерпретировать и применительно к освоению индивидом культурных ценностей народа — генетического носителя изучаемого языка.

Объясняется это тем, что в культуре всех народов мира сочетаются универсальные (общечеловеческие) и национально-специфические ценности, выражающиеся в понятиях, традициях, обычаях [4] и т.д. Например, явление фацилитации для всех народов мира — это женитьба сына, выдача дочери замуж, что завершается свадьбой (по-казахски *той*). В этом общечеловеческом культурном явлении национально-культурный аспект (уникальный у каждого народа) выражается в различных обрядах, обычаях, характерных для каждого национального сообщества в зависимости от религиозных, исторических, географических, климатических, социально-иерархических и т.д. особенностей. То же самое наблюдается в приветствии человека (здороваться при встрече). Это обязательный ритуал у всех народов мира, (универсально-культурный феномен). Национально-культурное содержание этого общечеловеческого феномена проявляется по-разному: здороваются за руку; здороваются с поклоном; словесным выражением пожелания мира и процветания; сочетанием рукопожатия и словесного приветствия и т.д. [16. С. 95–96].

Использование учебного материала по общечеловеческим культурным ценностям в процессе формирования билингвизма и бикультурности способствует овладению обучающимися одновременно и языковым, и культурным аспектами.

Например, в казахской аудитории предлагается освоение значения русского слова «свадьба» с эквивалентом родного языка — «той». Это формирует у обучающихся как языковые, так и культурные познания. Они ассоциируют русскую свадьбу с казахским тоем, у них появляется много вопросов, ответы на которые помогают им узнать сходства и различия в свадебном обряде в русском и казахском менталитете. Например, в казахском менталитете многозначное слово «той» ассоциируется не только с понятием «свадьба» (женитьба или выдача замуж), но и с празднованием юбилея («той»), проводов в армию («той») и т.д. (всего почти 20 типов тоя), тогда как в русском языке слово «свадьба» имеет одно прямое значение — «вступление в брак».

При этом в сознании обучающихся формируется психообраз свадьбы (тоя) как общечеловеческого и собственно национального культурного явления в обществе и в личной жизни индивида [4].

Интерференция — результат функционирования различных контактирующих языков, что выражается в ошибках в процессе речевой деятельности индивидов, овладевающих неродным языком. Интерференция тормозит, оказывает отрицательное влияние на процесс овладения вторым языком. Интерференция, в отличие от факультации, — явление полиаспектное, охватывающее все уровни языка и стилистику [12; 15]. Различий в двух разносистемных языках во много раз больше, чем сходств. Сходства, как правило, общие, редко частные. Общие сходства (факультация) не всегда могут оказывать положительное влияние на овладение неродным языком, а следовательно, и на формирование автономного билингвизма, так как общие сходства в двух языках (например, грамматическая категория падежа) внутренне наполнены различиями, которые и порождают интерференцию в речи на изучаемом языке.

Рассмотрим словоформу *столов* (начальная форма *стол*): род.п., мн.ч., муж.род. В казахском языке (и в других тюркских языках) нет грамматической категории рода, а значения род.п., мн.ч. передаются двумя окончаниями: *стол+дар+дың* (*дар* — показатель мн.ч., *дың* — показатель род.п.). Таким образом, в русском языке падежное окончание передает несколько грамматических значений, т.е. оно в грамматическом плане многозначное, а в казахском языке — однозначное: каждое грамматическое значение передается самостоятельным (отдельным) аффиксом, поэтому к корню слова присоединяются 2–3 и более аффиксов, например: *кам + сыз + дан + д + рыл + ма + ған + дық + тан*. К корню слова последовательно присоединяются восемь аффиксов, каждый из которых несет в себе отдельное грамматическое значение. Значение слова следующее: ‘от того, что вы не были подготовлены’.

Такие различия внутри общих сходств — это та национально-лингво-культурная специфика, которая является истоком речевой интерференции на изучаемом языке. Именно поэтому на начальном этапе овладения неродным языком у индивида и социума формируется субординативный (подчинительный, несовершенный) билингвизм, так как в его сознании формируются «ложные», «искривленные», «полуправильные» психообразы языковых единиц.

Например, словоформу *столов* начинающий изучать русский язык тюркофон может произнести: *ыстоловы* или *ыстольовы*. Это обусловлено следующими причинами:

1) звук [ы] в инициале слова добавляется в связи с тем, что в тюркском языке (родном) слово не начинается с консонантного сочетания, но оно есть в русском языке. Эти особенности порождают фонетико-фонологическую интерференцию (вставка звука, т.е. плюс-сегментация);

2) добавляется звук [ы] перед окончанием род.п. в русском слове (-ов) или после него потому, что инофон уже знает, что в русском языке -ы, -и — показатели мн. ч., поэтому его добавляет, чтобы создать множественное число слова (плюс-сегментация); инофон-тюрк знает, что в родном языке каждое грамматическое значение передается самостоятельным аффиксом, поэтому добавляет -ы-, чтобы было два аффикса: один для передачи значения мн.ч., другой — род.п.

Речевая интерференция как нарушение нормы изучаемого языка может рассматриваться как девиация: в высказывании может измениться смысловое выдвижение, что приводит к непониманию смысла высказывания или к искаженному пониманию смысла, или к восприятию другого смысла [17; 18].

Речевая интерференция — проходящее явление: чем лучше овладевает индивид вторым языком, тем меньше проявлений речевой интерференции. При совершенном овладении вторым языком межъязыковая речевая интерференция нейтрализуется, потому что в сознании изучающего второй язык уже сформированы психообразы языковых единиц, символов культуры, их сочетаний, соответствующих нормативной системе неродного языка.

Билингвизм, билингвальная языковая деятельность являются основой межкультурной коммуникации, так как освоение инокультурных ценностей осуществляется посредством использования языковых единиц, выражающих лингвокультурные и в целом культурные понятия, символы неродного языка и неродной культуры, осваиваемые индивидом. Невозможно осуществлять межкультурную коммуникацию в отсутствие межъязыкового общения: язык (родной, неродной) — хранитель и передатчик языковых и культурных понятий, символов как внутри одного языка, так и между языками, культурами. Язык — зеркало культуры. Язык — орудие культуры [2]. Функционирующий билингвизм формирует функционирующую бикультурность, вбирая в свой языко-речевой фонд одновременно языковые и культурные средства инофонного, инокультурного народа.

Билингвизм по своей природе полиаспектное явление [1; 11; 12; 19; 20. С. 45–46]. В научной литературе существуют разные его классификации на основе разных научных подходов к его изучению. Эти научные понимания и определения билингвизма не противоречат друг другу, а дополняют друг друга, раскрывают особенности его формирования. Существуют следующие подходы к классификации билингвизма: 1) по времени изучения второго языка: с детства или уже в старшем возрасте (ранний билингвизм, поздний билингвизм); 2) естественный и искусственный билингвизм (второй язык усваивается в языковой среде или — в отсутствие ее — в условиях аудиторного обучения); 3) репродуктивный (воспроизводящий) билингвизм: индивид почти не говорит, не пишет на втором языке, но приблизительно понимает инофонный текст, может в той или иной степени воспроизвести прочитанное или услышанное; 4) продуктивный (производящий) билингвизм: индивид

способен понимать и воспроизводить иноязычный текст, и сам может создать такой текст. На уровне продуктивного двуязычия билингв умеет конструировать слова и более крупные языковые единицы (словосочетания, предложения) и устно, и письменно.

Другое понимание билингвизма и его классификация основываются на смешении или на степени использования в речи на втором языке языковых единиц родного языка: (1) чистый билингвизм: индивид в одинаковой степени на нормативном орфоэпическом, лексическом, синтаксическом и т.д. уровнях владеет двумя языками; (2) смешанный билингвизм: индивид в речи свободно заменяет языковые единицы родного языка единицами второго языка. Особенности такого билингвизма, когда между речевыми механизмами двух языков возникает связь, могут проявляться и на уровне совершенного владения.

В случае (1) иноязычная речь характеризуется, как правило, вставками языковых единиц из родного языка, например: *Ты придешь қашан? (Ты придешь когда?)*. В таком варианте в целом может наблюдаться понимание смысла и соответствующих элементов национальной культуры первого коммуниканта вторым коммуникантом за счет лексем, которые в контексте выступают в качестве ключевых слов и понятий [21] родного языка и культуры билингва. Но восприятие и понимание такой билингвальной речи и элементов культуры зависит от уровня двуязычной подготовки второго коммуниканта.

В случае (2) в речи также используются средства обоих языков. Но, в отличие от варианта (1), данный процесс характеризуется обязательным завершением мысли на одном языке, а продолжение мысли или новая мысль могут оформляться на другом языке. Оба языка должны быть полностью понятными для участников коммуникации, например, русско-казахская речь: *Сегодня прекрасная погода. Керемет кун. Я радуюсь. (Сегодня прекрасная погода. Прекрасный день. Я радуюсь)*. Такое поочередное использование двух языков — это высший уровень билингвизма, который может функционировать в билингвальной среде у индивидов, одинаково хорошо владеющих двумя языками. Такой тип билингвизма Л.В. Щерба обозначил термином «смешанный билингвизм» — овладение индивидом двумя языками одновременно, в одинаковых условиях [22; 23. С. 45].

В научной литературе есть и другие понимания и определения билингвизма (абсолютный билингвизм, совершенный билингвизм, автономный билингвизм, координативный билингвизм, субординативный (подчинительный) билингвизм, культурный билингвизм, максимальный билингвизм, минимальный билингвизм, скрытый билингвизм, смешанный билингвизм и т.д.). Все определения и классификации разновидностей билингвизма прежде всего зиждятся на фундаменте, определяющем уровень владения вторым языком, а при полилингвизме — третьим, четвертым и т.д. языками. Исследованием билингвизма как результата

контактирования языков в сознании индивида и общества занимались многие ученые прошлого и настоящего времени. Так, Махмуд Замахшари, хорезмский тюрк, один из основоположников грамматики арабского языка, в конце XI и в первой половине XII в. создает три словаря — арабско-персидский, арабско-персидско-тюркский, арабско-персидско-тюркско-монгольский [24]. В XX веке, особенно во второй половине, когда многоаспектно и глубоко формировался и развивался инофонно-русский билингвизм в СССР, проблемами билингвизма занимались многие ученые: Л.В. Шерба [22], Е.Д. Поливанов [1], Е.М. Верещагин [11], А.Е. Карлинский [15], У. Вайнрайх [3] и др. Во всех научных исследованиях рассматриваются основные положения билингвизма, такие как родной и неродной язык; контактирование языков и характер этого контактирования; уровни билингвизма; интерференция и ее разновидности; фацитация; трансфер; проблемы сопоставительного описания контактирующих языков в аспекте теории языка, контрастивной лингвистики, лингводидактики, психолингвистики и методики обучения неродному языку и т.д.

Проблемы взаимосвязи билингвизма и культуры, а также межкультурной коммуникации активно стали изучаться в последнее время. Специалисты по билингвизму обращали внимание на процесс овладения вторым языком и на его результат. Билингвизм и бикультурность как взаимосвязанные явления при обучении неродному языку начали внедряться как лингвострановедческий аспект двуязычия [26], а язык как орудие, инструмент культуры, как основа межкультурной коммуникации — в исследованиях С.Г. Тер-Минасовой [2] и ее последователей [23].

Овладение инокультурой, на наш взгляд, можно рассматривать по аналогии с уровнями овладения билингвизмом, так как в этом процессе также наблюдаются фацитация, интерференция, трансфер, совершенное овладение, несовершенное овладение и т.д. Поэтому межкультурная коммуникация, которая формируется на основе использования языковых средств, такой же и даже более сложной процесс, чем формирование и функционирование билингвизма, так как в этом процессе осуществляется двойное действие, двойной переход: а) от родной языковой системы ко второй языковой системе; б) на основе и родной, и (в той или иной степени освоенной) неродной языковых систем к системе неродной культуры. Таким образом, межкультурная коммуникация — это динамический продукт динамического процесса билингвизма, который осуществляется на основе использования языковых единиц, и прежде всего звука и слова. Именно поэтому в сознании билингва в естественной среде или в условиях искусственного (аудиторного) билингвизма иноязыковые и инокультурные психообразы формируются одновременно или последовательно (культурные психообразы вслед за языковыми) и представляют собой единый лингвокультурный психообраз, что свидетельствует

о высоком уровне билингвальных и бикультурных возможностей, которые и статичны, и динамичны.

Итак, языковая единица (прежде всего звук и слово как носитель смысла) — главный инструмент формирования и функционирования билингвальной и бикультурной деятельности индивида и общества, состоящий из звуковой оболочки, т.е. фонем и их позиционных разновидностей в парадигматических и синтагматических взаимоотношениях, в основе которых лежат язык, познание, культура [22; 26].

Заключение

Психообразы языковых единиц, культурных ценностей в сознании индивида и социума (И.А. Бодуэн де Куртенэ), билингвизм и межкультурная коммуникация тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены. И билингвизм, и бикультурность, и полилингвизм, и межкультурная коммуникация формируются и функционируют на основе статических и динамических свойств, психообразов единиц языка, которые являются инструментарием изучения, совершенствования и осуществления внутриэтнических и межэтнических взаимоотношений. Межъязыковое и межкультурное общение (так же, как и внутриэтническое) могут осуществляться с использованием невербальных средств коммуникации, что зависит от целей и задач межэтнического общения и уровня билингвальности и бикультурности участников коммуникации.

Билингвизм и межкультурная коммуникация — явления общечеловеческого характера. В зависимости от объема социальных функций билингвизма и межкультурной коммуникации психообразы языковых единиц и культурных ценностей в сознании участников межэтнического общения могут быть достаточными для осуществления коммуникации на больших территориях мира (например, психообразы единиц английского языка и культуры в сознании инофонов). На основе психообразов единиц русского языка и культуры в сознании инофонов также осуществляется межкультурная коммуникация на территории Евразии, и прежде всего между гражданами стран СНГ. Межэтнические коммуникации могут быть и менее обширными, локальными, например, для осуществления межкультурной коммуникации на юге Казахстана, где проживают казахи, узбеки, русские, таджики и представители других народов, в сознании которых сформированы психообразы языковых единиц языков и культур родного, казахского, русского менталитетов. Они, как правило, трилингвы. Межкультурная коммуникация осуществляется в большинстве случаев на казахском или русском языках. Таким образом, билингвизм, психообразы языковых единиц неродного языка и соответствующей неродной культуры в сознании инофонов и процесс межкультурной коммуникации имеют территориальные и межэтнические особенности, связанные как

с языками и культурами, так и с географическими и государство-образовательными показателями.

Русский язык, освоенный билингвальными инофонами СНГ с соответствующими культурными ценностями, в настоящее время реализуется в би- и полилингвальном планах на уровне межкультурной коммуникации, который в XX в. и в настоящее время был сформирован в сознании инофонов Евразии в качестве доминанты психообразов неродных языковых единиц и показателей культуры, начинает претерпевать некоторые изменения. Эти изменения связаны с началом сужения его распространенности на территории СНГ, а следовательно, и с уменьшением объема русскоязычных и русскокультурных психообразов в сознании инофонов и заметной нейтрализацией их доминантности в процессе межкультурной коммуникации, когда это «свободное место» начинают занимать, как правило, англоязычные психообразы языковых единиц и культуры

Этот процесс (процесс американизации, британизации) еще слаб и функционирует в локальных условиях (профессиональная деятельность в науке, культуре, в СМИ, в шоу-бизнесе и т.д.), поэтому в ближайшей, и, по всей видимости, в дальнейшей перспективе инофонно-русский билингвизм, бикультурность, соответствующая межкультурная коммуникация будут доминировать на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. *Поливанов Е.Д.* Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ч.1, 3-е изд. Ташкент: Ўқитувчи, 1968.
2. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Словарь, 2000.
3. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
4. *Джусупов М.* Межязыковое и межкультурное контактирование: понятие, слово, психообраз, интерференция // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы.* 2016. № 6. С. 22–34.
5. *Хауген Э.* Языковой контакт // *Новое в лингвистике.* Вып. VI, М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.
6. *Байтурсынов А.* Тіл тағылымы (қазақ тілі мен өку-ағартуға қатысты еңбектері). Алматы: Ана тілі, 1992.
7. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Фонология // *Избранные труды по общему языкознанию.* Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1965.
8. *Бельдиян В.М.* Научно-методические основы обучения фонетике современного русского языка студентов национальных групп: опыт системного анализа. Ташкент: Фан, 1980.
9. *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970.
10. *Джусупов М.* Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент: Фан, 1991.
11. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014.
12. *Джусупов М.* Речевая интерференция как результат двуединого отрицательного воздействия // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 23–40. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40>

13. *Копыленко М.М., Ахмеджанова З.К.* Фонетическая интерференция в русской речи казахов. Алма-Ата: Наука, 1984.
14. *Юсупов У.К.* Теоретические основы сопоставительной лингвистики. Ташкент: Фан, 2007.
15. *Карлинский А.Е.* Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Ғылым, 1990.
16. *Сулейменов О.О.* Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». Алматы: ИД «Библиотека Олжаса», 2014.
17. *Джусупов Н.М.* Теория выдвижения в лингвистических исследованиях: истоки, тенденции, вопросы интерпретации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 41–50.
18. *Джусупов Н.М.* Языковая девиация как особый тип выдвижения: общелингвистический и лингвостилистический аспекты // Вестник КГУ им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. 2018. № 1 (2). С. 54–58.
19. *Sinyachkin V.P., Sinyachkina N.L.* Multilingualism in the Republic Kazakhstan: Viewpoint from the Outside // Polilinguality and transcultural practices. Volume 15, № 208, p. 445–460. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2018-15-3-445-460>
20. *Щукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2006.
21. *Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996.
22. *Щерба Л.В.* О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
23. *Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г.* Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2013.
24. *Zamakhshari Makhmud.* The Muqaddimat al-adab: A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chaqatoy and Mongol). Tokio, 2008
25. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
26. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. с послесловием академика Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005.

References

1. Polivanov, E.D. 1968. Experience of a private method of teaching the Russian language to Uzbeks. 3rd ed. Tashkent: Okituvchi publ. Print. (In Russ.).
2. Ter-Minasova, S.G. 2000. Language and intercultural communication. Moscow: Dictionary. Print. (In Russ.).
3. Weinreich, U. 2000. Language in contact. Status and research problems. Blagoveshchensk: BGK named after I.A. Baudouin de Courtenay publ. Print. (In Russ.).
4. Dzhusupov, M. 2016. Interlingual and intercultural contact: concept, word, psycho-image, interference. Philological Sciences. Scientific reports of higher school 6: 22–34. Print. (In Russ.).
5. Haugen, E. 1972. Language contact. In New in linguistics. Issue VI, Moscow: Progress. Pp. 61–80. Print. (In Russ.).
6. Baitursynov, A. 1992. Til tagylymy (Kazakh tili men oku-agartuға katysty enbekteri). Almaty: Ana Tili. Print. (In Kaz.).
7. Baudouin de Courtenay, I.A. 1965. Phonology. In Baudouin de Courtenay, I.A. Selected works on general linguistics. Vol. 1. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Print. (In Russ.).
8. Beldiyan, V.M. 1980. Scientific and methodological foundations for teaching the phonetics of the modern Russian language to students of national groups: Experience in system analysis. Tashkent: Fan publ. Print. (In Russ.).
9. Reformatsky, A.A. 1970. From the history of Russian phonology. Feature article. Reader. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.).

10. Dzhusupov, M. 1991. Sound systems of Russian and Kazakh languages. Syllable. Interference. Pronunciation training. Tashkent: Fan. Print. (In Russ.).
11. Vereshchagin, E.M. 2014. Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism). Moscow, Berlin: Direct-Media.
12. Dzhusupov, M. 2021. Speech interference as a result of a dual negative impact. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 12 (1): 23–40. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40> Print. (In Russ.).
13. Kopylenko, M.M., and Z.K. Akhmedzhanova. 1984. Phonetic interference in the Russian speech of the Kazakhs. Alma-Ata: Science. Print. (In Russ.).
14. Yusupov, U.K. 2007. Theoretical Foundations of Comparative Linguistics. Tashkent: Fan. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40> Print. (In Russ.).
15. Karlinsky, A.E. 1990. Fundamentals of the theory of interaction of languages. Alma-Ata: Gylm. Print. (In Russ.).
16. Suleimenov, O.O. 2014. Word code. Introduction to the Universal Etymological Dictionary “1001 Words”. Almaty: Publishing House “Olzhas Library”. Print. (In Russ.).
17. Dzhusupov, N.M. 2016. The theory of nomination in linguistic research: origins, trends, questions of interpretation. Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series Theory of language. Semiotics. Semantics 2: 41–50.
18. Dzhusupov, N.M. 2018. Linguistic deviation as a special type of promotion: general linguistic and linguo-stylistic aspects. Sh. Ualikhanov. Philological series 1 (2): 54–58.
19. Sinyachkin, V.P., and N.L. 2018. Sinyachkina. Multilingualism in the Republic of Kazakhstan: Viewpoint from the Outside. Polilinguality and transcultural practices 15 (3): 445–460. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2018-15-3-445-460> Print. (In Russ.).
20. Schukin, A.N. 2006. Linguodidactic encyclopedic dictionary. Moscow: Astrel: AST: Keeper publ. Print. (In Russ.).
21. Safonova, V.V. 1974. The study of languages of international communication in the context of the dialogue of cultures and civilizations, Voronezh: “Sources”. Print. (In Russ.).
22. Shcherba, L.V. 1974. On the concept of mixing languages. In Shcherba L.V. Language system and speech activity. Leningrad: Nauka. Print. (In Russ.).
23. Zhukova, I.N., Lebedko M.G., Proshina, Z.G., Yuzefovich N.G. Dictionary of terms of intercultural communication. Moscow: Flinta publ. Print. (In Russ.).
24. Zamakhshari Mahmud. 2008. The Muqaddimat al-adab: A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chaqatoy and Mongol). Tokio. Print.
25. Vezhbetskaya, A. 1996. Language. Culture. Cognition. Moscow: Russian dictionaries. Print. (In Russ.).
26. Vereshchagin, E.M., and V.G. Kostomarov. 2005. Language and culture. Three linguocultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema. Edited and with an afterword by Academician Yu.S. Stepanov. Moscow: Indrik publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Маханбет Джусупов — доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, почетный зав. кафедрой русского языка, Узбекский государственный университет мировых языков. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2934-2333

Bio Note:

Mahanbet Dzhusupov is a Doctor of Philology, Professor, Honored Professor, Honorary Head of the Department of the Russian language, Uzbek State University of World Languages. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2934-2333

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514

EDN: TZLLUI

Научная статья

Тувинский текст в аспекте транскulturации

Э.Ф. Шафранская , Г.Т. Гарипова

Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

 shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. Анализируются современные процессы художественной эстетизации и транскulturации тувинского текста в творчестве двух современных авторов — Маадыр-оола Ховалыга, пишущего о Туве на тувинском языке, и Романа Сенчина, репрезентирующего Туву как *genius loci* на русском языке. Постулируется тезис о том, что в произведениях тувинского автора миромодель родного мира фиксируется средствами материнского языка и представляет ино-, этнокультурный текст для русского читателя. В русской прозе Сенчина принцип транскulturации заключен в передаче через родной язык «иногo» этнокультурного сознания автора, когда через различные принципы моделирования «своего мира» и «другого мира» формируется не ориенталистский, а именно транскulturальный образ Тувы в миромоделях «потерянный рай», «сказочный мир», «экзотический мир». Выявлена специфика художественного проектирования тувинского текста в системе междисциплинарной парадигмы эстетических, историософских, этнографических, мифологических коррелятов в творчестве этнически разных писателей. Актуальность исследования обусловлена тем, что транскulturальный подход (концептуальный для представленной статьи) в изучении любой национальной литературы в системе парадигмы «русская литература и литературы народов России» позволяет снять большинство противоречий в этнической идентификации литературного этоса, писателя и собственно отдельного произведения. Понимание этнокультурной и транскulturальной литератур как историко-культурных феноменов дает возможность находить их проявления в совершенно разнонаправленных авторских художественных моделях тувинского текста.

Ключевые слова: ино-, этнокультурный текст, мифопоэтика, Маадыр-оол Ховалыг, Роман Сенчин, тувинская литература, постколониальная рецепция, транскulturальная литература

История статьи: поступила в редакцию 14.02.2023; принята к печати 14.06.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвильность и транскulturальные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 497–514. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-497-514>

© Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Tuvan Text in the Aspect of Transculturation

Eleonora F. Shafranskaya , Gulchira T. Garipova

Moscow City University,
bldg. 1, 4, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation
 shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The article analyzes the modern processes of artistic aestheticization and transculturation of the Tuvan text in the works of two modern authors: Maadyr-ool Khovalyg, who writes about Tuva in Tuvan, and Roman Senchin, who represents Tuva as *genius loci* in Russian. The authors of the article postulate the thesis about the fixation of the micromodels of the native world in the works of the Tuvan author by means of the mother tongue, which is a foreign-cultural text for the Russian reader. In the Russian prose written by Senchin, the principle of transculturation consists in the transfer through the native language of the “other” ethno-cultural consciousness of the author, when through various principles of modeling “his own world” and “another world”, not an orientalist, but a transcultural image of Tuva is formed in the world models “paradise lost”, “fairy-tale world”, “exotic world”. The authors of the article seek to identify the specifics of the artistic design of the Tuvan text in the system of an interdisciplinary paradigm of aesthetic, historiosophical, ethnographic, mythological correlates in the works of ethnically different writers. The relevance of the research is due to the fact that the transcultural approach (conceptual for the presented article) in the study of any national literature in the paradigm system “Russian literature and the literature of the peoples of Russia”. This approach makes it possible to remove most of the contradictions in the ethnic identification of the literary ethos, the writer and the individual work itself. The understanding of ethnocultural and transcultural literature as historical and cultural phenomena makes it possible to find their manifestations in completely multidirectional author’s artistic models of the Tuvan text.

Key words: foreign ethno-cultural text, mythopoetics, Maadyr-ool Khovalyg, Roman Senchin, Tuvan literature, postcolonial reception, transcultural literature

Article history: received 14.03.2023; accepted 14.06.2023

Conflict of interests: none

For citation: Shafranskaya, E.F., and G.T. Garipova. 2023. “The Tuvan Text in the Aspect of Transculturation”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 497–514. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-497-514>

Введение

В современном литературном процессе наметилась тенденция транскультурной литературы, к которой принадлежит новое поколение писателей, чьи авторские художественные модели мира находятся на стыке разных культурных локусов, этносов и этосов и выступают как носители полиэтнических культурных ценностей. Языковое сознание транскультурного писателя

определено не монолингвальной системой, а неким гибридным языком, что обусловлено национальной и ино-, этнокультурной полидомностью писателя. Его этническая самоидентификация предопределяется транскультурной эстетикой, отражающей не только эстетические трансформации его творчества, но и экзистенциальный кризис.

Транскультурные авторы занимают пограничную, промежуточную позицию между этносами, традициями, локусами; это писатели, пишущие на разных языках и происходящие изначально из разных культур (см.: [1]).

При исследовании тувинского текста мы сталкиваемся с разными форматами его эстетической и языковой презентации, часто не связанными с собственно национальной принадлежностью автора. Кто бы ни создавал тувинский текст словесности — пришлые ли, коренные ли — этот текст адресован внешнему миру, не тувинскому. Рассказать, поведать миру об экзистенциальных и повседневных проблемах тувинской земли и людей — именно этот вектор тувинского текста встраивает повествования о Туве в массив транскультурной литературы. И это не только писатели-тувинцы, знающие жизнь Тувы изнутри (с ее социальными и историко-травматическими проблемами), но и те, которые соотносятся с метрополией (в частности, Роман Сенчин).

Цель исследования — определить специфику художественной транскulturации тувинского текста: различные варианты его функционирования в современной литературе, фольклорно-мифологические и этнографические черты тувинского текста. В ходе исследования мы попытаемся осветить проблему: можно ли считать транскультурным произведение, написанное русским писателем (этнически и культурно) на русском языке о Туве и тувинском народе в системе бинарной парадигмы «тувинский мир — русский мир», включающей в себя как отношения оппозиции, так и соположения этносов.

Результаты и обсуждение

Ино-, этнокультурный текст

Тувинская литература становится частью метатекста, например, в российском пространстве, посредством перевода. В аспекте транскультурной проблематики нас интересует та литература, в поэтике которой присутствует ино-, этнокультурный текст. Этим параметрам отвечает проза Маадыр-оола Ховалыга, опубликованная в российских «толстых» журналах («Дружба народов», «Сибирские огни»).

Ино-, этнокультурный текст — описание другой жизни, другой культуры и других героев по отношению к языку описания. В тувиноязычных текстах Ховалыга в качестве ино-, этнокультурного текста выступает оппозиция

«тувинцы — русские», что исторически оправдано, так как «русский мир» входит в жизнь тувинцев начиная с 1940-х гг. Этот исторический период, вплоть до распада СССР, присутствует фоном в повести «Богач в лохмотьях». Все фазы истории представлены рецептивными высказываниями персонажей или повествователем — об отношении к политике советского правительства и руководящей партии.

Так, первая фаза — хрущевская эпоха, с ее алогичными, с точки зрения тувинцев, указами о запрете частного скотоводства, а оно — исконное занятие тувинцев.

Следующая фаза — «афганская война», которая приходит к главному герою со страницы скомканной газеты: «Внизу под снимком было написано, что в стране Афганистан советские войска ведут успешные бои...»¹.

Далее — развал страны: «все изменилось, нет больше партии... Президент Ельцин сверг коммунистическую партию!»².

Повседневные черты быта тувинцев раскрыты в сопоставлении с культурой русских: тувинцев заставили разобрать и сжечь войлочные юрты³ как пережиток прошлого; переселили в деревянные дома; вынудили надеть «русскую одежду» вместо овчинной тувинской — «В ней зимним утром на хиусе будто голый. Дети, наверное, из-за этого и стали болеть неизвестными хворьями»⁴. Так обозначено вмешательство «русского мира» в быт и устои тувинцев, разрушение органичного этнического мира. Задолго до изображенных событий императрица Екатерина II, объезжая свои владения, сетовала: «В городе здесь население состоит из двадцати различных народностей, совсем не похожих друг на друга. А между тем необходимо сшить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем» [3. С. 22] — стирание культурных различий началось много раньше XX в.

Однако повествователь, противопоставляя две культуры, не упрощает эту оппозицию. Скорее, оппозиция принимает социальный характер: по одну сторону с командным «русским миром» стоят и местные чиновники — все они образуют социальный слой даргаларов, начальников. А простые русские рабочие вызывают у Самдара, главного героя повести, отклик и одобрение: «Парни, выросшие под колыбельную в далеких краях с березовыми рощами, не переставали удивляться, что рядом с ними живет совсем иной мир»⁵. Русских рабочих, впервые вошедших в тувинскую юрту, удивляло все: «решетки, жерди, деревянный обруч», «стеганный ковер», «сундуки», отсутствие комнат, они безостановочно спрашивали хозяина: где берут воду, продукты, где кухня, где

¹ Ховалыг М. Богач в лохмотьях: повесть / пер. с тувинского И. Принцева // Сибирские огни. 2012. № 12. С. 140.

² Там же. С. 142–143.

³ Юрта не просто деталь быта, это концепт тувинской культуры [2. С. 16].

⁴ Ховалыг М. Богач в лохмотьях... С. 126.

⁵ Там же. С. 131.

спальня. Впечатленные невиданным бытом, русские гости искренне вызвались помочь хозяину юрты, обещая привезти и воду, и все, что необходимо для нормальной, с их точки зрения, жизни. «Я-то думал, что они болтают спяну, а они, хоть и русские, лучше всяких тувинцев держат слово»⁶, — в свою очередь удивлен хозяин юрты Самдар (значима уступительная конструкция — «хоть и русские»), характеризующая межэтнические отношения тувинцев и русских).

Этот вектор — взаимодействие двух культур (не добровольное, а вынужденное) вписывается в постколониальную рецепцию современного дискурса, зародившегося задолго до собственно постколониальной эпохи. Историк Роберт Джераси, анализируя вхождение побежденного и сломленного Казанского ханства в российское государство, пишет, что Казань «играла очень важную роль в идеологии и „технологии“ культурной интеграции огромной части империи» [З. С. 5], именно здесь отрабатывались те приемы и средства, которые будут задействованы в колонизации последующих территорий, в частности Туркестанского края (XIX и XX вв.) и Тувы (XX в.).

Писатель, известный как создатель дилогии о Ходже Насреддине, Леонид Соловьёв в своих ранних текстах 1930-х гг. пытается осмыслить внедрение русского мира в картину среднеазиатских кочевых народов. Сама парадигма осмысления и изображения далеких событий начала XX в. схожа с тувинской историей. Исторический фрагмент русской колонизации отражен в повести Л.В. Соловьёва «Кочевье» (1932), в ней явно прослеживаются две фазы колонизации центральноазиатского региона — Российской империей и большевистской властью.

Поэтика повествования Соловьёва в этом произведении обнаруживает сходство с повестью Ховалыга «Богач в лохмотьях». В обоих произведениях травматические события истории протекают на фоне ритмизованной жизни природы. В повести Соловьёва жизнь кочевников встроена в природные процессы — писатель каждой новой главой отбивает движение и ритм времени: «Зимние вечера в степи долги и скучны...»⁷, «Зима пролетела быстро и незаметно»⁸, «На кустах наметились почки...»⁹, «Наступил веселый летний праздник Курбан»¹⁰ и т. д.

У Ховалыга аналогично: «Прошло жаркое, душное лето», «Когда на хребты выпал первый тонкий снег...», «Годы пролетели, как клинья журавлей над хребтами...», «Как бы ни бесновалась природа, он не вздрагивал и не роптал...», «Каждой весной...»¹¹.

⁶ Там же. С. 132.

⁷ Соловьёв Л.В. Кочевье: повесть // Л.В. Соловьёв. Собр. соч.: в 5 т. М.: Книгобек, 2010. Т. 3. С. 207.

⁸ Там же. С. 250.

⁹ Там же. С. 273.

¹⁰ Там же. С. 287.

¹¹ Ховалыг М. Богач в лохмотьях... С. 132–136.

В повести «Кочевье», так же как и в повести «Богач в лохмотьях», сюжет разворачивается на фоне исторических событий — это первые десятилетия XX в., которые эхом отзываются в жизни кочевников: начало Первой мировой войны, бунты населения Туркестанского края против мобилизации, революция, Гражданская война (см.: [4]).

В соловьёвском «Кочевье» от «русского мира» зависит вся повседневная жизнь кочевников, которые пришлых завоевателей не любят, но боятся, они — власть: «Кругом обман и подкуп, русские отняли волю, землю, да еще в солдаты хотят брать!»¹². Посредством несобственно-прямой речи повествователь воспроизводит антирусский настрой кочевников: лучшие земли отняты, сами киргизы оттеснены к горам, на каменистые почвы; обращение в суд ничего не дало — суд русский; налогом обложили все: зимние становища, летние пастбища, прогон скота, угон скота, покупка, продажа, и, наконец, ввели налог на войну¹³. На смену царской власти приходят большевики, они пытаются склонить кочевников на свою сторону. Для этой цели один из них сочиняет сказку о «толстом и тощем», пытаясь иносказательно внушить кара-багишцам все преимущества сотрудничества с большевиками. Однако пропагандистская работа красного командира не увенчалась успехом, кочевники говорят: «...русские хоть и прогнали своего царя, но мусульманам не было легче: новые русские начальники работали плетью еще хлеще старых»¹⁴.

Мир кара-багишцев разрушен — по вине ли царской власти, по вине ли большевистской. Племя кара-багиш погибло, рассеялось: часть соединилась с басмачами, часть — с большевиками, умножив жертвы братоубийственной войны, только в степных преданиях сохранилось само имя кара-багиш.

Точно по такой же «методике» рушились частные тувинские хозяйства, изображенные в повести Ховалыга «Богач в лохмотьях»: изымался скот, уничтожалось исконное занятие тувинцев, трансформировался быт: «...хорошо мы раньше жили ... А сейчас, ты прав, скотом заниматься опасно»¹⁵. Сходство очевидно: новая власть уничтожила органичный мир хозяев своей земли — времена, изображенные Л. Соловьёвым и М. Ховалыгом, разные, способы разрушения жизни колонизированных народов одинаковые.

Подобная рецепция соловьёвского «Кочевья» становится очевидной только в XXI в., с его практиками постколониальных штудий; история тувинских перипетий в современной повести Ховалыга «Богач в лохмотьях» интеллектуально отвечает нынешнему аналитическому дискурсу — как в художественных текстах, так и в исследовательских. Ракурс изображенных событий в повести тувинского писателя вписывается в парадигму постколониального дискурса, в один из его аспектов — ино-, этнокультурный текст, в частности,

¹² Соловьёв Л.В. Кочевье... С. 202.

¹³ Там же. С. 208–209.

¹⁴ Там же. С. 321.

¹⁵ Ховалыг М. Богач в лохмотьях... С. 127.

сюжет повести «Богач в лохмотьях» строится на историческом взаимодействии метрополии и колониальной окраины, на переосмыслении недавних основ советской картины мира, пришедших в противоречие с реальностью.

Мифопоэтика: от эпоса и ритуалов к литературе

Заглавие повести «Богач в лохмотьях» можно считать инскриптом, согласно теории С. Кржижановского, классифицировавшего заглавия на антескрипты, инскрипты и постскрипты [5]. Инскрипторное заглавие окончательно оформляется в процессе развития сюжета; раз возникнув внутри текста, оно «начинает, в свою очередь, перерождать текстовую ткань...» [5. С. 23]. Другими словами, знакомясь с заглавием, первой позицией текста, читатель, озадаченный алогичной номинацией, по ходу чтения наполняет ее слоями смыслов.

Богач в лохмотьях — это главный герой повести Самдар. Один из семантических слоев заглавия ведет в сказочный нарратив: архетип образа Самдара родом из тувинского фольклора. Самдар — образцовый скотовод, хозяин дома, глава семьи, живущий без показухи, своим трудом, любовью к своей земле. Не случайно подробно выписана фигура Самдара:

Парни, увидев его оголенное до пояса тело, широко раскрыли от удивления глаза цвета неба. Спрятанное под рваной, душной одеждой тело Самдара было цвета бронзовой коры лиственничного леса, грудь широкой, как сундук, мускулы возле сосков образовали квадраты, а толщина запястий с перекатывающимися на предплечьях мускулами была никак не меньше, чем у самого здорового из русских парней. Он, присев, начал разжигать огонь, и круглые мускулы на плечах заиграли, словно раздуваемые пузыри, а когда он ставил котел на железную печку и наливал в него воду из ведра, мышцы спины выступили как гребень, хребтом¹⁶.

В завязке действия Самдар предстает как лохматый старик, в облезлой куртке, залатанных штанах, с разной обувью на ногах — кирзовым и резиновым сапогами, словом, экзотической фигурой, вызвавшей адекватную реакцию у русских рабочих: «Эй, старик! Мы тут строим ТЭЦ, тут не музей!»¹⁷; впоследствии те же рабочие были поражены, как они ошибались. Старик оказался богатырем и совсем не старым — не случайно повествователь так детально описывает мускулатуру Самдара. Его внешний облик поражает окружающих не меньше, чем его поступки. Когда случился трагический инцидент — разбился насмерть молодой рабочий, Самдар привез на телеге два мешка — с тушей барана и канистрой араки. «Мы, тувинцы, когда человек умирает, выражаем соболезнования... Человек, появившись на этот свет, сам не зная, устраивает для родных и знакомых два тоя: при рождении и после

¹⁶ Там же. С. 130–131.

¹⁷ Там же. С. 129.

ухода на тот свет»¹⁸. По Геннепу, происходит «принудительный акт: принять от какого-либо человека подарок значит связать себя с ним» [6. С. 32]. Подобное архаическое подношение, или потлач, — знак внимания, хотя и в добровольной форме, но строго обязательный, уклонение от него сулит наказание и распри [7. С. 89]. Так происходит «этап сближения между чужеземцами и туземцами» [6. С. 31], не говоря о взаимной трапезе, которая тоже служит обрядом перехода к сближению.

Герой тувинской сказки Хан-Хулюк проходит длинную череду испытаний, несущих неминуемую смерть. Выйдя из каждого испытания победителем, Хан-Хулюк «на холме поставил юрту, а в ровной степи пас скот»¹⁹. Именно так складывается и судьба Самдара: притесняемый бесконечными постановлениями «партии и правительства», в один из дней Самдар снимается с места вместе с женой, хозяйством, юртой и уходит туда, где, казалось бы, будет недоступен даргаларам.

Сказочный богатырь Хан-Хулюк так же отзывчив, как и Самдар, — его мотивирует выполнить ряд поручений, сопряженных с опасностью, любовь к единственной сестре и желание спасти ее от «смертельной хвори».

Таким образом, «богач» из заглавия повести — это не только несметное количество скота в хозяйстве Самдара, но и его четко выраженные моральные устои. Это его органическая связь с природой, ее циклами-сезонами, его чуткое отношение к животным, которых он понимает, как своих детей: он отказывается от подаренной новой одежды взамен его «лохмотьев», он понимает, что новая одежда своими непривычными запахами растревожит животных, нарушит их мир. К слову, Ч.К. Ламажаа ссылается на современные исследования о культуре животных, их способность «усваивать и передавать поведение посредством процессов социального или культурного обучения» [2. С. 12].

Не так просто изменить органику человека (то, что нынче принято называть этническим культурным кодом). Сильный духом и телом, Самдар не прогибается под новой властью, то кнутом, то пряником пытающейся его подчинить и сломить. Когда он почувствовал, что победил (а он «победил в этой беспощадной схватке ... На этом свете он свою миссию выполнил!»²⁰) и что подошел его срок, он — и в этом тоже его сила — уходит. Этот миг ухода, или перехода, по Геннепу, материализован в тексте деталью — скалой: «Он устало закрыл глаза и сел у скалы»²¹. Самдар уходит так, как велит народная мудрость тувинцев: «„Мужчина рождается в юрте, умирает у скалы“, — сказано мудрыми предками... Растворишься, никого не беспокоя, и тебе самому блаженство. Все тело Самдара будто онемело, и он под неслышную

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ Песни тайги: тувинские народные сказки / сост. З. Самдан. М.: Фонд Марджани, 2017. С. 75.

²⁰ Ховалыг М. Богач в лохмотьях... С. 144.

²¹ Там же.

мелодию, собрав все свои мысли, исчез во Вселенной, которая часто слышала его горловое пение»²². Мы не станем давать оценку решению Самдара уйти из жизни. В мировом контексте ученые выделяют как минимум четыре категории самоубийц (см.: [6. С. 147]), в одну из них вписывается поступок героя Ховалыга — это «самоубийство (например, война, вдовы и т.д.), которое вознаграждается в ином мире» [6. С. 147]. Архетип ухода Самдара соответствует мифологическому алгоритму: нет похоронного ритуала, нет смерти, герой вернется в ином воплощении.

Автор повести не обращается к эпическим истокам своего персонажа, не акцентирует архетипические ритуальные действия, однако при аналитическом подходе они неминуемо считываются из метатекста общечеловеческой культуры.

«Поле чудес» — постколониальная фаза в литературе

Если в повести «Богач в лохмотьях» исторический событийный ряд завершается распадом СССР, то рассказ «Поле чудес» М. Ховалыга видится продолжением этого ряда — наступившая экстремальная реальность рубежа веков, собственно постколониальная фаза (см.: [8; 9]). Заглавие рассказа «Поле чудес» — в виде прецедентного текста — весьма распространенный бренд постсоветской эпохи: магазины, жилые кварталы, коммерческие акции называют этим «топонимом» из сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Заглавие выполняет функцию метафоры-интриги, которая декодируется читателем в ходе повествования. Поле Чудес в рассказе — это реальное поле, и оно тоже «волшебное», как и в толстовской Стране Дураков, только зарывать в него монетки не нужно, это конопляное поле, которое обнищавшим жителям Кызыла дает последнюю надежду: можно собрать конопляную пыльцу, сдать кому следует, получить деньги и купить детям еду, одежду, тетради, отремонтировать детский сад. Среди нужд своих персонажей автор выделяет именно такие, которые связаны с детьми, отражая один из концептов тувинской культуры (см.: [10]). Да и сама героиня рассказа Айдысмаа, выпускница агроуниверситета, не имеет обуви, ходит в тапках — купить не на что.

Конопля — деталь, движущая развитие сюжета, она имеет амбивалентное значение как в реальности, так и в сюжете рассказа. Айдысмаа посредством несобственно-прямой речи рассуждает о свойствах конопли, которые она изучала в университете: где и в каких условиях растет, как сеять, как следить за урожаем, сырьем для каких тканей является, как производится конопляное масло; а дикорастущая конопля — еще и сырье для гашиша. Эта амбивалентность конопли проецирует амбивалентность реальности, представленной

²² Там же.

в сюжете: университетский диплом — путевка в нищенскую жизнь, а если не в нее — то в карательные органы. Ее сокурсник, тоже агроном, гоняется по ночам за горожанами, вышедшими в поле. «Мы, менты...»²³ — говорит он. «Кому сейчас нужны агрономы... Мы же больше не сеем хлеб»²⁴. «Нет у меня работы, Алик. Последнюю корову с теленком у матери увели скотокрады в прошлом месяце»²⁵, — отвечает милиционеру Айдысмаа. На вопрос молодой женщины, будет ли он стрелять в своих знакомых и соседей, милиционер отвечает словами, которые можно читать в разных регистрах:

Ты же знаешь, Айдысмаа, наш неписанный закон: возрождать прежние традиции, укреплять родственные связи. У нас, у тувинцев, родственные связи так крепки, что мы не оставим обездоленной ни одну сироту: всем миром и свадьбу справим, и в последний путь проводим²⁶.

Милиционер, скорее, отвечает в тональности циркуляров, постановлений, указов, спущенных сверху. Однако авторская тональность наполнена сарказмом: прежние традиции уничтожены, нет ни скотоводов, ни хлеборобов — ничего «традиционного» не осталось, все выкорчевано, снивелировано, опустошено. Люди идут на «поле чудес», потому что им некуда больше идти. А власть, которая могла бы помочь своим согражданам, выглядит одинаково на каждом историческом этапе: в повести «Богач в лохмотьях» — «У всех животы были как у беременной женщины, на шеях — галстуки, и один из них, с золотыми погонами и широким, как бычья лопатка, лицом, был генералом»²⁷, в рассказе «Поле чудес» — «А там два моих начальника спят... Сейчас не только у нас, везде так, Айдысмаа. Любой пробивается к власти. А как пройдут, после них хоть потоп»²⁸.

Собственно, только два этих сюжета М. Ховалыга вполне выступают постколониальным срезом всеобщей картины постсоветских окраин. Подводя итог анализу рассказа «Поле чудес» М. Ховалыга, употребим перекликающийся с заглавием еще один прецедентный текст из другой сказки — «остаться у разбитого корыта»: все начинания, якобы «цивилизаторские практики», исходящие из метрополии, по сути, разрушили исконный уклад тувинской жизни. Аналогично этот процесс разрушения колониальных окраин изображен и в других текстах современной литературы (например, «Глиняные буквы, плывущие яблоки», «Остров Возрождения» Сухбата Афлатуни). Потеря этнических истоков по сути

²³ Ховалыг М. Поле чудес: Рассказ / пер. с тувинского М. Кыргыс // Дружба народов. 2006. № 10. С. 62.

²⁴ Там же. С. 60.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 61.

²⁷ Ховалыг М. Богач в лохмотьях... С. 141.

²⁸ Ховалыг М. Поле чудес... С. 60–61.

означает то же, что и утрата алфавита. Разыскать буквы (читай: культуру, исконные роды деятельности и проч.) — значит вернуться к своей истории, культуре, которые были подменены в XX столетии «русскоязычием» во всех нишах существования, а оно привело к стагнации и эсхатологическому финалу. Восстановить утраченное — такова траектория развития, наглядно иллюстрируемая мифологическим спиралевидным вектором, с одной стороны. С другой — восстанавливать необходимо, этот процесс знаменует практики работы с горем, которое необходимо «выпрямлять»: культурная память — это многожанровый и многовидовой корпус, «от мемуаров до мемориалов, от трудов по истории до исторических романов, от семейных альбомов до музеев и архивов, от народных песен до фильмов и Интернета» [11. С. 63–64], чем и занимается тувинский писатель Маадыр-оол Ховалыг, создав рассмотренные нами повесть и рассказ как срезы культурной памяти Тувы.

Тувинский текст в прозе русского писателя Р. Сенчина

Тувинский текст достаточно ярко представлен и в творчестве русских писателей, пишущих на русском языке. Репрезентация Тувы в русской литературе полифонична и организует несколько линий в своем развитии. На наш взгляд, интересны две: Тува как локальный текст иной культуры и/или другой модели мира; Тува как *genius loci*, организующий личный миф, соотносимый с экзистенциализацией «внутренней миграции».

Русский писатель, родившийся и выросший в ино-, этнической среде, с иными языком и культурой, часто в своей творческой системе создает особую личную мифологию (термин Стенли Криппнер), связанную с историей и культурой *другого, чужого*, но ощущаемого родным (хотя бы по принципу природного сознания и самоосознания) этноса и места. Такова Тува. Обладая знанием о чужом, *неродном* народе, полученным изнутри, из опыта совместного проживания, писатель способен говорить голосом тувинца. Это не ориентальный вектор, имеющий в русской литературе давнюю традицию, а именно транскультурный.

Мифологическое сознание тувинцев содержит целый ряд полиэтнических мифологем, культурологем, историософем, которые феноменологически становятся конгениальными не только современной художественной эсхатологии тувинских писателей, но и русских. Каждый из них по-новому выстраивает художественную картину в системе оппозиции «тувинский мир — русский мир», формируя разные модели транскультурации.

Так, для писателя Романа Сенчина тувинский текст выглядит сквозным для целого ряда его произведений с выраженным биографическим контекстом, определяется национальной картиной мира тувинского народа именно в советский и постсоветский периоды развития и детерминирует авторские

стратегии транскulturации, позиционируемые в метатексте писателя во внешнем историософском, социокультурном и внутреннем экзистенциальном измерениях. В тувинском тексте Сенчина повествователь проецирует свое экзистенциальное поле через историософскую аналитику соположенности и оппозиционности двух миров — родного тувинского (писатель родился и вырос в Кызыле, столице Тувы) и родового русского. Принцип осознания повествователем (биографического alter ego) себя «русским тувинцем», обретающим экзистенциальную целостность в системе двух национальных миров, позволяет говорить об особом случае не языковой, а мировоззренческой транскulturации. Сенчин, сохраняя свое генетическое национальное самосознание, выражает культурное сознание иного (ставшего родным) — тувинского народа — средствами русского языка. Подобный транскulturальный полилог становится способом сакрализации «внутренней Тувы», метафорически соотносимой с образом «потерянного рая». Особенно ярко такая экзистенциализация тувинского мира как художественного способа эго-интеграции народной мифологии и личного мифа характерна для очерка «Тува» (в ряде изданий — «Моя Тува»). А в романе «Дождь в Париже» такая транскulturация содержит историософский элемент. Личный миф повествователя о потерянном «тувинском рае» становится уже принципом построения художественной историософии искусственного полиэтнического мира, в котором национальное самосознание двух соживущих этносов (русских и тувинцев) определяется социокультурным антагонизмом, приводящим к эсхатологии тувинского народа и экзистенциальному кризису русского героя, которому просто необходимо периодически «мигрировать» из реального внешнего «русского мира» во внутренний «тувинский рай». Тема памяти разворачивается Сенчиным именно как спасительное бегство в прошлое, ассоциированное именно с Тувой:

Тянет к себе малая родина. (Многих, знаю, родившихся в Туве или хотя бы раз там побывавших, она к себе тянет.) И будто тяжелые, вымывающие силы волны, накатывают воспоминания. Тогда я послушно ложусь на диван и вспоминаю, гуляя в воображении по улицам Кызыла, столицы Тувы, сижу на берегу Енисея, бегаю по степи, гонясь за сусликами... Много с чем связана для меня Тува, но память удерживает не все...»²⁹.

«Внутренняя Тува» как способ экзистенциализации «потерянного рая»

Художественно-публицистический очерк Сенчина передает мифическое сознание древней Тувы и ее историческое настоящее, ставшее генетическим кодом русского писателя. Если современными тувинскими писателями все чаще изображается эсхатологический образ Тувы (колониального прошлого и постколониального настоящего), который репрезентируется изнутри

²⁹ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами. М.: АСТ, 2022. С. 61.

ее национального (условно экзистенциального) сознания, то в очерке Сенчина Тува складывается в некий личный «биографический» миф писателя о «потерянном рае», который антитетичен эсхатологическому образу русского (московского) мира. Закрытый московский мир с разрушенными семейными традициями, с закованной в камни природой («От того, чтобы не захлебнуться в городской круговерти, спасает близость Коломенского парка... И вспоминаю Туву — землю, где родился и жил до двадцати двух лет»³⁰), противопоставлен миру Тувы как открытому природному лону бытия, способного возродить человека каменных городов-миров, в том числе героя-рассказчика. Мессианская роль тувинского природного «чужого» мирообраза разворачивается Сенчиным как родовая предначертанность именно для него и его семьи. Художественная линия «Тувы» Сенчина коррелирует с публицистической, в большей степени связанной с историческими реалиями всех катастрофических событий XX в. (колонизация Урянхайского края, гражданская война, Афганистан, распад СССР и др.), связавших в единой экзистенциальной катастрофе русский и тувинский народы. Энтропия советского периода разворачивается Сенчиным на материале целого народа и отдельных личностей, что усугубляет ощущение трагизма судьбы каждого отдельного тувинца. Писатель вписывает в рамки своего личного «тувинского рая» всю сложнейшую историю Тувы и ее народа и тем самым акцентирует не просто общность судеб русских и тувинцев, а их слиянность. Встраивание в биографическое поле «русской семьи» тувинской картины мира формирует художественный транскультурный феномен. Повествователь становится нарратором распада историософского мифа о «счастливой советской Туве». Тоска героя по личному потерянному «тувинскому раю» начинает осмысляться как экзистенциальная тоска всего народа по «потерянному раю», но не советского, а исконного доколониального времени.

Очерк Сенчина не только и не столько о попытке — посредством бегства в память — обрести в себе Туву как *genius loci* экзистенциального возрождения, сколько об истории «внутренней Тувы», которая выглядит как метафорическая идея разрушенного «личного мира» всего народа. Стилистика ностальгирующих воспоминаний и исповедальная нарративная стратегия, наложенные на очерковую форму публицистического описания истории тувинского края, дают возможность рассматривать каждую личную историю героев очерка как срез понимания исторической вехи Тувы в целом. Важнейшую роль играет, например, история о быте и бытии староверов, об отшельниках Лыковых, которые понимаются не как борьба нового и старого, а как агоническое сопротивление каждого и всех живущих в Туве процессам разрушения исконного природного и при этом мифологического тувинского мира.

³⁰ Там же. С. 60–61.

Своя «чужая действительность» тувинского текста в русской литературе

При анализе тувинского текста Сенчина важно учитывать феномен русской транскulturации. Так, например, У.М. Бахтикерева подчеркивает, что «национальная культура, воплощенная в народной поэзии, на границе с другим семиотическим миром (русской культурой), стала частью целого и усваивала внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру ... Тексты же русских писателей, в которых описываются образы других культур на русском языке, являются неотъемлемой частью русской культуры, поскольку в них выделяется „специальная сфера иначе организованная“, чем в текстах русскоязычных национальных писателей, отображающих свою культуру на русском языке. Они в определенной мере составляют информационный резерв русской культуры, становятся ядром духовно-культурной экзистенции народа, поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой» [12. С. 223].

В романе «Дождь в Париже» Сенчин продолжает тему бегства во «внутреннюю миграцию» и выстраивает тувинский текст как медиатор нескольких фрактальных хронотопов-оппозиций: «Париж — Россия», «Россия — Тува», «Тува — Эстония», «Тува — Париж».

И.Б. Ничипоров считает, что в романе «„рубежное“ самоощущение центрального персонажа, которому „в прошлом августе... исполнилось сорок лет“, задает тон ретроспективно направленному романному повествованию, его рефлексии о непрочности семейных привязанностей, о „рассеченности“ собственной истории несхожими и „враждующими“ между собой пространствами» [13. С. 617].

«Дождь в Париже» разворачивает все тот же метаобраз «потерянного рая», соотносимый с тувинским текстом. Именно в национальных кодах тувинского мирообраза, истории, мифологии обнаруживаются ответы на экзистенциальные вопросы, которые встали перед человеком XX в., — в мощнейших природных ценностях тувинского народа повествователь видит альтернативу современной русской и европейской эсхатологии, которая и приводит человека к экзистенциальному кризису самоидентичности: «Топкин уговаривал пропустить своих гостей-тувинцев, сделать исключение. „Они русские тувинцы“, — заверял»³¹.

Поэтому так важна обращенность автора к культуре европейской, олицетворением которой стал Париж и его достопримечательности, и тувинской. Сенчин описывает древние тувинские обрядовые праздники, в которых, казалось бы, сохранена память об истоках народа, его душа. Но картина древних метафизических духовных обрядов в музыкально-фестивальном исполнении современных ламаистов разрушает их сакральную суть и предстает как энтропия «тувинского мира» в советских и постсоветских реалиях. Изображенные

³¹ Сенчин Р.В. Дождь в Париже: Роман. М.: АСТ, 2020. С. 11.

Сенчиным шаманские медитации по советской схеме — это метафора остановившегося времени (см. подробно: [14]). Экзистенциальная трагедия героя представлена Сенчиным как метафорический образ распада древнего мира — потерянный «тувинский рай» нельзя возродить. Станным образом выстраданная идея возвращения героя из Парижа домой, в Туву, мыслится писателем как возможное возрождение «русского тувинца». В этом новом целостном мирообразе, представляющем ментальную, сознательную транскulturацию, реализован авторский принцип построения художественной модели бытия нового героя эпохи постколониальной идентичности — «культурного метиса» [15].

Именно тувинский текст позволяет обнаружить в прозе Сенчина метасознание, понимаемое как «собранную из локусов его жизнепребывания, сращенную временем целостность, или она же, но распавшаяся на мириады осколков, метафорически отмеченных в географии его местопребывания» [16. С. 73].

Идеологическое насилие над историей народов (в том числе русского и тувинского), искусственно включенных в «общую семью», привело к потоку не только внешних мигрантов, но и внутренних «чужих среди своих», истории бегства которых есть единственный пока способ воскрешения героя и мира распавшейся советской империи. Писателя можно отнести к транскультурной литературной традиции в силу наличия в ряде его произведений, в частности, в романе «Дождь в Париже», ярко выраженного транснационального мышления. Оно проявляется в гибридной системе смысловых кодов из этнических культурных систем русского и тувинского народов, вписанных в общую историю травматического разрушения принципов национальной самоидентификации. Франц Фанон отмечал, что «каждый народ, в котором вследствие подавления и уничтожения его оригинальной локальной культуры выработался комплекс неполноценности» [17. С. 15], автоматически способствует «капитуляции человека» [17. С. 19].

Заключение

Таким образом, исследование показало, что мифологические, социокультурные, экзистенциальные составляющие «тувинского локуса» по-разному репрезентируются в произведениях тувинских писателей, написанных на материнском языке (в переводе на русский язык) и в текстах русских писателей, в которых транслингвизм усиливает характеристику «чужой Тувы» как «своего мира». Но в обоих случаях Тува остается для писателя природным миром, манящим возможностью вырваться из каменной эсхатологии.

Проанализировав разные формы транскulturации при художественном моделировании тувинского текста, мы можем утверждать, что этот феномен локального текста проявляется в полифоничной системе художественного выражения транс-, этнокультурной модели мира. Ключевыми концептами для идентификации художественной транскulturации, помимо транслингвизма

и ино-, этнокультурной проблематики, несомненно, является особая авторская картина мира. Транскультурный подход к изучению тувинского текста позволяет снять большинство противоречий в идентификации «национальности» литературного этоса, писателя и собственно отдельного произведения. В условиях современного идентификационного кризиса к творчеству подобных авторов применим исключительно транскультурный подход.

Понимание транскультурной литературы как историко-литературного феномена дает возможность находить ее проявления в совершенно неожиданных авторских художественных моделях. Растущий интерес литературоведения к транскультурному опыту, который отражен в художественном творчестве, связан с появлением огромного количества поэтов и прозаиков с мировым признанием, чья писательская идентичность определяется на стыке нескольких культур. Так и тувинский текст, представленный на родном языке национальными писателями и на русском языке в произведениях русских писателей, отражает не только сам факт активного взаимодействия нескольких литератур. В современном литературоведении такой подход определяет одну из самых перспективных исследовательских парадигм.

В современном российском литературном процессе появление новой многоуровневой транскультурной парадигмы определено многими факторами. Один из важнейших — глобальные процессы миграции этнических групп, культур, которыми был охвачен весь XX в. На наш взгляд, русский писатель, пишущий на русском языке, вне зависимости от своей этнической принадлежности, также может являть пример историко-культурной транскультурации в силу особой мульти-, интеркультурной проблематики и художественной модели мира, в которой представлены процессы пограничной литературной трансмиссии языков, стран-этносов, героев.

Список литературы

1. *Женис Н., Кыинова Ж.К.* Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ. 2018. URL: <https://articlekz.com/article/23746> (дата обращения: 20.01.2023).
2. *Ламажаа Ч.К.* Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 6–25. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
3. *Джераси Р.* Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
4. *Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В.* Поэтика ориентализма: повесть Леонида Соловьёва «Кочевье» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение и журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 648–656. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-648-656>
5. *Кржижановский С.Д.* Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931.
6. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. Ю.В. Ивановой, Л.В. Покровской; послесловие Ю.В. Ивановой. М.: Восточная литература, 2002.

7. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с франц. М.: Восточная литература, 1996.
8. Шафранская Э.Ф. Фазы колониального дискурса в русской прозе о Туркестане // Филология и культура. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2017. № 2 (48). С. 218–224.
9. Шафранская Э.Ф. О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 291–306.
10. Ламажаа Ч.К. Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 57–75. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
11. Эткин Д.А.М. Кривое горе: память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
12. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБОиМИ, 2009.
13. Ничипоров И.Б. Из Кызыла в Париж: геопэтика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 616–624. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>
14. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Смирнова А.И. Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 132–142. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.132>
15. Welsch W. Transkulturalitat // Migration und Kultureller Wandel. Institut fur Auslandbeziehungen, 45. Jg. 1995. № 1. Vj. Stuttgart. Pp. 1015–1020.
16. Гарипова Г.Т. Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмаилова // Genius loci в литературе, искусстве, культуре: Сборник научных статей. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 71–86.
17. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022.

References

1. Zhenis, N., Kiynova Zh.K. 2018. Transcultural approach in the framework of the study of national literature // Bulletin of KazNU. Web. URL: <https://articlekz.com/article/23746> (Accessed: 01/20/2023).
2. Lamazhaa, Ch.K. 2023. Concepts of culture: form, idea, social regulation // New researches of Tuva 1: 6–25. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
3. Gerasi, R. 2013. Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia. Moscow: New Literary Review publ. Print. (In Russ.).
4. Shafranskaya, E.F., and T.V. Volokhova. 2020. Poetics of Orientalism: the story of Leonid Solovyov “Nomads”. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 25 (4): 648–656. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-648-656>
5. Krzhizhanovsky, S.D. 1931. Title poetics. Moscow: Nikitinskie subbotniki publ. Print. (In Russ.).
6. Gennep, A. van. 2002. Rites of passage: A systematic study of rites / transl. from French by Yu.V. Ivanova, L.V. Pokrovskaya; last Yu.V. Ivanova. Moscow: Eastern Literature. Print. (In Russ.).
7. Moss, M. 1996. Society. Exchange. Personality: Works on social anthropology / trans. from French. Moscow: Eastern Literature publ. Print. (In Russ.).
8. Shafranskaya, E.F. 2017. Phases of colonial discourse in Russian prose about Turkestan. Philology and Culture 2 (48): 218–224. Print. (In Russ.).
9. Shafranskaya, E.F. 2020. On Russian Orientalism, the “Russian World” in Colonial Literature and Their Rethinking in Postcolonial Literature. New Literary Review 1 (161): 291–306. Print. (In Russ.).
10. Lamazhaa, Ch.K. 2021. Children for Tuvans: attitude changes in socio-cultural transformations. New Research of Tuva 4: 57–75. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

11. Etkind, A.M. 2016. Crooked Mountain: Memory of the Unburied / Authorizations. Translated from English by V. Makarova. Moscow: New Literary Review publ. Print. (In Russ.).
12. Bakhtikireeva, U.M. 2009. Creative bilingual personality (features of the Russian text of the author of Turkic origin). Astana: TsBOiMI publ. Print. (In Russ.).
13. Nichiporov, I.B. 2019. From Kyzyl to Paris: geopoetics of the modern psychological novel (“Rain in Paris” by R. Senchin). RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 24 (4): 616–624. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>
14. Shafranskaya, E.F., Garipova G.T., Smirnova, A.I. 2022. Metaphors of stopped time in modern literature. Philological Sciences. Scientific reports of higher school 4: 132–142. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.132>
15. Welsch, W. 1995. Transkulturalitat. Migration und Kultureller Wandel. Institut für Auslandsbeziehungen, 45. Jg. 1995. No. 1. Vj. Stuttgart. Rp. 1015–1020.
16. Garipova, G.T. 2018. Moscow Calendar: “The Collection of the Refined” and the Space of London in Khamid Ismailov’s Metaconsciousness. In Genius loci in Literature, Art, Culture: Collection of Scientific Articles. St. Petersburg: Svoiyo publishing house. Print. (In Russ.).
17. Fanon, F. 2022. Black skin, white masks. Moscow: Garage Museum of Contemporary Art publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет. E-mail: shafranskayaef@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4462-5710; eLibrary SPIN 5340–6268

Гарипова Гульчира Талгатовна — доктор филологических наук, профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7675-2570; eLibrary SPIN-code 1926–8676

Bio Notes:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Moscow City Pedagogical University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4462-5710; eLibrary SPIN-code 5340–6268

Gulchira T. Garipova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Moscow City Pedagogical University. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7675-2570; eLibrary SPIN-code 1926–8676

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-515-523

EDN: TADBFH

Research Article

Writer's Bilingualism and Biculturalism: Nicholas Kotar's Mythopoetic Literary Works

Sofiya Mariya V. Tchomodanova

*Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ Sophie.t3@gmail.com

Abstract. This article examines the matter of bilingualism and biculturalism of bilingual authors analyzing the literary work of Nicholas Kotar, an American bilingual writer who is a descendant of the first-wave of Russian émigrés. The relevance of this topic stems from a growing interest among scholars of bilingual studies in researching the features of bilingual writers who efficiently use two languages and two cultures to create literary images and express their ideas, leading to translanguaging and transculturalism in their work. The article analyzes how bilingualism and biculturalism of Nicholas Kotar, a heritage language speaker of Russian, reflect in his English-language literary works, using research methods of comparative, cultural and translational interpretation. In the novels from the Raven Son series *The Song of the Sirin*, *The Heart of the World*, *The Throne of the Gods*, *The Son of the Deathless*, Nicholas Kotar conveys elements of Russian folklore to English-speaking readers by mythopoesis. The analysis of the literary text provides results, revealing that samples of Nicholas Kotar's English-language creativity emerge in the process of hybridization and syncretism through the mythopoetic transformation of Russian folklore and linguaculture. Nicholas Kotar's novels contain many lexical and cultural borrowings, exotisms (Slavicisms), sayings from Russian fairy tales, as well as allusions pertaining to Russian linguaculture. Thus, incorporating elements of Russian fairy tales and other folklore genres enables the translanguaging and transcultural writer to familiarize English-speaking readers with elements of Slavic linguaculture through the combination and hybridization of English and Russian literary traditions in mythopoetic literature.

Key words: bilingualism, bilingual writer, heritage language speaker of Russian, linguaculture, syncretism, transcultural literature, mythopoetic literature

Article history: received 14.03.2023; accepted 14.06.2023

Conflict of interests: none

For citation: Tchomodanova, S.M.V. 2023. "Writer's Bilingualism and Biculturalism: Nicholas Kotar's Mythopoetic Literary Works". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 515–523. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-515-523>

© Чемо́данова С.М.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Билингвизм и бикультурность писателя в мифопоэтическом творчестве Николая Котара

С.М.В. Чемоданова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д.1.

✉ Sophie.t3@gmail.com

Аннотация. Рассматривается вопрос билингвизма и бикультурности двуязычных авторов на примере литературного творчества американского писателя-билингва Николая Котара, потомка первой волны русской иммиграции. Актуальность данной темы обусловливается возросшим интересом современной билингвологии к изучению особенностей писателей-билингвов, которые способны эффективно задействовать два языка и две культуры для создания художественных образов и выражения своих идей, это приводит к транслингвизму и транскультурализму в их творчестве. Показано, как двуязычие и бикультурализм носителя унаследованного русского языка Николая Котара отражены в его англоязычном творчестве, для этого использовались исследовательские методы сопоставления, культурологической и переводческой интерпретации. В своих литературных произведениях из серии «Сын Ворона»: («Песня Сирина» (The Song of the Sirin), «Сердце Мира» (The Heart of the World), «Трон Богов» (The Throne of the Gods), «Сын Бессмертного» (The Son of the Deathless)) Николай Котар передает англоязычному читателю элементы русского фольклора через мифопоэтику. В результате анализа художественного текста было выявлено, что образцы англоязычного творчества Николая Котара возникают в процессе гибридизации и синкретизма через мифопоэтическую трансформацию русского фольклора и лингвокультуры. В художественных произведениях Николая Котара содержится множество лексических и культурных заимствований, экотизмов (славянизмов), поговорок из русских сказок, а также аллюзий, относящихся к русской лингвокультуре. Таким образом, использование русских сказок и других фольклорных жанров позволяет транслингвальному и транскультурному писателю приобщить англоязычных читателей к элементам славянской лингвокультуры через объединение и гибридизацию англоязычных и русских традиций в мифопоэтической литературе.

Ключевые слова: билингвизм, писатель-билингв, наследник русского языка, лингвокультура, синкретизм, транскультурная литература, мифопоэтическая литература

История статьи: поступила в редакцию: 14.02.2023; принята к печати 14.06.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Чемоданова, С.М.В. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 515–523. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-515-523>

Introduction

Language and culture are closely interrelated, influencing one another, especially for bicultural bilinguals. Bicultural individuals are characterized as those who participate in varying degrees in the life of two cultures on a regular basis.

Throughout the life of each bilingual, the balance of cultural influence may fluctuate, or one culture may become dominant [1].

Another issue is the question regarding the cultural identity of a bilingual, in particular, a bilingual writer. Usually, monocultural and monolingual individuals often expect bicultural bilinguals, including bicultural authors, to identify themselves with one of the cultures (e.g., culture A or culture B). Bicultural bilinguals can make different decisions regarding their cultural identity, highlighting the following four options: identifying with culture A; identifying with culture B; not fully identifying with cultures A or B (i.e., “cultural marginalization”); identifying with both cultures A and B. The latter option is optimal, since bicultural individuals can effectively live with two cultures, combining and mixing aspects of each, even when one culture dominates to a certain degree over the other [2].

Combining and blending, the two cultures may result in the possibility of forming a “transculture” [3], whereas translanguaging is defined as a free-flowing transition between several linguacultures without complete assimilation to either one, resulting in a mixed discourse [4].

Transcultural Literature

Scholars of bilingual and transcultural studies have been fascinated with how languages and cultures can coexist and blend within an individual, forming transculture and translanguaging. This, in turn, allows one to feel a sense of belonging to several linguacultures. In recent years, there has been a growing interest in studying the linguistic and cultural intricacies of bilingual and bicultural authors who are able to combine and blend their two languages and cultures in translanguaging and transcultural literary genres [5].

By way of illustration, there are transcultural literary works of classic Russian émigré writers such as Joseph Brodsky and Vladimir Nabokov, as well as a number of contemporary Russian-American authors such as Olga Grushin and Lara Vapnyar [6].

Discussion

Russian Heritage Language Speakers

It is fascinating to note the unique phenomena of Russian heritage speakers from the San-Francisco Bay Area community of first-, second- and third-generation Russian-Americans. Their ancestors immigrated to America after 1917 over the course of 100 years, yet many of their descendants remained remarkably bilingual and bicultural to varying degrees because of a supporting linguistic and cultural environment [7]. One of these heritage speakers is an American author Nicholas Kotar, born and raised in San Francisco, California.

Nicholas Kotar's Mythopoetic Literary Works

Nicholas Kotar is a bilingual and bicultural American writer of Russian heritage. His novels are written in the English language and are inspired by Russian and Eastern Slavic fairy tales. The author's literary works portray motifs of medieval Russian folklore retold and reimagined in a contemporary mythopoetic style for English-speaking readers.

The balanced bilingualism and biculturalism of Nicholas Kotar permeates his literary works. The novels emerge as translanguingual and transcultural literature that incorporates both Russian and American literary traditions, forming a blend of linguistic and cultural hybridity. Nicholas Kotar elaborately portrays Russian linguaculture, cultivating interest, and sharing with the English-speaking readers elements of Russian culture and language. Notably, Nicholas Kotar uses *internal translation* [3; 8] in his literary works. The term was coined by Doctor of Philology Victor V. Kabakchi [8] to characterize language operations used in intercultural communication to describe a culture-bound concept from a different linguaculture [8; 3].

In Nicholas Kotar's mythopoetic English-language novels from the Raven Son series *The Song of the Sirin*¹, *The Heart of the World*², *The Throne of the Gods*³, *The Son of the Deathless*⁴ there are numerous lexical and cultural borrowings, exotisms (slavicisms), and allusions from Russian linguaculture. Consider the following few examples from each of the aforementioned novels with translation in Russian:

Linguacultural Allusions

The Waystone (*придорожный камень, камень на распутье*) is a culture-bound word from Russian fairy and folk tales that describes a rock which serves as a direction sign at crossroads [9]. In the novel *The Song of the Sirin*, Nicholas Kotar's explanatory translation provides English-speaking readers, unfamiliar with this borrowing, a distinct clarification of a "waystone" by introducing this culturonym as a "ragged plinth". Nicholas Kotar adapts and generalizes the Russian lexical unit "придорожный камень" (at the crossroads + stone) to English as "waystone", i.e., a stone that shows the way.

"He has missed the ragged plinth ... The scratches on the waystone were legible, though barely, after what seemed many centuries of erosion"⁵. «Он не заметил неровный постамент ... Начертания на дорожном камне были разборчивы, хотя и с трудом, как казалось, после многих столетий эрозии».

¹ Kotar N. *The Song of the Sirin*. Las Vegas : Waystone Press, 2017. 420 p.

² Kotar N. *The Heart of the World*. Las Vegas : Waystone Press, 2018. 436 p.

³ Kotar N. *The Throne of the Gods*. Las Vegas : Waystone Press, 2020. 354 p.

⁴ Kotar N. *The Son of the Deathless*. Las Vegas : Waystone Press, 2022. 120 p.

⁵ Kotar N. *The Song of the Sirin*. Las Vegas : Waystone Press, 2017. 420 p. P. 136.

The waystone reappears in various interpretations in Nicholas Kotar's novels, e.g. *The Song of the Sirin* and *The Throne of the Gods*, where the bilingual writer, by using internal translation, calques the Russian structure of the phrases engraved on the waystone [9; 10]. For English-speaking readers the following mystic inscriptions may be seen as ominous and fatalistic.

"If left you go, there love awaits. If right you go, there gold awaits. If straight you go, there death awaits"⁶. «Налево пойдешь — там любовь ждет. Направо пойдешь — там золото ждет. Если прямо пойдешь — там смерть ждет».

"If straight you go, cold and hunger await. If left you go, you will die, but your horse will live. If right you go, your horse will die, but you will live"⁷. «Прямо пойдешь — холод и голод ждут. Налево пойдешь — умрешь, но конь будет жив. Направо пойдешь — твой конь умрет, но ты останешься жив».

In the novel *The Song of the Sirin*, Nicholas Kotar frequently alludes to pre-stories (приказки) from Russian folk tales [9]. In the non-fiction novel *How to Survive a Russian Fairy Tale*⁸, Nicholas Kotar provides linguacultural samples of Russian pre-stories as a genre of literary nonsense, serving as a story hook. In *The Song of the Sirin*, Nicholas Kotar calques one of these pre-stories from Alexander Afanasyev's collection of *Russian Folk Tales* [9] and incorporates it into his mythopoetic fiction. The following example of the Russian pre-story, translated by Nicholas Kotar to English for his literary work, is broken down into several fragments for a detailed analysis.

"*The story begins from the grey, from the brown, from the chestnut-colored horse*"⁹. The quote is an allusion and a calque of a popular Russian pre-story [9. P. 684]. The writer opts for the generalization strategy when translating the archaic Russian culture-bound folk phrase:

"sivka" «сивка», i.e., of grey color.

"burka" «бурка», i.e., of chestnut color.

"veshaya kaurka" «вещая каурка», i.e., a prophetic steed from Afanasyev's source text: «Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки» [9. P. 684].

The bilingual writer adapts the Russian phrase to English-speaking readers, meaning a horse with "grey" and "chestnut-colored" coat¹⁰. The writer, however, omits translating "veshaya", i.e., sibylline.

"*Andry grew not in days, but in hours*"¹¹.

The preceding quote is from Nicholas Kotar's *The Son of the Deathless*¹² is another transformed phrase pertaining to folklore. The anthroponym "*Andry*" is an altered form of the name Andrey, i.e., the Russian variant of Andrew. The expression "grew not in days, but in hours"

⁶ Ibid.

⁷ Kotar N. *The Throne of the Gods*. Las Vegas : Waystone Press, 2020. P. 256.

⁸ Kotar N. *How to Survive a Russian Fairy Tale: or How to Avoid Getting Eaten, Chopped into Little Pieces, or Turned into a Goat*. Las Vegas : Waystone Press, 2019. 80 p.

⁹ Kotar N. *The Song of the Sirin*. Las Vegas : Waystone Press, 2017. 420 p. P. 205.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Kotar N. *The Son of the Deathless*. Las Vegas : Waystone Press, 2022. P. 8.

¹² Ibid.

is a calque of the Russian idiomatic phrase “ne po dnyam, a po chasam” «не по дням, а по часам» [11. P. 380] from fairy tales, such as Alexander Pushkin’s “The Tale of Tsar Saltan”¹³, meaning to grow extremely quickly [16]. For the English speaker, this phrase is coherent, yet the Russian speaker will recognize this allusion as one from Russian linguaculture.

*“The morning is wiser than the evening”*¹⁴.

This example is a set phrase from Russian fairy tales “utro vechera mudrenee” «утро вечера мудренее» [11. P. 87], which frequently reappears in Nicholas Kotar’s novels. This saying is similar to the English idiom “to sleep on it” [19 pearson], which means to postpone an important decision until morning. Also, in the idiom to think something over “in the cold light of day” [19 pearson] has the same meaning of making the final decision calmly, rationally, and without overreacting.

*“In a certain kingdom, in a certain land”*¹⁵.

This quote is a translation of the opening sentence to many fairy and folk tales “V nekotorem czarstve, v nekotorem gosudarstve” «В некотором царстве, в некотором государстве» [11. P. 380].

Interestingly, in this case the author does not calque word for word. Instead of translating the Russian word *gosudarstvo* (государство) as a *state*, he uses the word *land* of a wider meaning. Probably, this is done for rhythmic purpose: in Russian, rhyme is used *czarstve–gosudarstve* (царстве — государство), while English is more sensitive to the consonant rhythmic repetition /-ngd-/ — /-nd-/ (*kingdom–land*).

*“The falcon flew beyond the thrice-nine lands, into the thrice-tenth kingdom”*¹⁶.
 “Poletel sokol za tridevyat` zemel`, v tridesyatoe czarstvo” «Полетел сокол за тридевять земель, в тридешатое царство» [12. P. 14].

The author coins a new word *thrice-nine* to render the Russian word *tridevyat`* (тридевять), which means ‘three multiplied by nine’, that is twenty-seven. The Russian word, which is outdated and is used only in the expression *tridevyat` zemel`* (тридевять земель) [12. P. 14] in Russian folklore, has a transferred meaning ‘very far away’ but its English equivalent seems to have some mystic meaning in English. The repetition of the word *thrice* with the increase of qualitative meaning of the numeral that follows (*nine — ten*) emphasizes the idea of remoteness and some mystery. We might also notice the lack of homogeneity of numeral forms: in the first case the author uses a cardinal numeral (*thrice-nine*), in the second — the ordinal numeral component (*thrice-tenth*), though both compounds have the same position and syntactic function (attribute) in the English sentence. In this case we see the impact of the Russian sentence onto the English structure, for in the Russian sentence the compound is a headword of the phrase *tridevyat` zemel`* (тридевять земель) [12. P. 14] and cannot be treated as a modifying element that might be expressed by an ordinal numeral, while in the phrase *tridesyatoe czarstvo* (тридешатое царство) [12. P. 14] the compound functions as a modifier.

*“Underneath was a beauty that no story can relate, no pen can describe”*¹⁷.
 «Внизу таилась красота — ни в сказке сказать, ни пером описать».

¹³ Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане. М. : Издательство «Звонница-МГ», 2019. 24 с.

¹⁴ Kotar N. The Song of the Sirin. Las Vegas : Waystone Press, 2017. 420 p. P. 121.

¹⁵ Ibid. P. 195.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. P. 159.

This allusion a calque of the set phrase “*ni v skazke skazat', ni perom opisat'*” «ни в сказке сказать, ни пером описать» [11. P. 380] from Russian linguaculture.

The rhythm of the Russian saying is achieved through repetition of the Russian particle “*ni*” «ни» and syntactic parallelism of the infinitive expression. Nicholas Kotar uses the same stylistic devices in English: repetition of *no* and *can* and the syntactic parallelism of the structure (*no N can Inf*).

Compliments from Russian Linguaculture

“*She wasn't exotic in her beauty. No sable-edged eyebrows*”¹⁸. «В ее красоте не было ничего экзотического, никаких соболиных бровей».

The fragment “sable-edged eyebrows”, the literal translation would be “soboliny'e brovi” «соболиные брови» [13], is a calque and a compliment for a thick-browed beauty whose brows resembled sable's fur, i.e., “sable-like brows”.

“*You've grown so much, swanling*”¹⁹. «Ты так выросла, лебедушка».

Here, English-speaking readers observe an atypical usage of the noun *swanling* as a concept from Russian linguaculture and learn its connotation in the Russian language. In the English language, the nominal suffix *-ling* is used as a diminutive suffix, or to indicate quality [14].

The suffix *-ling* can be found in English nouns that refer to young members of a species, such as *youngling* (one that is young), *swanling* (a young swan), *duckling* (a young duck or mallard), *seedling* (a young plant from seed), *sapling* (a young tree), etc [14].

The suffix *-ling* is also used to denote a certain quality of a noun or adjective that does not relate to age such as *darling* (dear + *-ling*, a beloved), *wildling* (a wild animal), *weakling* (one who lacks strength), etc [14].

In Russian linguaculture, swans are perceived as graceful and innocent creatures. In the novel, the writer uses the word *swanling* (лебедушка) as a quality, addressing a young woman who is graceful and gentle [15].

Interjection from Russian Discourse

“*Oioioi she keened*”²⁰. «‘Ой ой ой,’ — запричитала она».

The Russian interjection “oi” [16] is similar to the English interjection “uh-oh” [17] used to indicate concern or alarm. Nicholas Kotar applies the foreignization strategy and incorporates the Russian interjection in English-language literary discourse as a translanguing feature.

Elements of Russian Cuisine

“*Thick, buttery pancakes slathered with red caviar—fit to burst, adorned with dill and parsley*”²¹. «Толстые маслянистые блинчики, намазанные красной икрой, которая вот-вот лопнет, посыпанные сверху укропом и петрушкой».

¹⁸ Kotar N. *The Son of the Deathless*. Las Vegas : Waystone Press, 2022. P. 172.

¹⁹ Kotar N. *The Song of the Sirin*. Las Vegas : Waystone Press, 2017. 420 p. P. 156.

²⁰ Ibid. P. 187.

²¹ Ibid. P. 181.

Red caviar is a staple appetizer for special occasions in Russian cuisine, whereas dill and parsley are used as a garnish in many dishes [16]. However, the author does not use the Russian word “bliny”, also spelled “blini” [16], applying the domestication strategy by integrating a similar concept from English-speaking linguaculture — “thick pancakes”.

Such culture-bound words, representing Russian linguaculture, are also classified as equivalent-lacking words (extralinguistic and lexical) in the English language [18]. Exotisms (slavicisms) open up a whole new linguistic and cultural worldview (LCW) to English-speaking readers with limited background knowledge in Russian linguaculture. On the other hand, these culturally loaded words and allusions are comprehended and perceived to a greater degree by readers who have some background knowledge and cultural exposure to Russian linguaculture, such as Russian heritage speakers and/or Russian-English speaking bilinguals.

Russian linguacultural borrowings and culture-bound words found in contemporary English-language literature such as Nicholas Kotar’s literary works are a part of the evolving transcultural literature that is noteworthy for continuing research. A key topic for further analysis is how bicultural and bilingual writers are able to express their worldview, and how their lives between two cultures shape not only their perception of the world but also affect their writing, combining several of their linguistic and cultural identities [5; 6]. Linguistic and cultural hybridity expressed in bilingual authors’ literary works is indispensable source material that can be analyzed by linguists, anthropologists, and literary scholars.

Conclusion

Creative writing opens a window into the writer’s mind; their thoughts, ideas, beliefs, perception of how one sees the world, and how one’s life experience shaped them into the person who they are today. The authors’ worldviews are reflected in their writings through story narratives, including archetypes, the overall themes, and messages of their stories. Bilingual and bicultural writers often, either subconsciously or intentionally, incorporate and blend elements of both cultural frames and linguistic codes in their literary works.

The linguistic code-switching and cultural frame-switching of bilingual writers paves the way for further developing transcultural literary genres, such as Nicholas Kotar’s mythopoetic novels, incorporating elements and motifs of Russian linguaculture, e.g., folklore, fairy tales, allusions. Impact of linguistic skills and cultural background on bilingual and bicultural authors’ writings in contemporary English-language literature should be a significant topic for further transcultural and translanguing study.

References

1. Grosjean, F. 1982. *Life with two languages: An introduction to bilingualism*. Cambridge: Harvard University Press. Print.
2. Grosjean, F. 2010. *Bilingual: Life and Reality*. Cambridge: Harvard University Press. Print.

3. Zhukova, I.N., M.G. Lebed'ko, Proshina, Z.G., and N.G. Yuzefovich. 2013. Dictionary of Intercultural Communication Terms. Moscow: Flinta: Nauka publ. Print. (In Russ.).
4. Proshina, Z.G. 2017. Translingualism and Its Application. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14 (2): 155–170. Print. (In Russ.).
5. Proshina, Z.G. 2020. Contact variantology of the English language. Theory problems. *World Englishes Paradigm*. Moscow: Flinta: Nauka publ. Print. (In Russ.).
6. Proshina, Z.G., and A.A. Eddy (eds.) 2016. *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
7. Zaverukha, L., and N. Bogdan. 2010. *Russian San Francisco*. Charleston: Arcadia Publishing. Print.
8. Kabakchi, V.V., and E.V. Beloglazova. 2022. *Introduction to Interlinguoculturology*. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Urait publ. Print. (In Russ.).
9. Afanasyev, A. 2021. *Russian Fairytales*. Moscow: Al'fa-knigi publ. Print. (In Russ.).
10. Aksyonova, E., O. Demidova, Fedoseeva, A., and D. Kalabugina (eds.) 2021. *Russian Fairytales*. Moscow: Izdatelskiy Dom Meshcheryakova publ. Print. (In Russ.).
11. Dal', V.I. 1984. *Russian Proverbs*. In 2 vol. Vol. 2. Moscow : Hudozhestvennaya literature publ. Print. (In Russ.).
12. Dal', V.I. 1984. *Russian Proverbs*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow : Hudozhestvennaya literature publ. Print. (In Russ.).
13. Pearson. 1998. *Longman Idioms Dictionary*. London: Pearson. Print.
14. Ozhegov, S.I., and N. Yu. Shvedova (eds.) 1985. *Russian Language Dictionary*. Moscow: Rus. Yaz. publ. Print. (In Russ.).
15. Bauer, L. 1983. *English Word-Formation*. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
16. Efremova, T.F. 2005. *Modern Dictionary of Russian*. In 3 vol. Vol. 1. A — L. Moscow: AST publ. Print. (In Russ.).
17. Gerhart, G. 2001. *The Russian's World. Life and Language*, 3rd edn. Bloomington: Slavica. Print.
18. Dunn, M., and S. Aragones. 2013. *ZOUNDS!: A Browser's Dictionary of Interjections*. New York: St. Martin's Griffin. Print.
19. Proshina, Z.G. 2019. *Theory of Translation*. Moscow: Urait publ. Print.

Bio Note:

Sofiya Mariya V. Tchemodanova is a Postgraduate student at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: Sophie.t3@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3799-0584

Сведения об авторе:

Чемоданова Софья Мария Викторовна — аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: Sophie.t3@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3799-0584

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-524-534

EDN: SUAXEA

Научная статья

Транслингвальная поэзия в лирике Б. Каирбекова

Л.П. Дианова

МГИМО Университет,

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

✉ l.dianova56@mail.ru

Аннотация. Анализируется транслингвальный художественный текст, который представляет собой методологически сложный объект исследования в силу своей принадлежности к двум (или более) лингвокультурным полям. Теория транслингвизма — актуальное русло междисциплинарных исследований, проблематика которого затрагивает особенности создания и функционирования текста, созданного автором на языке, не являющемся для него этнически первичным. Дан краткий обзор теоретических работ, посвященных научному концепту «транслингвизм». На материале отдельных стихотворений Б. Каирбекова из поэтического сборника «Навстречу солнцу» выявлены и охарактеризованы отдельные элементы транслингвальной поэтики.

Ключевые слова: транслингвизм, транслингвальная поэтика, языковая личность, языковая картина мира, лирика

История статьи: поступила в редакцию 24.03.2023; принята к печати 04.05.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Дианова Л.П. Транслингвальная поэзия в лирике Б. Каирбекова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 524–534. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-524-534>

Research Article

Translingual Poetry by Bakhyt Kairbekov

Ljudmila P. Dianova

MGIMO University,

Vernadsky Ave., 76, Moscow, 119454, Russian Federation

✉ l.dianova56@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of a translingual literary text, which is a methodologically complex object of study due to its belonging to two (or more) linguocultural fields. The theory of translanguism is an actual course of interdisciplinary research, the problems of which affect the features

© Дианова Л.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of the creation and functioning of a text created by the author in a language that is not ethnically primary for him. A brief review of theoretical works devoted to the scientific concept of “translingualism” is given. On the material of individual poems by B. Kairbekov from the poetic collection “Towards the Sun”, individual elements of translingual poetics are identified and characterized.

Key words: translingualism, translingual poetics, linguistic personality, linguistic picture of the world, lyrics

Article history: received 24.03.2023; accepted 04.05.2023

Conflict of interests: none

For citation: Dianova, L.P. 2023. “Translingual Poetry by Bakhyt Kairbekov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 524–534. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-524-534>

Введение

Транслингвальный художественный текст — особый объект литературоведческого анализа. Отвечая базовому критерию текстуальности, т.е. представляя собой единство семантического и грамматического уровней, такой текст, тем не менее, предъявляет особые требования к его интерпретации. Это продукт творческой деятельности писателя, который владеет двумя (или более) языками, но творчески выражает себя в языке «усвоенном». Прежде чем говорить о транслингвальной поэтике, стоит отметить, что сам термин «транслингвизм» представляет собой достаточно сложный научный концепт, вписанный в эпоху постнеклассической рациональности с ее базовой установкой на принципиальную непознаваемость истины и отрицание детерминанты Разума, способного объяснить и упорядочить внешний мир.

Постнеклассическая рациональность, тесно связанная с «номадическим проектом» постструктурализма, рассматривает мыслящего субъекта не как продукт единой социокультурной среды, но как «внутреннего кочевника», который не ограничен рамками одного государства, одного языка, одной культуры. Это объяснимо: изменился внешний контекст существования индивидуума; границы его перемещений, в частности миграционных, стали «разомкнутыми»; интенсификация жизни в виртуальном пространстве, сформированном глобальной сетью, ознаменовала начало новой эпохи, для которой самого понятия «границ» в привычном смысле не существует. Тем не менее транслингвизм — явление не новое, оно, по словам С. Келлмана, существует «со времен мифического Вавилона» [1].

М.В. Тлостанова отмечает, что с наступлением «конца локальности» человек оказался в ситуации культурной ловушки: пойманный в пространство между несколькими лингвокультурными полями, он лишается ощущения «центра», что дает ему, с одной стороны, большую мобильность, с другой — лишает ощущения принадлежности к одному языку и культуре. Таким образом, «писатель пограничья» может воспринимать себя и как личность дефекитарная, так и в качестве субъекта нового типа, способного видеть

мир посредством более совершенной оптики. Об этом качестве творческой билингвальной личности рассуждает У.М. Бахтикиреева, отмечая, что транслязычие предоставляет писателю стереоскопичность мировидения, которой лишен монолингвальный автор [2].

Итак, транслингвальная литература создается автором, этнически принадлежащим одной культуре, но на языке другой культуры. При этом каждый транслингвальный автор «транслингвален по-своему» [1]. Индивидуальный подход к исследованию билингвальной творческой личности современные ученые определяют как изучение отдельного «языкового бытия» языковой личности с учетом траектории ее языковой биографии [3].

Действительно, каждый транслингвальный автор, если рассматривать продукцию его речевой деятельности, формирует на протяжении своей жизни уникальный нарратив, обусловленный особыми обстоятельствами, «изломами языковой судьбы» (Вяч. Вс. Иванов).

Транслингвальный текст, «произрастающий» из двух (или более) культурных пространств, метафорически можно сравнить с лейдермановским Хаосмосом [4]: внутри него осуществляется постоянная «пересборка» мира, который формируется из ресурсной базы двух семиотических систем.

Несмотря на то, что транслингвальная ситуация (в частности, в художественной литературе) предполагает функциональное доминирование одного языка над другим, она, как правило, детерминирована рядом объективных факторов. Так, «обреченными на диалог» (формулировка В.Р. Аминовой) оказались все выходцы из бывшего СССР, в котором русский язык выполнял консолидирующую и интегрирующую функцию. По мнению теоретика транслингвизма С. Келлмана, авторы, намеренно выбирающие другой язык в своих креативных практиках, зачастую нацелены на выход к более широкой аудитории и ожидание коммерческого успеха. Кроме того, язык «усвоенной культуры» может предложить автору более совершенный технический инструментарий для трансляции своих идей.

Именно в ее пространстве происходит перманентный диалог различных мировоззрений, в процессе которого продуцируются новые смыслы. Русский язык выступает в данном случае посредником между культурными «полями», приобщая читателя к новой для себя языковой картине мира. В данном случае именно язык становится коммуникативным мостом к культурным ресурсам народов всего постсоветского локала [5. С. 166].

В транслингвальном художественном тексте формируется континуум взаимодействия нескольких языков и культур; при этом мы, как правило, не наблюдаем ни ассимиляции, ни взаиморастворения: аутентичные элементы каждой лингвосистемы оставляют за собой право на «непрозрачность». Стирания границ между этносами не происходит; напротив, элементы обеих культур циркулируют в единстве потенциально не ограниченного креативного поля, трансформируя его «зоны». Неслучайно М.В. Тлостанова видит

в транскulturации вызов монокультурным конструктам, провозглашающим чистую культурную идентичность [6. С. 134]. С этой позицией соглашается и С. Канагараджа, отмечая, что идеология языковой чистоты противоречит повседневной практике [7. С. 16]. О. Гарсия и Л. Вэй полагают, что в самом понятии «транслингвальная практика» заложена идея креативного потенциала писателей-билингвов [8].

Транслингвальный художественный текст — это текст «номадического типа»: он не прочерчивает границ между коммуницирующими языками и предполагает ризоматическое продуцирование новых смыслов.

Поскольку в распоряжении автора-билингва оказывается арсенал двух лингвосомиотических систем, формируется альтернативная картина мира, не замкнутая и не линейная по своей природе. Более того, исходная культура, «просвечивающая» сквозь палимпсест русскоязычного текста, продолжает активно ретранслироваться, следовательно, правомерно говорить о ее ревитализации [9]. М. Хайдеггер неслучайно называл язык «единящим началом»: говоря через Творца, он продолжает выражать его самость (отметим, что это касается и этнической самости в том числе).

Транслингвальный автор, таким образом, это культурно мобильный писатель. Рассмотрим в качестве примера стихотворения русскоязычного казахстанского писателя Б. Каирбекова.

Обсуждение

Бахыт Каирбеков — личность, которую можно охарактеризовать как интермедиальный феномен: его художественный талант простирается далеко за пределы вербального искусства. Талантливый кинорежиссер, фотограф, сценарист, переводчик, преподаватель, Поэт (Поэт — в первую очередь!), Каирбеков владеет различными кодовыми системами, способными передать его установки — человеческие, национальные, ценностные. Каирбеков — автор более десятка поэтических книг, каждая из которых становилась событием в истории новейшей казахстанской поэзии. В 2019 году он стал автором сценария и режиссером фильма «Жаксылык».

Бахыт Каирбеков родился в советской Алма-Ате в семье выдающегося казахского писателя Гафу Каирбекова, которого называет мерилom нравственности.

Творчество его та высокая планка, которую мне никогда не достичь, но могу равняться на высоту вдохновения, которой достиг мой отец. Это все равно что знать высоту неба, сияющих звезд. Она не принижает тебя, просто призывает не забывать о нем, почаще запрокидывать голову, любоваться необъятной глубиной Космоса, наполняться чувством счастья, что знаешь о наличии непознанного и удивительного. Образ отца, его имя, его дух проявляют себя в самый неожиданный момент, и я вижу в этих проявлениях не только его одобрение и помощь, но добрую примету, что задуманное мной обязательно свершится в самом лучшем виде [10. С. 174].

Его воспитывала бабушка Шакен Мунке-кызы, говорившая на казахском языке. Именно в день ее смерти было написано первое стихотворение поэта. Само становление языковой личности Каирбекова происходило в период языкового строительства СССР, когда русский язык решал задачи гомогенизации советского народа. Высокий уровень владения русским языком этнически нерусскими жителями страны стало прагматической необходимостью. Каирбеков настолько хорошо овладел русским языком, что сделал его транслятором своего творчества. Это не могло не привести к формированию особого внутриличностного конфликта. В одном из стихотворений Каирбеков задается вопросом: «Почему я по-русски пою, / Почему на домбре не играю?» Однако, по признанию самого автора, этот конфликт — спустя годы и годы интроспекции! — близок к завершению:

Пожалуй, сейчас я близок к разрешению этого конфликта, а именно комплекса неполноценного знания родного языка (опять же сопоставляя с богатой образной лексикой отца!)... У моих казахоязычных друзей тоже есть своеобразный комплекс, из-за которого они переходят в разговоре со мной на русский и почти никогда не говорят о потаенном, считая меня все же русским, городским, московским, иначе говоря, все-таки чужим. Пусть даже в самом хорошем смысле. Я вижу в этом не только некоторое пренебрежение и лень, но и опасение выдать свою литературную неосведомленность, дать маху в чем-то, что я наверняка знаю лучше и глубже. А о каком тогда диалоге может быть речь? Сейчас я могу рассказать моим коллегам, пишущим на казахском языке, немало интересного из нашего прошлого, о чем они могут не знать, и удивить их своими изысканиями о традициях нашего народа, уходящих в глубокую древность. Я выравниваю весы общения с ними, но пока не нашел-таки достойного собеседника. И теперь уже не ищу. Просто строю гипотезы, в надежде и уверенности, что они, будучи не раз сверяемыми, т.е. по-настоящему ценными в плане культурной информации, подвигнут следующих любопытных и настойчивых развить и углубить эти поиски, а значит, смогут очистить от сора еще живые источники народной поэзии, как когда-то наши предки по весне открывали очи родников, дабы чистая вода пробилась на свет божий и питала все живое вокруг [10. С. 175].

Мечтая обогреться «у очага родной культуры», Каирбеков никогда не покидает ее пределов, и его русскоязычное творчество не становится «знаком» отказа от собственных корней. Когда мы анализируем художественный текст, мы задаемся вопросом: какое бытие явлено в этом тексте? Какова его пространственность, темпоральность, каков его «вещный мир»? Кто субъект этого мира, каков он? Ответы на эти вопросы помогают нам сложить художественную «мозаику» явленной в тексте Вселенной. Мир, питающий творчество Каирбекова, этнически самобытен. Неслучайно главным топосом его стихотворений становится великая степь — прародительница кочевого народа, Эля.

Над Улытау открытый небосвод.
Открытою ладонью — степь без края.
Гостям открыт душою мой народ, –
Вот родины моей судьба земная!

Но если враг пришел — открытые просторы
Вмиг обернутся грозною стеной.
И мой народ — бесхитростный и гордый —
Здесь соберется на смертельный бой.
Так было... мы не сохранили
Примет вражды и мести роковой...
Так не подняться придорожной пыли
К вершинам гор, что дышат синевой¹.

Примечательно, что в рассмотренном нами стихотворении, написанном в технике классической силлаботоники, фактически отсутствуют маркеры «инобытия»: слова, имеющие ауру «экзотических». Тем не менее выбор темы и ее осуществление — глубоко национально-специфичны. Начнем с того, что во втором стихе появляется образ открытой ладони — один из соматических кодов казахской культуры, метафорически репрезентирующий организацию (в частности, социальную и классовую) самого кочевого общества. Существовая в пространстве относительно независимо друг от друга (как пальцы руки), в час нужды кочевые племена, как справедливо отмечает Н.Н. Крадин [13], «собираются в кулак». Здесь же проявлены ключевые качества этноса: его гостеприимство и незлопамятность, которые можно обозначить как характеро-поведенческие эталоны. Гостеприимство, «распахнутость» — судьба народа; в этом проявляется его телеология. Просторы, оборачивающиеся «стеной» в час опасности, — еще одна импликатура: перед нами возникает образ несметного кочевого войска, готового «замкнуть» пространство родины от вторжения врага. И все же память — долгая память степи — незлоблива. Мстительность и горечь поражений пылью оседают на землю, но к высшему — вершинному небу — подняться не могут. Вершины гор, дышащие синевой, — еще один комплективный образ национального характера.

Здесь щедро зелень разлилась по склонам,
Над дальними из них туман клубится...
Там снег блестит серьгою удлиненой,
Утерянной сговорчивой девицей.

Чабан с отарой облаком бездомным
Меж сакскими курганами к закату
Потянется... И песнею знакомой
Вдруг голос донесется с грозным раскатом².

¹ *Каирбеков Б.Г.* Навстречу солнцу. Дневник путешествий: Алматы: Нурыканов, 2014. С. 23.

² *Каирбеков Б.Г.* Навстречу солнцу... С. 34.

Стихотворение насыщено национально-специфическими образами, «невидимыми» на первый взгляд читателю. Сравнение «снег блестит серьгою удлиненной, утерянной сговорчивой девицей» — не просто художественный троп. Это ключ к пласту культуры, который вдумчивый читатель может открыть для себя при должном знании герменевтического контекста. Серьги — обязательный атрибут женского туалета, который не только подчеркивал социальный статус обладательницы, но и защищал от негативного влияния извне благодаря особым охранительным символам — солярным, муническим, зоо- и фитоморфным. Удлиненные серьги — не только указание на форму, но и на саму технику изготовления: детали серег соединялись цепочками, на поверхности, как правило, чеканили изображения Солнца и Луны. Примечательно, что именно серьги участвовали в особом ритуале «похищения невесты»: неслучайно серьга в стихотворении обронена «сговорчивой девицей». Кроме того, серьги — единственный элемент, который не снимался с умершей женщины, защищая ее душу от похищения в загробном мире (согласно преданиям, если в уши женщины заползала змея, душу ее забирали божеества подземного мира).

Еще один образ — чабан с отарой — пожалуй, один из базовых образов кочевой культуры, отсылающий нас к самому образу жизни кочевого народа — вечному перемещению кочевников вслед за отарой.

Так выходит кочевник в дорогу
Мир познать, о котором забыл,
Поднабраться душевного прока,
Раззадорить пригасший свой пыл!
Так сбиваются в час перелета
Птицы в стаю, галдя, гомоня...
Пусть же вновь окрылит нас свобода,
Испытаем дорогой себя!³

Мотив этого стихотворения — кочевье как утраченная современниками память — особо значим для Б. Каирбекова, который и в других своих стихотворениях с сожалением размышляет о том, что современный человек, позабывший о голосе степи, потерял связь с прародиной, которую жизненно необходимо восстановить. Иначе — человеку не жить «живой жизнью», зовом которой становится дорога — вечное движение, вечное перемещение в бескрайнем пространстве. Это пространство сурово и полно испытаний. Оно требует от человека выносливости не только физической, но и духовной, потому что сама жизнь в степи — с одной стороны, органичное

³ Там же. С. 4.

«вживание» в ее экологический контекст, с другой — неизменная борьба за выживание. Неслучайно подснежник — кандык — означает в казахском языке «собачий зуб»:

Его недаром так зовут — кандык,
Звучит решительно и смело,
«Собачий зуб» героем быть привык:
Вмиг прокусить зимы тугое тело
И показать ей, злыдне, свой язык!⁴

Пространство степи живо, одухотворено, подчинено высшему закону, испокон веков установленному великими божествами — Тенгри и Умай. Тенгри, Великое Небо, и Умай, Бурая земля — великие космогонические силы в тюркской языковой картине мира. Память о них, увы, утрачена — вновь актуализирован мотив забывания, забывания «меток и имен». И все же божественные силы прошлого по-прежнему питают «кочевника современности»: будучи архетипическими структурами личности, они объективируются в высшем проявлении человеческой природы — способности любить:

Божества населяют пространства:
В лоне неба — Тенгри,
В лоне матки — Умай!
Угадать бы, куда наши странствия
Уведут за пределы ума?
Обиталища вечных богов
Метим метками и обзываем,
Но незрим ритуальный улов,
Что поймали, увы, не знаем.
Ну, а мы себя, где поселяем,
Где мы есть — всей душой и умом?
Верно, там, где любя, мы себя забываем,
И становимся чьим-то почти божеством⁵.

Беспамятство степи — особый темпоральный код. Степь вечна. В масштабе вечности память о частных событиях становится незначительной (удивительная амбивалентность образа памяти: жизненно необходимая человеку для того, чтобы не отрывать от витальной почвы собственной великой истории, она несущественна для самого топоса, который, помня

⁴ *Каирбеков Б.Г.* Навстречу солнцу... С. 6.

⁵ Там же. С. 10.

все, не помнит ничего, ибо бытийствует вечно). Отсюда — тема блаженно-го покоя, способного исцелить измученную вихрем времени душу современного человека:

В белых ливнях бродят кони,
Там — в беспамятстве степи —
В беззаботном небе тонет
Маета...
И сердце спит.
Не тревожится, не ноет,
Просто нежится в лучах...
В этом сказочном покое
Забывается печаль⁶.

О целительном сне в колыхании трав — и следующее стихотворение Б. Каирбекова, лирический герой которого — караторгай, черный жаворонок. Это образ самого поэта, призванного нести свою целительную песнь в мир. Примечательно и то, что в стихотворении появляется исконно русский предлог «по-над» (степью): мы зримо видим перплетение кодов двух языковых систем, которые рождают в стихотворении сложный, но органичный образ мира:

Сном целительным обернется
Жизнь моя в колыхании трав,
Воздух ласковый песнею льется,
Значит, петь наступила пора.
Мне ль не петь — караторгаю,
По-над степью простерши крыла!
То взлечу, то вновь припадаю
К жизни той, что прекраснее сна⁷.

Подобное сосуществование гетерогенных по происхождению элементов наблюдаем и в следующем стихотворении:

Полынный рай полупустыни,
Сайгачья вольница — простор!
Стремительные... родину покинув,
Истаяли за дымкой синих гор⁸.

⁶ Каирбеков Б.Г. Навстречу солнцу... С. 14.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 24.

«Сайгачья вольница» — в строгом смысле оксюморон. «Вольница» — элемент русской языковой картины мира — атрибутирован эпитетом, связанным с зооморфным кодом казахской культуры.

Как видим, в лирике Б. Каирбекова черты транслингвальности проявлены не только на уровне отдельных лексических элементов, но и в тематической и мотивной организации текста, в самом его русскоязычном воплощении.

Заключение

В творчестве русскоязычного казахстанского поэта Бахыта Каирбекова рождается особый образ мира, созданный из сплава множественных культурных элементов. Его стихотворения, написанные на русском языке и тесно связанные как с русской, так и с мировой литературной традицией, остаются национально самобытными. Так, читатель знакомится с лирическим героем, который может выступать альтер эго поэта — это житель большого города, «столицы», который, согласно концептологии Делеза и Гваттари, не в силах оставаться «желающей машиной». Единственный способ избежать этого удела — вернуться к прародине, к миру великого кочевья, пространству, которое является для героя и своим, и несколько чужим, непривычным. Тем не менее голос степи — главного топоса в произведениях Каирбекова — становится тем «зовом», на который откликается поэтическое сердце. Степь — бесконечный простор, в котором извечно разворачивается великое кочевье, — становится для героя местом памяти, домом, символом вдохновения. Несмотря на то, что тексты написаны на русском языке (и, отметим, в классической силлабо-тонической системе стихосложения), в них переплетаются концепты различных языковых картин мира — казахской и русской. Именно такое творчество (которое можно охарактеризовать как транслингвальное) мы как исследователи и воспринимаем как ризоматическое: новые смыслы рождаются в переплетениях побегов протяженного и принципиально не завершённого «корневища». Неслучайно транслингвальных авторов называют культурно мобильными: перемещаясь из одного лингвокультурного пространства в другое, они создают то синтетическое поле смысла, которое способно обогатить обе культуры.

Список литературы

1. *Kellman S.G.* Translingual Writers: Introductory Notes // *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2019. № 16 (1). P. 9–12. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>
2. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБО и МИ.
3. *Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П.* От изучения содержания языкового сознания народа до изучения индивидуальных особенностей отдельной языковой личности // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 2 (28). С. 56–63.
4. *Лейдерман Н.Л.* Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург: УГПУ, 2004.

5. Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., King J. Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? // RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. 2017. Vol. 14. N. 1. P. 116–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121>
6. Тлостанова М.В. Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М. : URSS, 2004.
7. Канагараджа С. Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 10–21.
8. Garcia O., Wei L. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
9. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63>
10. Валикова О.А. «В поисках собеседника»: интервью с Бахытом Каирбековым. Часть первая, или Ипостась главная. Поэт // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 67–79. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79>

References

1. Kellman, S.G. 2019. Translingual Writers: Introductory Notes. Polylinguality and Transcultural Practices 16 (1): 9–12. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>
2. Bahtikireeva, U.M. 2009. Creative bilingual personality (features of the Russian text by author of Turkic origin). Astana: CBO i MI publ. Print. (In Russ.).
3. Bakhtikireeva, U.M., and V.P. Sinyachkin. 2016. From the study of the content of the linguistic consciousness of the people to the study of the individual characteristics of a separate linguistic personality. Questions of psycholinguistics 2 (28): 56–63. Print. (In Russ.).
4. Leiderman, N.L. Post-realism: a theoretical essay. 2004. Yekaterinburg: UGPU publ. Print. (In Russ.).
5. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and King J. 2017. Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 116–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121>
6. Tlostanova, M.V. 2004. [Live never, write from nowhere. Post-Soviet literature and aesthetics of transculturation.] Moscow: URSS publ. Print. (In Russ.).
7. Canagaradjah, S. 2016. Multilingual pedagogy in the neoliberal times: clearing the territory and planning forward movement. Social and Humanitarian Sciences in the Far East 2 (50): 10–21. Print. (In Russ.).
8. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print.
9. Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. Translingualism and revitalization of culture // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 8 (1): 57–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63> Print. (In Russ.).
10. Valikova, O. 2021. “In search of an Interlocutor”: Interview with Bakhyt Kairbekov. Part One, or the Main Hypostasis. The Poet”. Polylinguality and Transcultural Practices 18.1: 67–79. WEB. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79>

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных студентов, МГИМО Университет. E-mail: l.dianova56@mail.ru

Bio Note:

Ljudmila P. Dianova is a PhD in Philology, Assistant Professor, Chair of the Russian Languages for Foreign Students, Moscow State Institute of International Relations University. E-mail: l.dianova56@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-535-547
EDN: TFZKIN

Научная статья

Трансформация национальных архетипов в новом социокультурном коде эпохи в новеллах М.А. Шолохова и И.Э. Бабеля 1920-х гг.

А.В. Подобрий , А.В. Свиридова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Российская федерация, 455080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69
 podobrij@yandex.ru

Аннотация. Проблема взаимодействия разных культур в современном мире стоит очень остро. Она связана не только с поликультурным пространством России. Любая страна мира вынуждена решать сложную задачу: как обеспечить максимально благополучное и плодотворное сосуществование и сотрудничество представителей разных национальностей в границах государства и национального языка. Культура, литература решают схожую проблему. Интерес к «поликультурному полю» русской литературы начал активно формироваться еще в XIX в., но наивысшей точки своего развития он достиг в 1920-е гг. на «сломе эпох», в момент формирования нового социокультурного кода эпохи. В литературе послереволюционных лет шла активная работа не только по формированию нового мировоззрения, но и созданию новой социальной и межнациональной культуры, использовались максимально понятные и значимые для читательской аудитории маркеры этой культуры, т.е. нового кода эпохи, значительно отличающегося от прежнего. Рассмотрены изменения одного из ключевых архетипов национального сознания — образ женщины-матери — под влиянием новых социальных отношений и отражение этого феномена в прозе Шолохова и Бабеля.

Ключевые слова: пограничная литература, социокультурный код эпохи; диалог культур, послереволюционная литература

История статьи: поступила в редакцию 08.03.2023; принята к печати 14.05.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Подобрий А.В., Свиридова А.В. Трансформация национальных архетипов в новом социокультурном коде эпохи в новеллах М.А. Шолохова и И.Э. Бабеля 1920-х гг. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 535–547. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-535-547>

© Подобрий А.В., Свиридова А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Transformation of National Archetypes in the New Socio-Cultural Code of the Epoch in the Novels by M. Sholokhov and I. Babel of the 1920s

Anna V. Podobriy , Anna V. Sviridova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
Lenin Ave., Chelyabinsk, 69455080, Russian Federation

 podobrij@yandex.ru

Abstract. The problem of interaction of different cultures in the modern world is very acute. It is connected not only with the multicultural space of Russia. Any country in the world is forced to solve a difficult task: how to ensure the most prosperous and fruitful coexistence and cooperation of representatives of different nationalities within the borders of the state and the national language. Culture and literature solve a similar problem. Interest in the “multicultural field” of Russian literature began to be actively formed in the XIX century, but it reached its maximum point of development in the 1920s at the “breaking of epochs”, at the time of the formation of a new socio-cultural code of the era. In the literature of the post-revolutionary years, there was active work not only on the formation of a new worldview, but also on the creation of a new social and international culture, using the most understandable and meaningful markers of this culture for the readership, i.e. a new code of the era, significantly different from its predecessor. In the article we will consider how dramatically one of the key archetypes of national consciousness (the image of a mother woman) has changed under the influence of new social relations and how this phenomenon has been reflected in the prose of Sholokhov and Babel.

Key words: border literature, sociocultural code of the epoch; dialogue of cultures, post-revolutionary literature

Article history: received 08.03.2023; accepted 14.05.2023

Conflict of interests: none

For citation: Podobriy, A.V., and A.V. Sviridova. 2023. “Transformation of National Archetypes in the New Socio-Cultural Code of the Epoch in the Novels by M. Sholokhov and I. Babel of the 1920s”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 535–547. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-535-547>

Введение

Понятие социокультурного кода одним из первых ввел в социологическую теорию М.К. Петров в работе «Язык, знак, культура» [1], полагая, что и сама культура, и ее феномены — не что иное, как обширный социальный текст. Этот термин до сих пор активно используется в социологии и философии. С учетом ориентированности современной

гуманитаристики на междисциплинарность произошло заимствование данного понятия филологией. Научный концепт «социокультурный код» в настоящее время используется в различных областях филологии: теории медиадискурса, межкультурной коммуникации, политической лингвистике [2–4]. Тем не менее его применение в литературоведении достаточно ограничено [5; 6].

Литература — это не только часть культурного наследия нации, не только инструмент идеологии, но и слепок общества, его идей, ценностей, стиля. Именно в литературе закрепляется «философия нации», и именно литература фиксирует, как эта философия меняется под влиянием политических, культурных и пр. воздействий. Естественно, что особенно активно это происходит на сломе эпох (причем это может быть как упадком, как в 1990-е гг. в силу утраты веры, идеологии обществом вообще, так и подъемом, как в 1920-е гг., при смене политического курса, но при сохранившейся старой идеологии, например, у эмигрантов и пришедшей ей на смену новой, большевистской, продуманной и четко проводимой новой властью).

Если обратиться к послереволюционной эпохе, послереволюционной литературе, то надо заметить, что одной из ее составляющих был особый интерес к межнациональным отношениям. Наверное, поэтому литература 1920-х гг. была одним из образцов «пограничной литературы» (Н.Л. Лейдерман) [7. С. 50], где средствами русского языка раскрывался мир «чужой», самобытной национальной культуры. Но при этом особый интерес вызывали и попытки национальных писателей вступить в диалог с русским читателем.

Диалоговые отношения могут строиться не только между разными национально-культурными традициями в рамках одного языка, но и между национальной культурой и субкультурой, сложившейся в определенной сословной или профессиональной среде или в территориальном ареале.

Одной из таких уникальных субкультур было казачество.

Материалы и методы

Исследование выполнено на материале произведений советских писателей 1920-х гг., в чьем творчестве наиболее ярко проявились черты пограничной литературы, с одной стороны, а с другой — освещение и осознание ярчайшей из субкультур — казачества.

Методологической основой исследования стал метод концептуального анализа, метод контекстного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, способствующий выявлению универсальных и национально обусловленных особенностей концепта «женщина-мать» в русскоязычной литературе.

Обсуждение

М. Шолохов, хоть и не был казаком по рождению, но жил среди казаков, прекрасно знал их быт и нравы. Он один из немногих писателей того времени, кто заговорил о трагедии казака, о разрушении семьи, век от века заведенного быта, о крушении культурных и социальных устоев казачьего общества.

Мир «Донских рассказов»¹ — это жестокий мир противодействия старых культурных установок и нового социального порядка, это мир, в который с кровью и болью входит культура советская. «Диалог» между ними идет по водоразделу жизнь / смерть. В одном случае, держась старых традиций, защищая свое право быть особенными, казаки гибнут, ибо противостоят новой власти, стремившейся их «рассказывать»; с другой стороны, выступая за идеалы революции, казак идет против исконного, против глубинных архетипических установок, несущих в себе этические и моральные нормы, а значит, губит себя иногда в прямом смысле слова («Родинка»), иногда теряет даже человеческий облик («Семейный человек», «Коловерть»).

Революция разрушила не только быт станичной семьи, она посягнула на искоренение или изменение архетипов сознания казака, на то, что составляло самобытность казацкой субкультуры.

Глубинный архетипический образ, нашедший свое своеобразное воплощение на страницах «Донских рассказов», — образ женщины-матери. Именно с ним в большей степени связано разрушение архаичного казацкого мировоззрения, зафиксированное Шолоховым.

По обычаю казаков, женщина пользуется большим уважением и почитанием. Разговаривая с женщиной на Кругу или сходе, казак обязан стоять, при разговоре с женщиной преклонных лет снять шапку.

Казак не имеет права вмешиваться в женские дела.

Казак обязан оберегать женщину всеми силами и средствами. Защищать ее, отстаивать ее честь и достоинство — этим он обеспечивает будущее своего народа².

Но эти древнейшие правила в новую эпоху потеряли свою значимость, обесценились. Озлобление достигает такого предела, что женщина, мать становится лишь преградой, мешающей свершиться «праведной» расправе. Более того образ матери, ранее непосредственно связанный с жизнью, стал восприниматься в совсем другой ипостаси — смерти.

Например, в «Бахчевнике» Анисим Петрович настолько рад новому назначению, что «выдает» старшему сыну Федору планы по аресту его друзей-комсомольцев, причем арестовать собираются не казаков, а мужиков:

¹ Здесь и далее названия произведений и цитаты приводятся по: *Шолохов М.А.* Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1985.

² Права и обязанности казака // Официальный сайт Донского казачьего войска. Режим доступа: <http://www.ckw.ru/ideology/prava>

портного Егорку и кузнеца Громова. Для Анисима Петровича дружба сына с «краснопузыми» — удар в самое сердце, нарушение казачьей чести, поэтому он, не задумываясь, готов убить и сына.

Матери дороги ее дети, и она готова пойти против воли мужа, лишь бы спасти их жизнь. Поэтому она принимает самое активное участие в сборах Федора, решившего бежать к красным.

До вечера суетилась мать. Из сундука достала связку сушеной рыбы, насыпала в сумку сухарей, потом присела у окна, латая Федорово белье. Проходя мимо, видел Митька, как мать, голову уткнувшая в ворох белья, сидит неподвижно, лишь плечи у нее под рваной синей кофтенкой судорожно сходятся и расходятся. («Бахчевник»)

Мать понимает и Митьку, когда он просит испечь пышек для пленных, ибо осознает, что и ее сын может оказаться в такой же ситуации. Мать переживает братоубийственное противостояние как нечто противоестественное. Более того, она становится буквально мученицей и жертвой конфликта между мужем и сыном: ее зверски убивает Анисим.

Ненависть Анисима Петровича переходит все мыслимые границы. Не случайно Шолохов очень точно разводит по разным полюсам мать и отца Федора и Митьки. Отец то суров, то весел, мать всегда тиха, молчалива. Мать целый день суетится по хозяйству, отец пропадает в трибунале. Мать убирает, стирает, штопает, а отец в сапогах заваливается на кровать, изо рта его «стервятно разит спиртом». Мать — святая мученица за своего и чужих сыновей, воюющих друг с другом. Отец — палач, мучитель. Мать погибает, отец — живет.

В «Коловерти» мать также становится заложницей взаимной ненависти сыновей. Но писатель показал уже не отчуждение мужа от жены, а отчуждение сына от матери. Приехал Михаил домой не как сын, а как начальник. Отсюда и отношение к родным совсем даже не родственное. Мать, увидев сына,

коромысло с ведрами кинула, шею охватила, губами высохшими губы не достает, на груди бьется и ясные пуговицы и серое сукно целует». А сын — «отодвинулся слегка, улыбнулся, как варом в лицо матери плеснул. («Коловерть»)

И материнский крик: «Сыночек!.. Мишенька!.. А я-то как же?.. Всех вас одной грудью кормила, всех одинаково жалко», — оставляет Крамскова равнодушным. Отчуждение достигло предела. Даже родственные связи, более того, кровные, не держат казака, и он отрекается от родных, от матери.

Такая же страшная ситуация выбора между родством по крови и родством по вере показана в «Шибалковом семени». Шибалок убивает Дарью, только

что родившую ему сына, потому что братья-товарищи «головы поклали через ее изменничество». Его не остановило даже то, что ребенку нужна мать; то, что врагом становится не мужчина-воин, а беззащитная женщина. Яков совершает убийство как акт искупления своей вины (не распознал в жене бандитскую шпионку). В тот момент у Шибалка «отключились» все давнейшие запреты на убийство безоружного, женщины, матери. Писатель показывает, как атрофируются в казаке не только родственные чувства, но и глубинное, родовое уважение к казачке, дающей жизнь, как под влиянием идеологического размежевания между мужчинами заложником их противоречий становится женщина.

Интересно, что Шолохов зафиксировал в одной из своих юмористических новелл, как воспринимают казаки-мужчины восстановление казачкой своих женских исконных прав. В рассказе «О Колчаке, крапиве и прочем» в центре повествования — обращение казака в суд по поводу «обхождений, какое со мною произвели граждане. Да кабы граждане — еще пол-обида, а то бабы!». Сам факт жалобы мужчины-казака на женщину, совершившей над ним «насилие», уже вызывает улыбку. Но в основе противостояния хуторских женщин и казаков лежит глубокое противоречие: по закону муж должен уважать жену, женщину, но избивание жен практиковалось казаками в каждой семье. Когда же казачки «восстали» против такой несправедливости, удивлению их мужей не было предела. Более того, казаки не пускали женщин на собрания, сходки, не допускали их к управлению жизнью хутора или станицы. Новая власть провозгласила равноправие между полами. Казаки же в силу своей культурно-сословной «памяти» признавать этот факт не хотели.

Рассказчик — один из многих хуторских казаков, от кого ушла жена, чтобы создать свою коммуну, свободную от деспотизма мужчин. Он искренне не может понять, почему вдруг случился такой переворот в головах женщин, а давно налаженная жизнь дала трещину: «собралось их там [женщин] штук восемь, обитаются табором, да и баста, а мы с хозяйством гибнем: хошь — паши не емши, хошь — ешь, а не паши, хоть — в петлю с ногами лезь».

Характерно, что казачки не нарушили ни одного положения из древнейшего устава казачьей жизни. «Казачки могут создавать любые объединения внутри общества, не противоречащие принципам православия и Уставу общества, в которые казак, старик или атаман не имеют права вмешиваться без просьбы женщин»³. Поэтому хуторским казакам и не остается ничего иного, как идти к женщинам на поклон. Но многовековая привычка верховодить сыграла в рассказе с Федотом-Колчаком злую шутку. Не может мужчина просить у женщины прощения, не может якобы унижаться перед ней: «Я подойду к ним наврде как делегатом и скажу, пуццай вертаются по домам: амнистия. Мол, на вас вышла». Но казачки просто выпороли парламентарера крапивой.

³ Права и обязанности казака...

Разрушаются, казалось бы, незыблемые устои казачьей жизни, и даже в такой иронической ситуации, которая легла в основу рассказа, Шолохов дает понять, что новая власть, новая идеология, новая вера «перешагнули» через патриархальные культурно-сословные устои казачества. Новая культура вступила в «диалог» со старыми жизненными установками.

И. Бабель, пожалуй, один из немногих писателей той поры, кто максимально четко зафиксировал, насколько старая национальная и новая социальная культуры оказались в противостоянии друг другу. Рисуя апокалиптическую картину гибели старого мира, писатель видит, как рождается в крови и муках новый мир, где рушатся все прежние устои и моральные запреты. Так и архетипический образ женщины претерпевает разительные изменения в сознании казака. Для еврея Лютова такое искажение невозможно, хоть он и пытается всеми силами принять новый миропорядок, а вот для героев его новелл (как казаков, так и хасидов) — это реалии времени. Для еврея женщина — это прежде всего «дающая жизнь», но в «Конармии»⁴ образ женщины тесно переплетен с образом смерти. Это видно в первой же новелле цикла «Переход через Збруч».

Только в одной новелле «Пан Аполек», казалось бы, образ женщины связан с мотивом деторождения, а значит, жизни. Но новое время внесло в традиционный библейский сюжет свои коррективы, сформировав своего рода апокриф.

Рассказ о юродивом художнике предваряет пафосный монолог рассказчика: «...Среди скрюченных развалин, судьба бросила мне под ноги укрытое от мира Евангелие». Лютов оказался окружен «простодушным сиянием нимбов» и вдруг понял, глядя на этих «...Иосифов с расчесанной надвое сивой головой, напомаженных Иисусов, многорожавших деревенских Марий», что перед ним не жертвы насилия, а символы святости, которые не смогла победить даже католическая церковь, но смог разглядеть и запечатлеть Аполек.

Эта новелла стала тем водоразделом, который был проложен между ветхозаветной моралью непримиримости и ощущения избранничества («сладость мечтательной злобы, горькое презрение к псам и свиньям человечества, огонь молчаливого и упоительного мщения») и новым обетом. «Слово „евангелие“, упомянутое в первой части по отношению к учению Аполека, позволяет до известной степени понять направление новой ориентации рассказчика — на Новый завет», — считает И. Есаулов [8. С. 121].

Но это замечание, как нам кажется, не вполне соответствует действительности. Аполек создает *апокрифическое* Евангелие — пятое (не случайно и рассказ о художнике в цикле пятый), более того, мы можем говорить о том, что

⁴ Здесь и далее названия произведений и цитаты приводятся по: *Бабель И.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990.

и Бабель создает апокриф: новый *третий Завет*, где мессией выступает Пан Аполек. Аллюзии с библейским текстом лежат едва ли не на поверхности, но еще более заметна полемика с Новым Заветом. Библейская символика, включенная в реалии нового времени, — еще один способ введения инонационального элемента в русскоязычный текст. Бабель последовательно строит свое повествование, свой «Завет» таким образом, что он оказывается «промежуточным» между Ветхим и Новым, а привычные образы приобретают новое истолкование.

Вместе с гибелью Иоанна погиб и традиционный библейский мир, ибо в «Евангелии от Аполека» четко говорится, что после акта совокупления Иисуса и Деборы Иисус «удалился в пустынную страну, на восток от Иудеи, где ждал его Иоанн» («Пан Аполек»). Но эта встреча, по логике событий, не состоялась, так как Иоанн уже был мертв. Поэтому нигде в бабелевском тексте Иисус не именуется Христом.

Предтеча — фигура промежуточная между двумя каноническими Заветами и центральная для третьего — апокрифического — Завета Бабеля. «Некрещенность» Иисуса умаляет значение Нового Завета, так и не принятого иудеями, и Христа как мессии. Точно заметил И. Есаулов, что в «завете» Бабеля «...отменяется Богоявление. Онтологическая реальность Иисуса Христа при этом вовсе не подвергается сомнению, но художественно он трансформируется из Мессии в приватное лицо хасидского толка» [8. С. 121]. Иисус не обожествляется, а, скорее, очеловечивается.

Десакрализация образа Христа и акта его союза с Деборой возвращают нас не к духовному, а к плотскому началу: у Иисуса родился ребенок, тем самым «обожествление земного человека, характерное для икон-картин Аполека, имеет метафизическое оправдание: каждый живущий на земле человек может, с этой точки зрения, оказаться прямым (кровным) потомком Христа» [8. С. 121]. А праматерью человечества становится Дебора, а не Магдалена.

Более того, «телесность» союза Иисуса с Деборой находит свое прямое продолжение в «союзе» женщин Конармии (в тексте нам представлена только одна «полковая дама» Сашка) с носителями новых духовных истин — казаками.

В «Дневнике» Бабель записал:

О женщинах в Конармии можно написать том. Эскадроны в бой, грохот, обнаженные шашки, неистовая ругань, они с задравшимися юбками скачут впереди, пыльные, толсто-грудые. Все б..., но товарищи, и б... потому, что товарищи, это самое важное, обслуживают всем, чем могут, героини, и тут же презрение к ним...

Бабель сознательно проводит своеобразную историческую и культурную параллель между разными эпохами, снова подчеркивая тем самым библейскую мудрость о повторяемости всего в мире. Даже «акт

крещения», вхождения в «Новый завет» в «Конармии» есть, правда он маркируется символами другой (казацкой) культуры и другого (не библейского) сознания.

Новелла «Сын рабби» и сюжетно, и идейно продолжает новеллу «Рабби». Илья уже на пороге смерти. Мы узнаем, что он красный командир (командовал сводным полком), коммунист. Он «взбунтовался» против отца, точнее, против его учения, и лишь мать удерживала его в доме.

У Бабеля мать — символ семьи, жизни. Сын Илья постоянно держит ее в мыслях. Любовь к матери вынуждает его повременить с полным разрывом с отцом и его учением, но ненадолго. Это, казалось бы, соотносится со словами Гедали о бессмертии души матери, но Гедали ошибся: для коммуниста Ильи «мать в революции — эпизод» («Сын рабби»). Эпизод только потому, что он отошел от старого учения, он отринул национальное в угоду социальному.

Бабель дает понять, что смерть Ильи — неизбежность. Она и насильственная (война убила солдата), и естественная: Илья ушел от родной веры и принял другую, чуждую ему (едва ли не парафраз крещения иудея).

Характерно, что в цикле нет ни одной новеллы, где речь бы шла (в прямом, не метафорическом смысле) о смерти матери: убивают седобородых старцев («Путь в Броды», «Берестечко», «Переход через Збруч»); «мимоходом» расстреливают монаха Ромуальда («Костел в Новограде») и пленных поляков («Их было девять»); добивают раненого («Смерть Долгушова»), гибнут казаки в бою. Физической смерти матери в новеллах нет, но есть смерть, которая сопровождает образ женщины.

Для казака, как и для всех других людей, Мать — святое. Но «обманную», мать-мешочницу не задумываясь, Балмашов «бьет из винта»; а «поддельный» казак Лютов бьет кулаком в грудь старуху («Мой первый гусь»), чтобы быть похожим на буденовцев. Прищепа, мстя за гибель семьи, оставляет после себя «подколотых старух» («Прищепа»); Трунов за обман («Фабричная у тебя matka») убивает польского юношу и пр.

Это происходит от того, что образы женщины и матери у казаков разные. Мать — земля, сосуд с жизнью. Женщина же вообще не обожествляется:

Но оборотись к казакам, женщина, которые тебя возвысили как трудящуюся мать в республике. Оборотись на этих двух девиц, которые плачут в настоящее время, как пострадавшие от нас этой ночью. Оборотись на жен наших на пшеничной Кубани, которые исходят женской силой без мужей, и мужья, то же самое одинокие, по злой неволе насильничают проходящих в их жизни девушек... («Соль»),

воспринимается в одном ряду с привычными категориями, сопровождающими жизнь: «нас потрясали одинаковые страсти. Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, по которому ходят женщины и кони» («История одной лошади»).

Для еврейской культуры с ее сакральным отношением к Женщине оказывается чужд образ женщины-товарища. Для казацкой — с ее постоянным движением вдали от дома — весьма символичным. Вполне приземленное, плотское отношение к женщине «компенсируется» у казака трепетным отношением к Коню.

Образ матери несет сходное значение во всех национальных культурах. Поэтому в один смысловой ряд включены Бабелем мать Васьки Курдюкова («Письмо»), мать Ильи Брацлавского («Рабби», «Сын рабби») и мать Сашки Христа («Сашка Христос»).

С одной стороны, образ Матери всегда ассоциировался с домом, покоем, с другой стороны, оказалось, что в новое время «мать в революции — эпизод»: Сашка Христос предает свою мать, чтобы самому получить желаемое — стать пастухом; Илья предает свою мать, чтобы уйти на фронт, ибо новой матерью ему стала революция; Васька совершенно безразличен и к душевным, и физическим переживаниям матери. Это происходит, наверное, потому, что новой МАТЕРЬЮ стала для них революция.

Но и в «неказачьих» новеллах Бабеля этого периода заметно снижение (если не уничтожение) сакральности образа женщины-матери. Это хорошо видно в «Одесских рассказах», где писатель последовательно строит топос уникальной одесской субкультуры, большей частью которой являлись еврей-бандиты. В каждом из рассказов цикла ощущение свободы, раскованности, праздника, на первый взгляд доминирует: свадьба Бени, свадьба его сестры, торжественный выезд налетчиков в публичный дом, «сватовство» Каплуна к Баське, «обмывание» удачной сделки Любкой Казак и т.д. Бандиты раскрашены, как попугаи, в их руках «дружелюбные браунинги» и стреляют они в воздух, потому что «если не стрелять в воздух, то можно убить человека».

Однако сложно не заметить, что возвышение Крика строилось на чужих жизнях, на пренебрежении всеми законами. Страшно то, что Бенья нарушает Законы Талиона последовательно и сознательно. «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь» [Втор.: 5; 16], а Бенья и Левка изуродовали собственного отца; «не убивай» [Втор.: 5; 17], но убит Мугинштейн, а потом и его убийца Савка Буцис; «не прелюбодействуй» [Втор.: 5; 18], однако Бенья не чурается публичных женщин; «не кради» [Втор.: 5; 19]; «не желай... всего, что есть у ближнего твоего» [Втор.: 5; 21] — эти законы Бенья вообще игнорирует.

Наверное, можно сказать, что отступничество одного человека от Закона, это еще не гибель Закона, лежащего в основе культуры еврея, но Бабель не случайно заканчивает цикл рассказом «Любка Казак». Нет в еврейской морали ничего страшнее, чем мать, бросившая свое дитя. Любка думает о сыне «как о прошлогоднем снеге». И старый еврей Цудечкис становится своеобразной заменой матери для маленького Давида. Интересно, что фамилия Любки Шнейвейс (Белоснежка) заменена на кличку — Казак. Нахрапом

Любка берет все преграды в борьбе за контрабанду, даже материнство она променяла на деньги, отсюда и прозвище.

И тем не менее тема материнства пронизывает рассказы Бабеля. Но сакральный смысл, заложенный в эти акты, теряет у Бабеля свою значимость, превращаясь в пародию. Во всех новеллах цикла образуются своеобразные пары. В «Короле» Двойра Крик, огромная и некрасивая и «щуплый мальчик»-муж. В «Как это делось в Одессе» тетя Песя и Тартаковский. В «Отце» Баська, «женщина исполинского роста», и Соломончик Каплун. В «Любке Казаке» огромная Любка и маленький Цудечкис. Только во второй новелле пары поменяны: Тартаковский — огромный, «ростом он был выше самого высокого городского в Одессе, а весу имел больше, чем самая толстая еврейка», а тетя Песя — маленькая сморщенная старушка. Эти пары составлены не случайно.

В еврействе одна из главных ценностей — мужское семя. Женщина не дает этому семени пропасть, поэтому в еврейской культуре характерно преклонение перед женщиной, отведение ей главной роли в процессе деторождения и воспитания ребенка. Поэтому многие женщины у Бабеля изображаются как огромные самки, например:

с одного бока тети Песи находились куриные торговки со Старого базара, а с другого бока находились почетные молочницы с Бугаевки, завероченные в оранжевые шали. Они топали ногами, как жандармы на параде в табельный день. От их широких бедер шел запах моря и молока («Как это...»);

беременные женщины сидели с ней рядом; груди холста ползли по ее раскоряченным могущественным коленям; беременные бабы наливались всякой всячиной, как коровье вымя наливается на пастбище розовым молоком весны... («Отец»);

сквозь закопченные двери било тучное пламя, пьяное и пухлое пламя. В его дымных лучах пеклись старушечьи лица, бабьи тряские подбородки, замусоленные груди. Пот, розовый, как кровь, розовый, как пена бешеной собаки, обтекал эти груди разросшегося, сладко воняющего человеческого мяса («Король»).

Женщина в еврейской традиции — сосуд для мужского семени, земля. Но как только женщина оказывается неспособной к зачатию новой жизни, она теряет свои необъятные размеры. Так у Бабеля описана тетя Песя, хоронящая сына, и «восьмидесятилетняя Рейзл, традиционная, как свиток Торы, маленькая и горбатая» («Король»).

Но, увы, огромная Двойра не способна к деторождению из-за базедовой болезни, и ее муж становится лишь своеобразной сексуальной игрушкой.

Одна только Двойра не собиралась спать. Обеими руками она подталкивала оробевшего мужа к дверям их брачной комнаты и смотрела на него плотоядно, как кошка, которая держит мышь во рту... («Король»).

Баська Грач не может иметь детей от Соломона Каплуна, потому что «грандиозная дама» мадам Каплун «не хочет» ее отца, Крик же свое семя расходует на проституток (причем русских). У Любки пропало молоко, ибо «дело»

для нее оказалось важнее ребенка. Финалом рассказа «Отец» служит жуткая сцена, опошляющая сам акт совокупления и любви: «Парни тащили тогда девушек за ограды, и поцелуи раздавались на могильных плитах» («Король»). Самое святое и священное для еврейства попрано, разбито, опошлено.

Заключение

Традиционный для всех культур архетип женщины-матери в новую эпоху революционных изменений претерпел разительные изменения (как и многие другие), и это запечатлели писатели постреволюционной литературы. Прежде всего, образ матери потерял сакральные черты, потому что функцию новорождения для человека эпохи коренных изменений стала играть революция, «подарившая», «родившая» новую социальную реальность. Таким образом, можно констатировать тот факт, что уже в первые послереволюционные годы формируется новый социокультурный код эпохи с новыми (уже не национально-культурными, а социальными) архетипами сознания.

Список литературы

1. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991.
2. *Сидорова Т.А.* Социокультурный код как фактор интерпретации производных от имен собственных в политическом дискурсе // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сб. ст. по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». Нижний Новгород, 2019. С. 167–175.
3. *Астафьева И.Е.* «Социокультурный код» как научная категория: методологический потенциал использования // Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М.А. Бонч-Бруевича. 2019. № 11. С. 118–125.
4. *Зотова А.С.* Поликодовый текст как инструмент формирования социокультурного поля в бренд-коммуникации // Слово. Текст. Источник: методология современного гуманитарного исследования: Материалы II Международной научной конференции. М., 2023. С. 292–299.
5. *Маринина Е.В.* Социокультурные коды в романе Джулиана Феллоуза «Тени прошлого» // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. научн. трудов. М., 2023. С. 201–206.
6. *Рензенко А.Ю.* Текстологическая парадигма социокультурных кодов, реальности и бытия: теоретико-культурный подход // Казанская наука. 2023. № 4. С. 40–42.
7. *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Екатеринбург: Урал. госпед. ун-т, 2005.
8. *Есаулов И.* Этическое и эстетическое в поэтике И.Э. Бабеля («Пан Аполек»). М.: РГГУ, 1993.

References

1. Petrov, M.K. 1991. Language, sign, culture. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
2. Sidorova, T.A. 2019. Sociocultural code as a factor in the interpretation of derivatives from proper names in political discourse. In National codes in language and literature. Modern languages in new conditions of communication. Collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference “National codes in language and literature”. Pp. 167–175. Print. (In Russ.).

3. Astafieva, I.E. 2019. “Socio-cultural code” as a scientific category: methodological potential of use. *Bulletin of the Faculty of Humanities of the St. Petersburg State University of Telecommunications* 11: 118–125. Print. (In Russ.).
4. Zotova, A.S. 2023. Polycode text as a tool for the formation of a socio-cultural field in brand communications. In *Slovo. Text. Source: Methodology of Contemporary Humanitarian Research. Proceedings of the II International Scientific Conference. Moscow, 2023. N. Novgorod*, pp. 292–299. Print. (In Russ.).
5. Marinina, E.V. 2023. Sociocultural codes in Julian Fellowes’s novel “Shadows of the Past”. In *Language. Culture. Translation. Communication. Collection of scientific papers. Moscow, 2023*. Pp. 201–206. Print. (In Russ.).
6. Renzenko, A.Yu. 2023. Textological paradigm of socio-cultural codes, reality and being: theoretical and cultural approach. *Kazan science* 4: 40–42. Print. (In Russ.).
7. Leiderman, N.L. 2005. “Russian-language literature” is a crossroads. In *Russian literature of the XX–XXI centuries: directions and trends. Yekaterinburg: Ural State University publ.* Print. (In Russ.).
8. Esaulov, I. 1993. Ethical and aesthetic in the poetics of I.E. Babel (“Pan Apolek”). *Moscow: RGGU publ.* Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Подобрий Анна Витальевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе, ЮУрГГПУ. E-mail: podobrij@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6241-3917

Свиридова Анна Валерьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе, ЮУрГГПУ. E-mail: sviridovaav2@cspu.ru
ORCID: 0000-0002-9421-5170

Bio Notes:

Anna V. Podobriy is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Methods of Teaching Russian Language and Literature, SUSGPU. E-mail: podobrij@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6241-3917

Anna V. Sviridova is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Methods of Teaching Russian Language and Literature, SUSGPU. E-mail: sviridovaav2@cspu.ru
ORCID: 0000-0002-9421-5170

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-548-566

EDN: SRBUWE

Научная статья

Концепт «Агнец Божий» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») в английских, немецких и русских переводах Евангелия от Иоанна

И.А. Казанцев

Тюменский государственный университет

Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Володарского, д. 6

✉ i.a.kazancev@utmn.ru

Аннотация. Интерпретация библейских концептов является сложной переводческой проблемой, решение которой методом буквального перевода не представляется удачным. Поиск соответствий в культуре народа, на язык которого выполняется перевод, не всегда отличается системностью. Комплексное решение данной проблемы возможно в рамках концептуальной теории метафоры, которая позволяет переосмыслить процесс перевода библейских концептов. В статье рассматривается реализация концепта «Агнец Божий» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») в переводах Евангелия от Иоанна на английский, немецкий и русский языки в свете современных исследований концептуальной теории метафоры. Цель исследования — проанализировать степень реализации концепта «Агнец Божий» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») в переводах Евангелия от Иоанна. В работе применяется метод MIPVU для выявления метафоры в оригинальном тексте Евангелия от Иоанна, а также методы анализа и синтеза для оценки адекватности перевода концепта «Агнец Божий» в контексте библейского концептуального поля. В результате исследования было выявлено, что в английских, немецких и русских переводах Евангелия от Иоанна не в полной мере реализован концепт «Агнец Божий» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») оригинального текста. Отсутствие отдельной лексической единицы приводит к смешению в переводах «Агнца» («ἀμνός») из Евангелия от Иоанна и «Агнца» («ἀρνίον») из Апокалипсиса, что искажает смысл переводов. Применение метода MIPVU для выявления метафор в библейском тексте, а также комплексный подход к переводу библейских концептов является малоизученным направлением в современном переводоведении и нуждается в развитии. Современные достижения в области теории метафоры позволяют создавать новые переводы Библии, доступные читателям, незнакомым с библейским концептуальным полем.

Ключевые слова: Агнец Божий, ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ, метафора, концепт, MIPVU, библейские концепты, переводы Библии

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

© Казанцев И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-44157 «Теология» «Библейские концепты: новый подход к изучению священных текстов».

Для цитирования: *Казанцев И.А.* Концепт «Агнец Божий» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») в английских, немецких и русских переводах Евангелия от Иоанна // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 548–566. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-548-566>

Research Article

The concept of “the Lamb of God” («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») in English, German and Russian translations of the Gospel of John

I.A. Kazantsev

University of Tyumen
Russian Federation, 625003, Tyumen, Volodarskogo Street, 6
✉ i.a.kazancev@utmn.ru

Abstract. The interpretation of biblical concepts is a complex translation problem, the method of literal translation cannot solve it. The search for lexical matches in the target language is not always systematic. A comprehensive solution to this problem is possible within the framework of the conceptual theory of metaphor, which allows you to rethink the process of translating biblical concepts. The article explores the implementation of the concept «the Lamb of God» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») in the translations of the Gospel of John into English, German and Russian in the light of modern research on the conceptual theory of metaphor. The purpose of the study is to analyze the degree of implementation of the concept «the Lamb of God» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») in translations of the Gospel of John. The work uses the MIPVU method to identify metaphors in the original text of the Gospel of John, as well as methods of analysis and synthesis to assess the adequacy of the translation of the concept «the Lamb of God» in the context of the biblical conceptual field. As a result of the study, it was revealed that in the English, German and Russian translations of the Gospel of John, the concept of the «the Lamb of God» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») of the original text is not fully implemented. The absence of a separate lexical unit leads to confusion in the translations of the «Lamb» («ἄμνος») from the Gospel of John and the «Lamb» («ἀρνίον») from the Apocalypse, which distorts the meaning of the translations. The application of the MIPVU method to identify metaphors in the biblical text, as well as an integrated approach to the translation of biblical concepts, is a developing direction in modern translation studies. Modern advances in the field of metaphor theory make it possible to create new translations of the Bible that are accessible to readers who are not familiar with the biblical conceptual field.

Key words: Lamb of God, ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ, metaphor, concept, MIPVU, biblical concepts, Bible translations

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

Funding: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project 21-011-44157 “Theology” “Biblical concepts: a new approach to the study of sacred texts”.

For citation: Kazantsev, I.A. 2023. “The concept of ‘the Lamb of God’ (κό ἀμνὸς τοῦ θεοῦ) in English, German and Russian translations of the Gospel of John”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 548–566. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-548-566>

Введение

В основе библейских метафор лежат концепты, понятные людям определенной культурной и религиозной традиции. Ветхозаветная история израильского народа, религиозные нормы иудаизма и особенности ведения хозяйства во многом определяют библейское концептуальное поле. Реализация каждого отдельного концепта в библейских переводах должна осуществляться с учетом контекста всего библейского текста.

При переводе Библии на различные языки необходимо, прежде всего, определить, является ли данный концепт метафорой или нет. В том случае, если является, необходимо определить его смысловое содержание в контексте всей Библии. После этого нужно найти наиболее близкое соответствие этого концепта в культуре народа, на язык которого выполняется перевод, и только в последнюю очередь подобрать подходящий концепт в языке перевода. При этом необходимо учитывать, что перевод одного отдельно взятого концепта должен быть включен в концептуальное поле всего библейского текста на языке перевода.

Предметом исследования в данной статье является концепт «Агнец Божий» (κό ἀμνὸς τοῦ θεοῦ), который дважды встречается в Евангелии от Иоанна. Реализация этого концепта в библейских переводах имеет целый ряд сложностей. Для иллюстрации преодоления данных трудностей можно привести два интересных примера.

В переводе этого концепта на туркменский язык, в котором существует более дробная классификация детенышей овцы, для обозначения «ягненок» используются технические термины «tokly» («молодая овца») и «guzy» («ягненок примерно годовалого возраста»), которые повсеместно используются в туркменском переводе Ветхого Завета, но в переводе Евангелия от Иоанна переводчики решили использовать совершенно другое слово. Иисус был принесен в жертву как агнец, чтобы взять на себя грехи мира, поэтому команда переводчиков решила несколько изменить концепт в переводе Евангелия от Иоанна. М.Н. де Ланг объясняет мотивы переводчиков: «Поскольку термин “tokly” считался слишком техническим для обозначения „Агнца Божьего“, они выбрали очень общий термин “janly” („жертвенное животное“») [1. С. 149–150]¹. В данном примере отражена совершенно оправданная замена концепта «агнец» на концепт «жертвенное животное»,

¹ Здесь и далее перевод автора.

но при этом была утрачена связь с ветхозаветным текстом, что нельзя признать бесспорным решением переводческой проблемы. Именно по этой причине, а также по просьбе местных евангельских церквей, слово “janly” позже было заменено на “guzy”.

Сложнее складывается ситуация при переводе Библии на папуасские языки в Индонезии, где до контактов с западной культурой люди не знали о существовании овец. Основным животным в папуасской культуре тогда и по сей день является свинья. Свинья предлагается в качестве животного, поддерживающего мир между враждующими семьями, она является символом богатства и неотъемлемой частью рациона папуасов, что на смысловом уровне сближает ее с овцой или бараном еврейской культуры. Миссионер и переводчик А.С. Брейк задается вопросом: «Может ли понятное слово „свинья“ (или „поросенок“ — *И.К.*) использоваться в качестве замены слова „Агнец“ (или „Ягненок“ — *И.К.*) в Евангелии от Иоанна 1, 29 для создания правильного контекстуального перевода, или это разорвет связь с концептом “ягненок” в Ветхом Завете?» [2. С. 160]. В переводах на папуасские языки переводчики не решились ввести в текст концепт «Поросенок Божий», а ввели незнакомого для папуасов «ягненка», сохранив связь с текстом Ветхого Завета, но не в полной мере реализовав концепт в языке перевода.

Более чем тысячелетняя история христианства в Европе и России сделала многие библейские концепты, в том числе и «Агнец Божий», привычными и на первый взгляд понятными. Однако в связи с тем, что европейская культура отличается от иудейской несколько иной формой животноводства и отсутствием принесения в жертву животных, данный концепт зачастую воспринимается не совсем адекватно. Ситуация усугубляется тем, что другой библейский концепт — «ἀρνίον» — переводится той же самой лексической единицей «агнец». Смысловое содержание данных концептов не одинаково, в результате чего метафора «читается» не адекватно. Отождествление Христа с ягненком, в силу частоты употребления подобного рода концептов в Ветхом и Новом Завете, порождает противоречивое восприятие личности Иисуса: как ягненка всесожжения, пасхального агнца, страдающего праведника из пророчества Исайи или торжествующего агнца книги Откровения. Определенная многозначность имеет место, но некоторые концепты имеют существенные различия.

Методы

В данном исследовании применяется процедура определения метафоры MIPVU в приложении к концепту «ὁ ἀρνὸς τοῦ θεοῦ» в оригинальном греческом тексте Евангелия от Иоанна, а именно Greek New Testament Stephanus 1550 Textus Receptus [3]. Именно с этого текста были выполнены все переводы Библии на английский, немецкий и русский

языки, начиная с XVI в. до конца XX в., когда наметилась тенденция переводить Новый Завет с критических изданий (Nestle-Aland). После определения данного концепта как метафоры производится лингвистический анализ данной лексической единицы. Далее осуществляется анализ данного концепта в контексте библейского концептуального поля. На последнем этапе исследования выполняется анализ реализации концепта в наиболее распространенных и признанных переводах Евангелия от Иоанна на английский, немецкий и русский языки в свете полученных данных. В рамках данного исследования анализируются следующие переводы Библии: английские (ASV American Standard Version 1901, BBE The Bible in Basic English 1949/64, CEB Common English Bible, CSBO Holman Christian Standard Bible (2005), DBY The Darby Bible 1884/1890, DRA The Douay-Rheims American Edition 1899, ERV English Revised Version, ESV English Standard Bible 2007, GWN God's Word to the Nations Version, KJV King James Version 1611/1769, NAB New American Bible (Revised Edition 2011), NAU New American Standard Bible with Codes (1995), NET New English Translation, NIV New International Version (US), NJB The New Jerusalem Bible, NKJ New King James Version 1982, NLT New Living Translation, RWB Revised Webster Update 1995, TNIV Today's New International Version, YLT Young's Literal Translation 1862/98, GNV Geneva Bible 1599, PNT Bishop's New Testament 1595, TNT Tyndale's New Testament 1534), немецкие (EIN Einheitsübersetzung (1980), ELB Revidierte Elberfelder (1993), ELO Unrevidierte Elberfelder (1905), HRD Herder, JAN Jantzen German Bible, SCH German Schlachter Version (1951), SCL Schlachter 2000, ZUR Zürcher Bibel 2007, 2008, MNT Münchener NT (1998) with Strong's, L45 Luther 1545 German Bible, LUO Luther Bibel (1912) with Codes (German), NLB NeueLuther Bibel, LUT Revidierte Lutherbibel (1984)) и русские (СИН Синодальный перевод, КАС Перевод епископа Кассиана (Безобразова), ПП К.П. Победоносцева, ПЛ Свящ. Леонида Лутковского, КУЛ Современный русский перевод (ИПБ им. М.П. Кулакова), НРП Новый русский перевод (Biblica), СП РБО Современный перевод РБО).

Обсуждение

Анализ концепта «Агнец Божий» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») при помощи MIPVU

Первым этапом исследования был анализ концепта «Агнец» методом MIPVU для определения того, является ли данный концепт метафорой или имеет буквальное значение. Библейские концепты, изучаемые в свете концептуальной теории метафоры, являются одним из важнейших направлений

в изучении метафор, поскольку тесно связаны с культурным, религиозным и мифологическим основанием использования метафор.

Г. Месси дает следующее определение метафоры: «Метафора понимается как процесс отображения из одной области человеческого опыта (исходной области) в другую (целевую область) с целью понимания и передачи понимания абстрактных концепций в целевой области. Отображение реализуется с помощью поверхностных метафорических выражений в лексической форме» [4. С. 43]. Все метафоры способны перемещаться из одного семантического поля в другое, оказывая на него доминирующее воздействие. А. Конделло отмечает этот аспект в категориях генетики: «Метафоры, а также поэтические метафоры, поскольку они предполагают выравнивание, которое затем позволяет ассимилировать и предсказывать атрибут в новой области, обладают эпистатическим потенциалом» [5. С. 13].

Существует разнообразная классификация метафор, но принципиальным во всех классификациях является выделение образных и концептуальных метафор. Образные метафоры, в силу своей заметности и очевидности, оказали непропорционально большее влияние на теорию метафоры, в то время как концептуальные метафоры, более тонкие и подсознательные, стали изучаться сравнительно недавно. К. Салливан выражает это различие максимально лаконично: «Когда мы используем образные метафоры, мы часто стараемся создать такую, которая была бы нова и интересна. Когда мы используем концептуальную метафору, мы обычно даже не знаем, что делаем это» [6. С. 29].

За последние четыре десятилетия когнитивная лингвистика получила научные доказательства того, что метафоры играют важнейшую роль в человеческом мышлении и общении. Х. Гомез-Морено и Ф.Р. де Мендоза утверждают: «Метафора является основополагающим и, следовательно, важным инструментом человеческого разума для генерирования и структурирования мысли и передачи ее в коммуникации» [7. С. 378]. Концептуальная теория метафоры занимается изучением «мертвых» метафор, которые утратили связь со своим исходным лексическим значением, но при этом являются базовыми элементами мышления. Н. Торнеке следующим образом определяет данную теорию: «В данной теории базовым считается предположение, что концептуальные метафоры представляют собой саму суть человеческого познания, и их влияние большей частью бессознательное или по крайней мере спонтанное» [8. С. 43–44]. Большинство библейских метафор, в силу исторических и культурно-религиозных обусловленностей, являются концептуальными метафорами для подавляющего большинства людей.

При всей очевидности существования и использования метафор имеет место проблема идентификации лексической единицы как метафоры. Для

решения этой проблемы в Свободном университете Амстердама была разработана процедура идентификации метафоры MIPVU (Metaphor Identification Procedure VU University Amsterdam), состоящая из четырех этапов, на каждом из которых происходит сравнение значения лексической единицы в контексте и ее базового значения [9. С. 5–6].

Как отмечает Аманда ВВ Нокель, несмотря на то, что MIPVU была разработана для английского языка, основные принципы процедуры вполне применимы к любому языку с учетом его особенностей и структуры [10. С. 84]. Применение MIPVU к древнегреческому языку Нового Завета имеет ряд особенностей, связанных не столько с грамматическим строем языка, сколько с характерной для этого языка полисемией. Более того, греческий язык Нового Завета имеет тесную связь с греческим переводом Ветхого Завета — Септуагинтой. Ветхозаветные тексты в Евангелиях цитируются преимущественно по Септуагинте, однако есть и целый ряд разночтений, связанных с тем, что Христос и авторы новозаветных текстов читали Ветхий Завет на еврейском языке и приводили цитаты, опираясь на него.

В российской науке сложилось критическое отношение к данной процедуре идентификации метафоры, поскольку часто возникают сложности, связанные с полисемией, характерной для многих языков. Так, например, исследователи когнитивной метафоры С.Л. Мишланова и М.В. Суворова отмечают определенную трудность при использовании MIPVU, связанную с проблемой поиска наиболее базового значения: «Данную трудность предлагается разрешать, указывая сразу несколько значений единицы в качестве базовых» [11. С. 50].

Применение MIPVU к библейским текстам представляет особый научный интерес из-за метафоричности священных текстов, полисемии древнееврейского и древнегреческого языков, а также устоявшихся методов интерпретации Священного Писания. П.М. Шитиков отмечает эту особенность: «Апробация данной процедуры на библейских текстах показала ее высокую продуктивность. Образная речь, представленная в библейских текстах, традиционно интерпретируется при помощи экзегетических методов, подразумевающих определенную свободу толкователя. Применение современных методов идентификации метафоры позволяет минимизировать субъективность исследователя, опираясь на строгие статистические данные» [12. С. 40].

В рамках настоящего исследования при помощи MIPVU был выполнен анализ лексической единицы «ἀμνός» концепта «ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ» в оригинальном тексте Евангелия от Иоанна. Результаты анализа представлены в табл. 1. Данный концепт, бесспорно, является метафорой: Иоанн Креститель дважды указывает на Иисуса и называет его Агнцем Божиим, берущим на себя грехи мира.

Таблица 1 / Table 1

**Анализ лексической единицы «ἀμνός» /
Analysis of the lexical unit «ἀμνός»**

Лексическая единица / Lexical unit	Контекст употребления / Using context	MIPVU			Итог / Results
		2	3	4	
ἀμνός	Ин. 1, 28-29: «Τῆ ἐπαύριον βλέπει ὁ Ἰωάννης τὸν Ἰησοῦν ἐρχόμενον πρὸς αὐτόν καὶ λέγει ἴδε ὁ ἀμνός τοῦ θεοῦ ὁ αἴρων τὴν ἀμαρτίαν τοῦ κόσμου» [3]	+	+	+	M
	Ин. 1, 35-36: «καὶ ἐμβλέψας τῷ Ἰησοῦ περιπατοῦντι λέγει ἴδε ὁ ἀμνός τοῦ θεοῦ» [3]	+	+	+	M

Определение лексической единицы как метафоры еще не гарантирует, что читатель понимает ее адекватно, а переводчик может ее адекватно перевести. Процедура идентификации метафоры служит техническим инструментом лингвистического анализа для дальнейшего изучения конкретных метафор в других научных исследованиях. Создатель данной процедуры Г.Дж. Стин еще более резок в этом вопросе: «Идентификация метафор — это инструмент для изучения такого явления, как распознавание метафор» [13. С. 389]. Еще более важно осознавать эту проблему при работе с евангельскими текстами, которые в той или иной мере отражают устную речь без погружения в контекст. П.М. Шитиков отмечает: «Одной из основных проблем применения MIPVU на материале устной речи стала спонтанность высказываний. Контекстуальный смысл лексических единиц нередко остается неясен, что делает сравнение основного и контекстуального значений практически невозможным» [14. С. 27].

Определение библейского контекста метафоры «Агнец» («ἀμνός»).

Вторым этапом нашего исследования является анализ библейского контекста метафоры «ὁ ἀμνός τοῦ θεοῦ». В этой связи существует большая проблема: различные метафоры могут выражаться одними и теми же словами, которые совершенно не могут передать смысловое содержание метафоры без глубокого погружения в контекст. Дж. Стерн постулирует это следующим образом: «Когнитивное значение метафоры является *sui generis*, полностью отличающимся от информации, передаваемой буквальным языком» [15. С. 266]. Дж. Ланкоф отмечает еще одну особенность: «Мы знаем, что метафора заключается не в словах, а в идеях. Это особенно ясно видно из случаев метафорической двусмысленности, когда одни и те же слова вызывают разное прочтение с использованием разных метафор» [16. С. 35].

Согласно теории доступности контекста (CAT, The Context Availability Theory — И.К.), конкретные понятия имеют тесные связи, но с небольшим числом контекстов, в то время как абстрактные понятия имеют слабые

связи, но с очень широким количеством контекстов. А. Борги отмечает: «Абстрактные концепции менее стабильны во времени и в большей степени формируются текущим жизненным опытом, ситуациями и культурой по сравнению с конкретными концепциями» [17. С. 263].

Поскольку метафоры не существуют в вакууме, а живут в сознании конкретных людей, возникает проблема «кодирования» и «декодирования» метафоры. З. Ковесес объясняет этот процесс следующим образом: «Построение метафорического значения, кроме того, сильно зависит от контекста и включает в себя два тесно связанных, если не идентичных, вопроса, касающихся контекста, рассматриваемых с разных точек зрения: одна — с точки зрения человека, который пытается понять метафору в контексте (концептуализатор 2), а другая — с точки зрения человека, который производит или создает метафору в контексте (концептуализатор 1)» [18. С. 1]. Таким образом, «концептуализатор 2» должен быть достаточно погружен в контекст, чтобы метафора осталась метафорой, не утратив при этом своего смысла и не превратившись в буквальное изложение. Пауль Тибодо указывает на эту особенность: «Метафоры оказывают наибольшее влияние, когда слушатель обладает промежуточным уровнем знаний о целевой области: слишком мало знаний приводит к тому, что они могут не суметь правильно сопоставить исходную область с целевой областью; слишком много знаний делает метафору ненужной и вряд ли изменит то, как люди думают о целевой области» [19. С. 10].

З. Ковесес выделяет четыре типа контекста метафоры: «Ситуационный, дискурсивный, телесный и концептуально-когнитивный контекст. Каждый из них связан с рядом эмпирически установленных контекстуальных факторов» [20. С. 137]. Библейские метафоры должны рассматриваться в дискурсивном контексте: интерпретировать отдельный концепт или метафору необходимо в контексте всего библейского текста. Ю.Х. Куо отмечает эту особенность: «Интерпретация библейских метафор лежит в общем контексте и повествовании самого Священного Писания... Значение библейской метафоры не может быть решено отдельно от его контекста, но должно быть понято в свете Священного Писания в целом» [21. С. 5].

Концептуально-когнитивный контекст библейских метафор тесно связан не только с текстом Библии, но и с определенным опытом осмысления Священного Писания, сформировавшимся в результате богословско-философского развития христианской мысли. К. Отт отмечает: «Одной из самых больших проблем межкультурного служения является четкое изложение Евангелия и природы спасения во Христе. Только когда это сообщение будет понято и воспринято как правдоподобное, каким-то образом связанное с опытом аудитории, слушатели воспримут это сообщение и будут побуждены уверовать во Христа. Нахождение общей системы отсчета или общего опыта необходимы для эффективной межкультурной коммуникации» [22. С. 358].

Библейский контекст концепта «Агнец Божий» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») является персонификацией, которая указывает на суть служения Иисуса Христа. К. Одиреду замечает: «С точки зрения онтологических метафор, персонификация может помочь нам получить глубокое понимание метафорической концептуализации абстрактных реальностей» [23. С. 88]. В этой связи возникает закономерный вопрос: какой именно агнец имеется в виду? Ведь определение смыслового содержания данного концепта должно определять его перевод на другие языки.

Концепт «Агнец Божий» («ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ») в Евангелии от Иоанна встречается дважды: в Ин. 1, 29 и Ин. 1, 36. Помимо данного концепта в тексте используется концепт «ягненок» («ἀρνίον») также в метафорическом смысле для обозначения последователей Христа, которых должен «кормить» апостол Петр (Ин. 21, 15). В других книгах Нового Завета концепт «ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ» не встречается, но лексическая единица «ἀμνός» присутствует в Книге Деяний как цитата из Книги пророка Исаии, где она в точности повторяет греческий текст Септуагинты: «как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» («Ὡς πρόβατον ἐπὶ σφαγῆν ἤχθη ὡς καὶ ἐναντίον ἀμνὸς τοῦ κείραντος αὐτὸν ἄφωνος, οὕτως οὐκ ἀνοίγει τὸ στόμα αὐτοῦ») (Ис. 53, 7) [24].

М.Х. де Ланг выделяет следующие контексты данного концепта, которые в некоторых случаях пересекаются: «1) агнец как животное, упомянутое в Ис. 53, 7 (ср. Деян. 8. 32); 2) агнец как пасхальный агнец; 3) агнец как ссылка на ветхозаветную жертву; и, наконец, 4) агнец как апокалиптический агнец» [1. С. 151]. Необходимо подробно разобрать каждый из этих контекстов и выбрать наиболее подходящие для правильного понимания концепта.

В главе 53 Книги пророка Исаии, названной «Четвертая и последняя песнь Слуги» встречается упоминание об «агнце» («ἀμνός») — страдающей и измученной фигуре, посланию которого никто не верит. Слуга Господень отличается невинностью и смирением, он безропотно принимает страдания и смерть. Именно в этом контексте употребляется концепт «ἀμνός». И.М. Пуйка отмечает: «Исайя сказал, что этот человек будет проливать свою кровь так же терпеливо, как жертвенный агнец или овца. В этом стихе мысли сосредоточены на его кротости и безропотном отношении к смерти» [25. С. 83]. Христианское богословие со времен апостолов широко использовало эту главу и применяло ее к искупительным страданиям и смерти Иисуса. Именно в страданиях Слуги Господня находятся истоки новозаветной идеи искупительной смерти Иисуса. Однако М.Х. де Ланг отмечает, что ветхозаветная терминология жертвоприношений в отношении смерти Спасителя в христианском богословии возникла позже, чем идея целостного единства верующего с умирающим и воскресающим Христом, присущая богословию апостола Павла [1. С. 155–156].

Пасхальный агнец также может служить прообразом Христа, однако в Септуагинте пасхальный агнец не называется «ἀμνός». Связь между Христом и пасхальным агнцем может быть основана на следующих фактах. В своем повествовании о страстях автор Евангелия от Иоанна переносит момент заклания пасхальных агнцев с четверга, как это описано у Марка, Матфея и Луки, на пятницу, момент смерти Христа: Иисус умирает в момент заклания ягнят для пасхальной трапезы, и Иоанн, таким образом, создает хронологическое соответствие между закланием ягнят и смертью Иисуса. И.М. Пуйка также отмечает, что накануне своих страданий Христос входил в Иерусалим в окружении тысяч ягнят, которых приводили на Пасху [25. С. 84]. В синоптических евангелиях и апостольских посланиях пасхальный агнец обозначается концептом «πάσχα»: «Где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?» (Лк. 22, 11) или «ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор. 5, 7). При близости этих концептов существует, однако, некоторое противоречие: пасхальный агнец не является искупительной жертвой, его жарят и подают в качестве блюда на семейной трапезе.

Жертвенный агнец Ветхого Завета — это семантически очень сложное поле, включающее более чем 25 различных сочетаний на древнееврейском и древнегреческом языках. Примерно две трети этих концептов встречаются в Пятикнижии, и все они относятся к буквальным агнцам. Во всех пророческих книгах, за исключением Иезекииля, агнцы всегда символичны, как и в случае с Исайей. В Ветхом Завете только некоторые жертвы считались искупительными. Жертвоприношение было центральной чертой поклонения в израильской религии. Ягненка можно было приносить в жертву в различных ситуациях: обычный человек мог принести ягненка или в жертву за свой грех, или как часть обряда очищения, или как мирную жертву. Пасхальный агнец был, по сути, особым видом мирной жертвы. В жертву для прощения греха народа приносили тельца и козла, но не ягненка. Агнец не был очевидным символом искупления в жертвенном культе иудаизма. Однако И.М. Пуйка отмечает: «Ἀμνός — любимое слово, когда говорят об агнцах как о всеожжениях» [25. С. 78]. Всеожжение (холокост) занимало видное место в израильской теологии и практике жертвоприношения, но искупление не было в центре внимания всеожжения, и агнец не был основным искупительным приношением.

Апокалиптический агнец упоминается около 20 раз в книге Откровения: «И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец («ἀρνίον») как бы закланный» (Откр. 5, 6). В Откровении термин «агнец» имеет иную окраску, чем в других местах Нового Завета, и относится не только к жертвенному животному, но, как это ни парадоксально, и к победоносному Спасителю. В христианском богословии существует тесная связь между Агнцем («ἀμνός») в Евангелии от Иоанна и Агнцем («ἀρνίον») в книге Откровения. Вероятной причиной подобной параллели

является традиционная атрибуция этих книг Нового Завета одному автору — апостолу и евангелисту Иоанну. Эта установка во многом повлияла на интерпретацию концепта «Агнец Божий», а также на его переводы. На самом деле всякий раз, когда слово «Агнец» используется в Откровении, это всегда «ἀρνίον», а слово «ἄμνος» вообще не используется.

Анализ возможных смысловых контекстов показывает, что наиболее точным отражением концепта «Агнец Божий» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») в контексте библейского концептуального поля является образ страдающего Слуги Господня, который безропотно идет на страдания и добровольную смерть. Допустимыми и возможными могут признаны и образы пасхального агнца и ягненка для всесожжения как отражение жертвенной смерти Иисуса для избавления народа от плена греха (связь с исходом евреев из Египта и пасхальным ужином), а также избавление от личного греха каждого отдельного человека (мирная жертва или всесожжение). Маловероятным и основанным на ложных предпосылках является отождествление «Агнца Божьего» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») из Евангелия от Иоанна и Апокалиптического «Агнца» («ἀρνίον»). Раскрытие концепта «Агнец Божий» в переводах должно отражать жертвенность его служения, смирение и безропотное следование на страдания и смерть.

Анализ реализации концепта «Агнец Божий» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») в английских, немецких и русских переводах Евангелия от Иоанна

Последним этапом исследования была оценка уровня адекватности переводов исследуемого концепта на отдельно взятые языки. Проблема переводимости метафоры как таковая является предметом научных дискуссий. В. Хонг и К. Росси на этот счет замечают: «Переводимость метафоры представляет собой один из самых ранних и основных пунктов разногласий в исследованиях перевода метафор. Здесь переводимость следует интерпретировать как возможность перевода слово в слово. По этому вопросу существует три позиции: непереводаемая, полностью переводимая и условно или частично переводимая, т.е. степень переводимости зависит от ряда переменных» [26. С. 91–92].

Наибольшие сложности возникают при переводе библейских метафор. М.Ю. Романович отмечает, что для перевода метафор, источником которых являются религиозные представления, должны применяться особые переводческие стандарты [27. С. 204]. Библейский текст говорит о явлениях, выходящих за рамки осязаемого мира, на человеческом языке при помощи метафор. Многие из них закрепляются в религиозном мировоззрении на уровне догматических формул, значение которых становится фиксированным. Относительно перевода таких метафор А.С. Десницкий пишет: «Механический перевод таких формул на язык народа с иной богословской традицией может оказать проигрышной переводческой стратегией. В то же время принципиальный

отказ от устоявшихся формул может пониматься как недопустимый разрыв с традицией консервативной частью читательской аудитории» [28. С. 90].

Переводчики используют различные методы переводческих трансформаций, которые, однако, не могут быть применимы при переводе метафор. Для того, чтобы переводчик мог решить, какие принципы перевода метафор применять, он должен прежде всего знать контекст, к которому относится метафора. Без таких знаний невозможно перевести метафору. Эта проблема возникает в большинстве типов текста, но особенно ярко она проявляется при переводе библейских метафор. Самая большая сложность заключается в том, что переводчик не всегда может знать точно, что автор хотел передать с помощью данной метафоры. Без понимания исходной метафоры невозможно перенести ее в текст перевода.

Ю.Х. Куо выделяет пять подходов к переводу метафоры: «1) буквальный перевод (сохранить метафору); 2) перевод с использованием аналогичных символов или оболочек метафоры (преобразовать образы и символы для перевода того же предполагаемого значения и сделать версию точной и легко понятной); 3) свободный перевод (отказаться от оригинального образа или символа и найти подходящий способ выразить предполагаемое значение оригинальной метафоры); 4) перевод с добавлением или сравнением при сохранении образа („сравнение + смысл“ или „метафора + смысл“); 5) смешанный перевод („буквальный + свободный“»)» [21. С. 1–2].

Прежде чем анализировать перевод, необходимо определить лексическое значение ключевого слова исследуемого концепта. «Ἀμνός» — это достаточно узкий термин, обозначающий годовалого ягненка [29. Р. 47; 30. Р. 91], в то время как «ἄρνιον» (уменьшительное от «ἄρην») обозначает ягненка, овечку, барашка, овцу и барана в более широком смысле [29. Р. 116]. В английском, немецком и русском языках нет отдельных терминов, обозначающих годовалого или жертвенного ягненка. Переводчики использовали общий термин, обозначающий детеныша овцы. Общая закономерность заключается в том, что слово «ἄμνός» из Евангелия от Иоанна переводится точно так же, как и слово «ἄρνιον» из других книг Библии, что, безусловно, приводит к смешению различных по смысловому содержанию концептов и метафор. Из всех возможных подходов к переводу метафор переводчики применили буквальный перевод.

Сводная информация по результатам анализа приведена в табл. 2. Следует обратить внимание на незначительные отличия в английских переводах, связанные с двумя особенностями: использованием архаичной формы слова *Lambe / lambe* и указательного местоимения *that* вместо определенного артикля, притом что в оригинале стоит именно определенный артикль мужского рода. Немецкие переводы отличаются лишь порядком слов, что, в свою очередь, связано с традицией первого немецкого перевода Библии: все «лютеровские» переводы сохраняют обратный порядок слов в словосочетании.

В русских переводах (вероятно, как дань церковнославянскому языку) господствует устаревшее слово «агнец», которое в современном русском языке носит ярко выраженную религиозную окраску и связано с идеей жертвоприношения. Данный перевод можно было бы признать адекватным, если бы этот термин закрепился только для перевода концепта «ἀμνός», а в других местах было бы другое слово, но переводчики используют слово «агнец» повсеместно. Это же замечание касается и тех переводов, где используется слово «ягненок»: при большей понятности данного слова теряется различие между «Ягненком Божиим» и «Ягненком» Апокалипсиса.

Таблица 2 / Table 2

**Анализ переводов концепта «Агнец Божий» («ὁ ἀμνός τοῦ θεοῦ») /
Analysis of translations of the concept "Lamb of God" («ὁ ἀμνός τοῦ θεοῦ»)**

Язык / Language	Перевод концепта / Concept Translation	Переводы / Translation
Английский / English	the Lamb of God	ASV, BBE, CEB, CSBO, DBY, DRA, ERV, ESV, GWN, KJV, NAB, NAU, NET, NIV, NJB, NKJ, NLT, RWB, TNIV, YLT
	that Lambe of God	GNV
	the lambe of God	PNT, TNT
Немецкий / German	das Lamm Gottes	EIN, ELB, ELO, HRD, JAN, SCH, SCL, ZUR, MNT
	das ist Gottes Lamm	L45, LUO, NLB, LUT
Русский / Russian	Агнец Божий	СИН, КАС, ПП, ПЛ, КУЛ
	Ягненок Божий	НПП, СП РБО

Буквальный подход к переводу библейских метафор, несмотря на его распространенность, в настоящее время нельзя признать адекватным. При переводе библейских концептов следует применять другие подходы. Так, например, при переводе на языки народов, знакомых с христианством, иудаизмом или имеющих сходный тип животноводства, можно было бы использовать расширенную версию концепта «Агнец Божий», снабдив ее отличительными характеристиками: «страдающий», «жертвенный», «безгласный» или «пасхальный» «Агнец Божий». Для переводов на языки народов, далеких от христианской культуры или отличающихся типом животноводства, уместен свободный перевод. Так, например, при переводе на папуасские языки уместно использовать точное соответствие концепта «ягненок» в культуре народов Индонезии — «Поросенок Божий», но при этом провести подобного рода концепты через весь перевод Библии, так чтобы Авель принес в жертву свинью, Авраам — заблудившегося кабана, а евреи вкушали бы пасхального поросенка. Такой подход может показаться непривычным или даже шокирующим, но он будет точно передавать всю глубину библейских метафор.

Исследования реализации библейских концептов в переводах Библии на языки народов России, стран СНГ, особенно народов, схожих по форме животноводства с еврейским народом, может представлять особый интерес и быть почвой для последующих изысканий. Особенно важно проанализировать переводы на языки народов, в которых развито оленеводство, охота на китов или рыбная ловля. Существование особого термина для обозначения жертвенного оленя или безвинного китенка может быть серьезным поводом для исследований с привлечением специалистов в данных языках.

Заключение

Концепт «Агнец Божий» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») в Евангелии от Иоанна является одним из ключевых библейских и богословских понятий Нового Завета и христианского богословия, в котором отражается взгляд автора четвертого Евангелия и его общины на личность Иисуса Христа. Адекватное понимание данного концепта и основанные на нем переводы позволяют проникнуть в смысловую глубину данного концепта. В рамках данного исследования было подтверждено, что лексическая единица «Агнец» («ἄμνος») является метафорой. Анализ библейского контекста этой метафоры показал, что характерными чертами «Агнца Божьего» является его кротость, безропотное принятие страданий и смерти, согласно пророчеству Исаии, а также жертвенность его служения, связанная с иудейской практикой всесожжения, а также ритуального пасхального ужина, связанного с воспоминанием исхода евреев из Египта. Меньше всего «Агнец Божий» Евангелия от Иоанна связан с «Агнцем» Книги Откровения. Все исследованные переводы данного концепта на английский, немецкий и русский языки не отражают характерные особенности жертвенного служения «Агнца Божьего», а использование одной и той же лексической единицы приводит к «смешению» различных по содержанию концептов и метафор.

В контексте концептуальной теории метафоры и при системном подходе к переводу библейских концептов становится очевидным, что существующие подходы к раскрытию концептов не достигают цели, во многом обусловлены буквальным подходом к переводу метафор. В связи с тем, что понимание — это субъективный процесс, который отличается у различных читателей, не вполне адекватные переводы отдельных концептов приводят к различиям в толковании библейского текста читателями. Следовательно, различия в толковании Писания читателями приведут к различиям в познании личности Иисуса Христа. Именно поэтому очень важно разрабатывать и применять новые методы перевода библейских концептов и метафор с использованием новейших научных достижений в этой области.

Таким образом, можно заключить, что концепт «Агнец Божий» («ὁ ἄμνος τοῦ θεοῦ») не реализован в полной мере во всех проанализированных

переводах Евангелия от Иоанна на английский, немецкий и русский языки, его смысловое содержание «сливается» с родственным концептом «ягненок» («ἀρνίον»), лишенным, однако, смысловой нагрузки «смирненное, жертвенное животное».

Список литературы

1. *Marijke H. de Lang*. John 1.29, 36: The Meaning of Ἀμνὸς τοῦ Θεοῦ and John's Soteriology // *The Bible Translator*. 2017. Vol. 68. (2), August. Pp. 148–163. <https://doi.org/10.1177/2051677017694651>
2. *Andrew Scott Brake*. The Christology of Ho Amnos tou Theou in The Contextualization of Yohannine theology: Domba and Adomba in The History of Translation in Indonesia // *Jurnal Jaffray*. 2019. Vol. 17. No. 2, Oktober. Pp. 157–170. <https://doi.org/10.25278/jj.v17i2.300>
3. *Greek New Testament Stephanus 1550 Textus Receptus (With Morphological Data)*. London, 2005. Print
4. *Gary Massey*. Re-framing conceptual metaphor translation research in the age of neural machine translation: Investigating translators' added value with products and processes // *Training, Language and Culture*. 2021. Issue 1. Vol. 5. Pp. 37–56. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-1-37-56>
5. *Condello Angela*. Metaphor as Analogy: Reproduction and Production of Legal Concepts // *Journal of Law and Society*. 2016. Vol. 43. Number 1. Pp. 8–26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6478.2016.00738.x>
6. *Sullivan Karen*. Conceptual Metaphor Theory. Mixed Metaphors: Their Use and Abuse // *Bloomsbury Academic*. 2019. Pp. 25–46. <https://doi.org/10.5040/9781350066076.ch-002>
7. *Gómez-Moreno José, Ruiz de Mendoza Francisco*. Conceptual metaphors in terminology and specialised language discourse // *Terminology and Lexicography Research and Practice*. John Benjamins Publishing Company. 2022. Print
8. *Торнеке Н.* Метафора в практике психотерапевта: применения лингвистики в психотерапии / пер. с англ. А.Н. Шляховой. Киев: Диалектика, 2021.
9. *Gerard J. Steen*. A method for linguistic metaphor identification: from MIP to MIPVU // *Aletta G. Dorst, J. Berenike Herrmann, Anna A. Kaal, Tina Krennmayr, Trijntje Pasma*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. Print
10. *Amanda BB Nokele*. Identifying conceptual metaphors using the Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU) // *South African Journal of African Languages*. 2014. Issue 34. Vol. 1. Pp. 75–86. <https://doi.org/10.1080/02572117.2014.949471>
11. *Мишланова С.Л., Суворова М.В.* Оценка соответствия процедуры идентификации метафоры MIPVU критериям подлинной научности метода // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 46–52. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-1-46-52>
12. *Шутиков П.М.* Опыт применения процедуры идентификации метафоры (MIPVU) к библейским текстам // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2018. Том 4. №2. С. 34–43. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2018-4-2-34-43>
13. *Gerard J. Steen*. Identifying Metaphor in Language: A Cognitive Approach // *Style, Cognitive Approaches to Figurative Language*. 2002. Vol. 36. No. 3. Fall. Pp. 386–406.
14. *Шутиков П.М.* Новые методы идентификации метафоры в различных типах дискурса (обзор публикаций) // *Филологические науки. Языкознание*. 2021. 6 (1). С. 19–31. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.019>
15. *Josef Stern*. Metaphor, Semantics, and Context // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought (Cambridge Handbooks in Psychology)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816802> Print

16. *George Lakoff*. The Neural Theory of Metaphor // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (Cambridge Handbooks in Psychology). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 550 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816802> Print
17. *Borghini Anna, Binkofski Ferdinand, Castelfranchi Cristiano, Cimatti Felice, Scorolli Claudia, Tummolini Luca*. The Challenge of Abstract Concepts // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143. No. 3. Pp. 263–292. <https://doi.org/10.1037/bul0000089>
18. *Zoltan Kövecses*. Where Metaphors Come From: Reconsidering context in metaphor. — Oxford: Oxford University Press, 2015. Print
19. *Thibodeau Paul, Matlock Teenie, Flusberg Stephen*. The role of metaphor in communication and thought // *Language and Linguistics Compass*. 2019. May. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12327>
20. *Zoltán Kövecses*. A multilevel and contextualist view of conceptual metaphor theory // *Journal of Language and Communication*. 2021. Issue 8. Vol. 2. Pp. 133–143.
21. *Kuo Yun-Hsuan*. Interpretation as a factor influencing translation: the case of a biblical metaphor // *Journal of Language, Translation and Intercultural Communication*. 2015. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.12681/ijltic.38>
22. *Craig Ott*. The Power of Biblical Metaphors for the Contextualized Communication of the Gospel // *Missiology: An International Review*. 2014. Vol. 42. October. Pp. 357–374. <https://doi.org/10.1177/0091829613486732>
23. *Owiredu C*. Sin is a person: some ontological metaphors in the Bible // *Acta Theologica*. 2021. Issue 41. Vol. 1. Pp. 87–100. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.18820/23099089/actat.v41i1.6>
24. *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Editio altera quam recognovit et emendavit Robert Hanhart. Complete Text without Apparatus*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2006. Print
25. *Melniciuc Puică Ilie*. The lamb sacrifice expressed in religious art // *European Journal of Science and Theology*. 2011. Vol. 7. No. 2. June. Pp. 77–99.
26. *Wenjie Hong, Caroline Rossi*. The Cognitive Turn in Metaphor Translation Studies: A Critical Overview // *Journal of Translation Studies*. 2021. Issue 5. Vol. 2. Pp. 83–115.
27. *Романович М.Ю.* Обучение студентов переводу незнакомых устойчивых словосочетаний в английском языке: метод концептуальной метафоры // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013. Выпуск 15 (675). С. 200–205. <https://doi.org/10.0000/cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-studentov-perevodu-neznakomyh-ustoychivyh-slovosochetaniy-v-angliyskom-yazyke-metod-kontseptualnoy-metafory>
28. *Десницкий А.С.* Метафоры в современном библейском переводе // *Родной язык*. 2013. № 1. С. 63–92.
29. *A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature*. Walter Bauer, Frederick William Danker, William Frederick Arndt, Felix Wilbur Gingrich. Chicago and London: University of Chicago Press, 2021. Print
30. *Griechisch-Deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der frühchristlichen Literatur* Walter Bauer, Kurt Aland, Barbara Aland. Berlin: W. de Gruyter, 1988. Print

References

1. *Marijke, H. de Lang*. 2017. John 1.29, 36: The Meaning of ἄμνος τοῦ Θεοῦ and John's Soteriology, *The Bible Translator* 68 (2): 148–163. <https://doi.org/10.1177/2051677017694651>
2. *Andrew, Scott Brake*. 2019. The Christology of Ho Amnos tou Theou in The Contextualization of Yohannine theology: Domba and Adomba in The History of Translation in Indonesia, *Jurnal Jaffray* 17 (2): 157–170. <https://doi.org/10.25278/jj.v17i2.300>
3. *Greek New Testament Stephanus 1550 Textus Receptus (With Morphological Data)*. 2005. — London. Print

4. Gary, Massey. 2021. Re-framing conceptual metaphor translation research in the age of neural machinetranslation: Investigating translators' added value with products and processes, *Training, Language and Culture* 1 (5): 37–56. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-1-37-56>
5. Condello, Angela. 2016. Metaphoras Analogy: Reproduction and Production of Legal Concepts, *Journal of Law and Society* 43 (1): 8–26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6478.2016.00738.x>
6. Sullivan, Karen. 2019. *Conceptual Metaphor Theory. Mixed Metaphors: Their Use and Abuse*, Bloomsbury Academic: 25–46. <https://doi.org/10.5040/9781350066076.ch-002>
7. Gómez-Moreno, José, and Ruiz de Mendoza, Francisco. 2022. *Conceptual metaphors in terminology and specialised language discourse*, *Terminology and Lexicography Research and Practice*. John Benjamins Publishing Company publ. Print
8. Torneke, N. 2021. *Metaphor in Practice: A Professional's Guide to Using the Science of Language in Psychotherapy*. Translated by A.N. Shlyahova. Kyiv: Dialektika publ. Print. (In Russ.).
9. Gerard J., Steen. 2010. A method for linguistic metaphor identification: from MIP to MIPVU, Aletta G. Dorst. J. Berenike Herrmann. Anna A. Kaal. Tina Krennmayr. Trijntje Pasma. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company publ. Print
10. Amanda BB, Nokele. 2014. Identifying conceptual metaphors using the Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU), *South African Journal of African Languages* 34 (1): 75–86. <https://doi.org/10.1080/02572117.2014.949471>
11. Mishlanova, S.L., and Suvorova, M.V. 2017. Otsenka sootvetstviya protsedury identifikatsii metafory MIPVU kriteriyam podlinnoy nauchnosti metoda [Evaluation of Metaphor Identification Procedure VU (MIPVU) by the Criteria of Truly Scientific Method]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology* 9 (1): 46–52. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-1-46-52>
12. Shitikov, P.M. 2018. Applying Metaphor Identification Procedure (MIPVU) to Biblical Texts. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates* 4 (2): 34–43. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2018-4-2-34-43>
13. Gerard J., Steen. 2002. Identifying Metaphor in Language: A Cognitive Approach, *Style, Cognitive Approaches to Figurative Language* 36 (3): 386–406.
14. Shitikov, P.M. 2021. New methods of metaphor identification in various types of discourse (Review of publications). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education* 6 (1): 19–31. DOI: 10.20339/PhS.6-21.019
15. Josef, Stern. 2008. *Metaphor, Semantics, and Context*, *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (Cambridge Handbooks in Psychology). — Cambridge: Cambridge University Press publ. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816802> Print
16. George, Lakoff. 2008. *The Neural Theory of Metaphor*, *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (Cambridge Handbooks in Psychology). Cambridge: Cambridge University Press publ. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816802> Print
17. Borghi, Anna, and Binkofski, Ferdinand, and Castelfranchi, Cristiano, and Cimatti, Felice, and Scorolli, Claudia, and Tummolini, Luca. 2017. The Challenge of Abstract Concepts, *Psychological Bulletin* 143 (3): 263–292. <https://doi.org/10.1037/bul0000089>
18. Zoltan, Kövecses. 2015. *Where Metaphors Come From: Reconsidering context in metaphor*. Oxford: Oxford University Press publ. Print
19. Thibodeau, Paul, and Matlock, Teenie, and Flusberg, Stephen. 2019. The role of metaphor in communication and thought, *Language and Linguistics Compass*. May: 1–18. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12327>
20. Zoltán, Kövecses. 2021. A multilevel and contextualist view of conceptual metaphor theory, *Journal of Language and Communication* 8 (2): 133–143.
21. Kuo, Yun-Hsuan. 2015. Interpretation as a factor influencing translation: the case of a biblical metaphor, *Journal of Language, Translation and Intercultural Communication*: 1–18. <https://doi.org/10.12681/ijltic.38>
22. Craig, Ott. 2014. The Power of Biblical Metaphors for the Contextualized Communication of the Gospel, *Missiology: An International Review* 42: 357–374. <https://doi.org/10.1177/0091829613486732>

23. Owiredu, C. 2021. Sin is a person: some ontological metaphors in the Bible, *Acta Theologica* 41 (1): 87–100. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.18820/23099089/actat.v41i1.6>
24. Septuaginta. 2006. *Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Editio altera quam recognovit et emendavit Robert Hanhart. Complete Text without Apparatus.* Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft publ. Print
25. Melniciuc Puică, Ilie. 2011. The lamb sacrifice expressed in religious art, *European Journal of Science and Theology* 7 (2): 77–99.
26. Wenjie, Hong, and Caroline, Rossi. 2021. The Cognitive Turn in Metaphor Translation Studies: A Critical Overview, *Journal of Translation Studies* 5 (2): 83–115.
27. Romanovich, M.Yu. 2013. Teaching students to translate unfamiliar stable phrases in English: the Method of Conceptual Metaphor. *Vestnik of Moscow State Linguistic University* 15 (675): 200–205. <https://doi.org/10.0000/cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-studentov-perevodu-neznakomyh-ustoychivyh-slovosochetaniy-v-angliyskom-yazyke-metod-kontseptualnoy-metafory>
28. Desnickij, A.S. 2013. Metaphors in Modern Biblical translation. *Mother Tongue* 1: 63–92.
29. *A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature.* 2021. Walter Bauer, Frederick William Danker, William Frederick Arndt, Felix Wilbur Gingrich. Chicago and London: University of Chicago Press publ. Print
30. *Griechisch-Deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der frühchristlichen Literatur.* 1988. Walter Bauer, Kurt Aland, Barbara Aland. Berlin: W. de Gruyter publ. Print

Сведения об авторе:

Казанцев Иван Алексеевич — начальник отдела по научной и проектной деятельности, старший преподаватель кафедры филологического образования, Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал), Тюменский государственный университет.
E-mail: i.a.kazancev@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-0534-5679
eLibrary SPIN-code: 3368–9608

Bio Note:

Ivan A. Kazantsev is a Head of the Department for Scientific and Project Activities, Senior Lecturer of the Department of Philological Education, University of Tyumen. E-mail: i.a.kazancev@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-0534-5679
eLibrary SPIN-code: 3368-9608

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-567-576

EDN: XDMINQ

Научная статья

Смысловая трансформация содержания газелей Р. Гаташа при их переводе на русский и турецкий языки

Э.Ф. Нагуманова , О.В. Шемшуренко

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
 ehlviran@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования объясняется возрастающим интересом в современном мире к проблемам перевода с национальных языков. Цель работы — выявить особенности передачи языковой и культурологической информации в переводах. Материалом исследования стали газели татарского поэта Р. Гаташа из цикла «Миңгүзэлгә газәлләр». Основной метод исследования — сопоставительный, направленный на выявление сходств и различий между рассматриваемыми произведениями. Показано, что близость двух языков и культур позволяет переводчику на турецкий язык более полно воссоздать на языке перевода особенности поэтики стихотворений татарского поэта.

Ключевые слова: перевод, газель, современная татарская литература, Радиф Гаташ, Р.К. Гатауллин, русский язык, турецкий язык

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Нагуманова Э.Ф., Шемшуренко О.В. Смысловая трансформация содержания газелей Р. Гаташа при их переводе на русский и турецкий языки // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 567–576. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-567-576>

© Нагуманова Э.Ф., Шемшуренко О.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Semantic Transformation of the Content of Gazelles by R. Gatash in their Translation into Russian and Turkish

Elvira F. Nagumanova , Oksana V. Shemshurenko

Kazan Federal University
18, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation
 ehlviran@yandex.ru

Abstract. The current article raises the problem of transferring the artistic features of the gazelles of the Tatar poet R. Gatash (R.K. Gataullin) in translations into Russian and Turkish. The relevance of the study is associated with the growing interest of the modern world in the problems of translation from national languages. The purpose of the work is to identify the features of the transfer of linguistic and cultural information in translations. The gazelles of the Tatar poet R. Gatash from the cycle “Миңгүзәлгә газәлләр” became the research material. The main research method is a comparative one, aimed at identifying similarities and differences between the works under consideration. As a result of the study, we conclude that the proximity of the two languages and cultures allows the translator into Turkish to fully recreate the features of the poetics of the Tatar poet’s poems in the target language.

Key words: translation, gazelle, Modern Tatar Literature, Radif Gatash, R.K. Gataullin, the Russian language, the Turkish language

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Nagumanova, E.F., and O.V Shemshurenko. 2023. “Semantic Transformation of the Content of Gazelles by R. Gatash in their Translation into Russian and Turkish”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 567–576. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-567-576>

Введение

В контексте теории межкультурной коммуникации проблемы перевода, как показывают современные исследования [1–5], стали рассматриваться в новых аспектах: перевести художественный текст означает не только «сказать почти то же самое» (У. Эко), но и адаптировать его к реалиям иной лингвокультуры.

В современном литературном процессе Поволжья выявляются многообразные силы притяжения или отталкивания между разными литературами: интертекстуальные связи, аллюзии и реминисценции, переводы и др. При этом отдельные тексты рассматриваются в ценностном поле мировой культуры.

Как отмечает В.Р. Аминова, говоря о своеобразии литературного процесса Поволжского региона, «национальная идентичность произведений, написанных на разных языках, выявляется прежде всего в диалоге с жанровыми традициями русской, европейских и восточных литератур. Поэты воспроизводят композиционную структуру и художественно-стилистические приемы распространенных форм арабоязычной, тюркоязычной лирики (газель,

рубай), японской (хокку, танка), русской и европейской (сонет, баллада) словесности» [6. С. 9].

В статье рассматриваются газели Гаташа в переводах на русский и турецкий языки из сборников «На вечном пути» и «Газэллэр». Проблема перевода ряда газелей Гаташа на русский язык поднималась в статье Э.Ф. Нагумановой «Поэтика Гаташа в переводах на русский язык» [7], где были обозначены два подхода к переводимому материалу на примере переводов В. Хамидуллиной и А. Каримовой. «В. Хамидуллина в большей степени трансформирует стих Гаташа, усиливая метафорическое звучание его газелей, А. Каримова ориентируется на иные творческие установки: для нее важнее как можно более точно передать поэтику оригинала. Бесспорно, переводческие преобразования в ее стихотворениях мы тоже выделяем, но они не влияют на передачу „духа“ оригинала» (подробнее: [7. С. 272]).

Действительно, переводы В. Хамидуллиной более тесно связаны с устоявшейся в русской переводческой школе вольной передачей формы и содержания оригинала. Цель данной статьи — сопоставить разные формы передачи оригинальной поэтики Гаташа в переводах на русский и турецкий языки.

Обсуждение

В сборнике «На вечном пути» газели Гаташа представлены в переводах на русский язык В. Хамидуллиной и А. Каримовой, на турецкий — Чулпан Зариф-Четин (Зарипова-Четин). Переводчики отличаются уровнем владения татарским языком: Хамидуллина работает с подстрочником, Каримова — переводчик-биллингв, Четин родилась в Татарстане, в настоящее время живет в Турции, пишет стихи на турецком языке, переводит стихотворения татарских поэтов на турецкий язык.

Характеризуя творческие установки Зариф-Четин, исследователи подчеркивают: «Чулпан Зариф в истоках своей поэзии стоит на столкновении или слиянии европейской поэтической традиции и восточного мировосприятия. Не случайно же она пишет на трех языках — русском, татарском, турецком. Это обогащает ее поэзию, приемы письма... Она смотрит на Восток глазами европейки, а на Европу — глазами восточной женщины» [8].

Такое отношение к языку проявилось как в оригинальном творчестве Четин, так и в переводах.

Мы остановимся на переводах трех газелей Гаташа: «Йэ, Ходай! Миңамы бүләк — куляулык?!» («Хвала Аллаху! Это мне ли в дар — платочек?!»), «Газэллэр ятлап үсәсең, ахры шуңа, гүзәлсең!» («Читая газели мои, расцветешь и станешь еще прекрасней!»), «Сары яфрак — моңлы хатыдыр Көзнец? («Желтые листья — печальны осенние письма»).

Эти газели были переведены на русский язык Верой Хамидуллиной, переводы на турецкий язык осуществлены Чулпан Зариф-Четин.

Стихотворение «Йә, Ходай! Миңамы бүләк — куляулык?!» состоит из 7 бейтов, полностью выдержана рифмовка, характерная для газелей, а в последнем бейте повторяется имя поэта. Говоря и о других формальных требованиях к структуре стихотворения, отметим наличие *матлы* (начальный бейт, в котором определяется тема лирического произведения) и *макты* (финальный бейт, в котором дается ответ на вопрос, прозвучавший в первом бейте):

Миңамы бүләк — куляулык?!
<...>
Йшәү матур, Гаташ, гөлләр — мәңге яшь, —
Кулда бит Сөю әләмең — куляулык!¹

Подстрочный перевод:

Мне подарок — платочек?!
Жизнь прекрасна, Гаташ, цветы — вечно молодые, — /
Ведь в руке знамя Любви — платочек!²

Перевод Веры Хамидуллиной:

Это мне ли в дар — платочек?!
<...>
Прекрасна жизнь, Гаташ, — цветы не увядают —
Любовным знаменем держу в руках платочек!

Как можно увидеть, переводчик практически дословно переводит строки оригинала.

На турецком языке эти строки звучат так:

Vana mı hediye, işlemeli bu mendil?
<...>
Hayat güzeldir... Ah, Gataş, güller sonsuza dek genç!
Elimde aşkın simgesi, el işi eşsiz mendil!

Перевод:

О Господи! Для меня ли подарок этот — вышитый платок? ...
Жизнь прекрасна... Ах, Гаташ, розы вечно молоды!
Символ любви, ручной работы уникальный платок, в моей руке!³

¹ Гаташ Р. Газәлләр. Казан: Мәгариф, 2001. С. 73.

² Гаташ Р.К. На вечном пути: Лирика. Казань: ИП Курбанов Р.Х., 2011. С. 103.

³ Гаташ Р.К. Там же. С. 140.

В данном случае переводчик прибегает к дополнениям: «ручной работы уникальнй платок», здесь акцентируется внимание на том, что платочек является символом любви. Но в целом турецкий перевод весьма близок к оригиналу, несет смысловую нагрузку, соответствующую газели Гаташа. Четин не переводит на турецкий язык один бейт:

Тик бер хыял итеп яшьлектә көттек,
Күр, бүген жанны кызганмыйк!⁴

Ср. перевод Веры Хамидуллиной:

Одни мечты и оба молодости ждали,
Их общей долей нить связала нынче прочно...⁵

В переводе Четин опущение одного бейта не приводит ни к какой смысловой потере, все остальные бейты переведены практически дословно.

Переводы газели «Йә, Ходай! Минамы бүләк — куляулык?!» на русский и турецкий языки свидетельствуют о полном погружении переводчиков в текст татарского стихотворения. Вольности присутствуют в обоих переводах, но внутренняя красота газели Гаташа воссоздана и на русском, и на турецком языках. Даже на уровне рифмовки Хамидуллина постаралась передать своеобразие рифмовки газели за счет повторов звуков «чн» и «чк», а возможности турецкого стихосложения позволяют сохранить и рифмовку, и ритмическое своеобразие оригинала.

В газелях Гаташа часто встречается концепт «моң», который мы относим к числу непереводаемых на другие языки.

Данный концепт по-разному воссоздан в переводах на русский и турецкий языки. Мы считаем, что ассоциативно-смысловое поле концептов, как правило, не расширяется, а, наоборот, сужается в переводных текстах. «...моң по-разному интерпретируется в переводных произведениях, переводчики либо отталкиваются от словарного значения слова, либо пытаются привнести в текст новые смысловые оттенки. Чаще всего данный концепт репрезентируется через русские слова „грусть“, „тоска“, „печаль“, „мелодия“, а текст при переводе подвергается значительным преобразованиям и добавлениям» [6. С. 250]. Учет контекста позволяет наиболее полно воссоздать сущность этого понятия в переводах.

В русских переводах газелей Гаташа чаще всего встречаются слова «грусть — грустный», «тоска», «печаль — печальный», «мелодия». Приведем несколько примеров из рассматриваемых стихотворений: «Сары яфрак — моңлы хатыдыр Көзнец», «сары моң эзе йөзем...» («Сары яфрак...»),

⁴ Гаташ Р. Газэлләр... С. 73.

⁵ Гаташ Р.К. На вечном пути... С. 103.

«Әйтәме: — Илең моңыннан язмыш мәхрүм итмәсен» («Газәлләр ятлап үсәсең...»). Выделим варианты перевода на русский и турецкий языки: «Желтые листья — печальны осенние письма», «желтой тоски...» («Желтые листья...»), «Поет о том, что с отчизной его разлука будет ужасна!» («Читая газели мои...»). Турецкие переводы: “Sarı yaprak, *dertli* mektubu güzün!”, “*Vakaname* gibi sarardı yüzüm...” (“Sarı yaprak...”), “Der mi ‘Vatan sevgisinden *kader* mahrum etmesin?” (“Gazellerle yetiştin sen...”).

В приведенных примерах мы видим те же варианты передачи концепта «моң» на русский язык, о которых писали выше: «печальный», «тоска», а в последнем случае используется вольное переложение строки оригинала. Такие варианты передачи непереводаемого концепта вполне соответствуют общим тенденциям, которых придерживаются переводчики с татарского языка. «Концепт *моң* дает возможность писателю, как и любому другому носителю татарского языка, раскрыть, назвать и описать внутренний мир человека, который приводится в волнение не столько мыслью, сколько чувством, эмоциями; *моң* отображает настроения сердца, широкую гамму душевных переживаний. Впрочем, в единстве человеческого духа не отделяются резко друг от друга элементы чувства, познания и воли: они многообразно переплетаются и взаимно обуславливаются» [8. С. 250–251]. Такое понимание концепта дает возможность подобрать адекватные варианты перевода на другие языки. В турецком языке слово «моң» передается словами *dert* (беда, горе, несчастье), *kader* (тоска), что в целом соответствует содержанию татарского концепта.

В переводе на русский язык оправдана вольная интерпретация выражения «илең моңы», которое может быть переведено как «мелодия отчизны», «песня родины». В турецком переводе “*vatan sevgisi*” — любовь к родине, что тоже соответствует татарскому стиху.

В. Хамидуллина сохраняет в своем переводе приверженность традициям русской поэтической школы, что проявляется на разных уровнях. Во-первых, она избегает дословности в тех случаях, когда в этом нет необходимости. Так, она заменяет слово «печень» словом «сердце» в следующей строке:

Ул кимерде, бел, минем *бәгремне* дә:
Бер ельязма — сары моң эзе йөзем...⁶

Подстрочный перевод:

Знай, она (Крыса) погрызла и мою *печень*:
В одной летописи — желтой тоски след на лице.

⁶ *Гаташ Р.* Газәлләр... С. 67.

[Тот почерневший, надтреснутый, знай, — мое сердце...
Призван он быть моей желтой тоски летописцем...⁷]

Турецкий перевод:

O kemirdi benim de iç bağrım (имеется в виду внутренность, может быть как печень, так и сердце — *Авт.*).

Vakaname gibi sarardı yüzüm... (ближе к оригиналу:

Как летопись пожелтело лицо мое)⁸

В мифологических представлениях тюркских народов печень является емкостью души, а в русской традиции именно сердце — тот сосуд, в котором хранится душа. При отсутствии в переводящей культуре минимального опыта, обуславливающего воссоздание необходимых для адекватного восприятия текста представлений, связанных с исходным художественным целым, необходимо прибегать к заменам. Это мы видим и в переводе Веры Хамидуллиной.

Переводчик находит весьма удачные варианты передачи выражений Гаташа, не впадая в дословность или излишнюю вольность. Умение работать с чужим словом, конечно, связана с определенными неточностями. К примеру, в этом же переводе мы встречаем выражения, которые весьма далеко уведут нас от оригинала:

Синең баштан да ул урап узмаган:

Жиле тигән! Ярый биргән Хак — түзем!⁹

Подстрочный перевод:

Не обошел стороной и твою голову:

Коснулся ветер! Хорошо, что Всевышний дал терпение!

[Вот и тебя не щадят листопада посланья:

Ветром касаются! Перетерпи — пригодится!¹⁰]

Хамидуллина в этом бейте изменяет мелодику оригинала: вырывается из общего контекста выражение «Перетерпи — пригодится!», вносящее в стихотворение не свойственную газели интонацию.

Турецкий перевод практически дословно передает оригинал: *Senin kadere de çarpmış rüzgârı, // Allah'tan sabırlı doğmuşsun, gözüm! (И по твоей судьбе ударил ветер, / Благодаря Господу ты родился терпеливым, мой дорогой!)*¹¹.

⁷ Гаташ Р.К. На вечном пути... С. 99

⁸ Там же. С. 148.

⁹ Гаташ Р. Газэлләр... С. 67.

¹⁰ Гаташ Р.К. На вечном пути... С. 99

¹¹ Гаташ Р.К. Там же. С. 148

На Востоке с особым трепетом относятся к каждой букве, буква значима в мусульманском мире. Гаташ пишет:

Ник һәр хәрфе салкын, шомлы ул Сүзнең?!¹²

Подстрочный перевод:

Почему каждая буква холодна, тревожна в этом Слове?!

Перевод В. Хамидуллиной:

Сердце заставят те строки в тревоге забиться?¹³

Турецкий перевод:

Her harfi soğuk, şüpheli o sözün...

(полностью совпадает с оригиналом)¹⁴.

В данном случае мы вновь видим потерю смысла строки в русском переводе.

Как правило, в русских переводах не сохраняется рифмовка, характерная для газели, переводчик стремится к передаче содержания стихотворений, но при этом происходит потеря формальных особенностей оригинала. Ни в одном из рассмотренных нами переводов стихотворений Гаташа не передана рифмовка, характерная для газели, это можно объяснить тем, что возможности русского языка не позволяют передать те формы, которые весьма гармонично звучат на татарском языке.

Турецкие переводы в этом плане более близки к татарским стихотворениям, что можно объяснить близостью мироощущения двух народов, а также схожестью турецкого и татарского стихосложения.

Выводы

Рассмотренные переводы оригинальных газелей Гаташа на русский и турецкий языки позволяют констатировать, что традиционные восточные жанры продолжают жить и в современном литературном пространстве. Татарский поэт имеет возможность в твердой поэтической форме воплотить свои сокровенные мысли о жизни и любви. Русские переводы знакомят читателей с удивительной палитрой голоса современного татарского поэта, но они не передают той глубины и философичности, которые свойственны этому жанру. Газель — это не просто стихотворение, состоящее

¹² Гаташ Р. Газэлләр... С. 67.

¹³ Гаташ Р.К. На вечном пути... С. 99

¹⁴ Гаташ Р.К. Там же. С. 148

из 6–9 бейтов, это произведение, в котором регламентируются и содержательная, и формальная стороны.

Турецкие переводы в основном передают смысл оригинального татарского текста, что, по-видимому, объясняется близостью татарского и турецкого языков, схожестью татарской и турецкой культур и стремлением переводчика сохранить национальный колорит и индивидуальное своеобразие оригинального текста. В то же время тот факт, что некоторые конструкции оригинального татарского текста переданы на турецкий язык с применением лексических и грамматических трансформаций, объясняется уникальностью и самобытностью татарского языка.

Список литературы

1. Bassnett S. Foreword. In Edwin Gentzler (eds.), *Translation and Rewriting in the Age of Post-Translation Studies*. London/New York: Routledge, 2017.
2. Bassnett S., Lefevere A. *Translation, History and Culture*. London/New York: Pinter Publishers, 1990.
3. Bassnett S., Pym A. On the direction of Translation Studies // *Cultus: the Journal of Intercultural Mediation and Communication*. 2017. No 10 (1). Pp. 145–152.
4. Bednárová-Gibová K. More recent avenues of research in contemporary translation studies // *Translation Studies across the Boundaries*. Berlin: Peter Lang, 2018.
5. Bednárová-Gibová K. Organizational ergonomics of translation as a powerful predictor of translators' happiness at work? // *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice*. 2021. No 29 (3). Pp. 391–406. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2020.1753788>
6. Аминева В.Р. Национальные литературы республик Поволжья как «межлитературная общность» // *Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.): коллективная монография / науч. ред. В.Р. Аминева*. Барнаул: Си-пресс, 2012. С. 5–13.
7. Нагуманова Э.Ф. Поэтика Гаташа в переводах на русский язык // *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2019. Т. 16. №2. С. 266–275. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-2-266-275>
8. Галиева А.М., Нагуманова Э.Ф. Особенности передачи национально-специфических концептов в переводных текстах (на примере концепта Моң) // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 155. Кн. 2. Казань, 2013. С. 245–252.

References

1. Bassnett, S. 2017. Foreword. In Edwin Gentzler (eds.), *Translation and Rewriting in the Age of Post-Translation Studies*. London/New York: Routledge. Print.
2. Bassnett, S., and A. Lefevere. 1990. *Translation, History and Culture*. London/New York: Pinter Publishers. Print.
3. Bassnett, S., and A. Pym. 2017. On the direction of Translation Studies. *Cultus: the Journal of Intercultural Mediation and Communication* 10 (1): 145–152.
4. Bednárová-Gibová, K. 2018. More recent avenues of research in contemporary translation studies. In Lucyna Harmon and Dorota Osuchowska (eds.), *Translation Studies across the Boundaries*, 15–30. Berlin: Peter Lang. Print.
5. Bednárová-Gibová, K. 2021. Organizational ergonomics of translation as a powerful predictor of translators' happiness at work? *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice* 29 (3): 391–406. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2020.1753788>

6. Amineva, V.R. 2012. National Literature of the Volga Republics as an “interliterary community”. In National Literature of the Volga Republics (1980–2010): collective monograph. Barnaul: IG “С-press” publ. P. 5–13. Print. (In Russ.).
7. Nagumanova, E.F. 2019. Poetics of Gatash translated into Russian. Polylinguality and transcultural practices 16 (2): 266–275. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-2-266-275>
8. Galieva, A.M., and E.F. Nagumanova. 2013. Features of the transfer of national-specific concepts in translated texts (on the example of the concept Mon). Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Series: Humanities 155 (2): 245–252. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский федеральный университет. E-mail: ehlviran@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3103-103X

Шемшуренко Оксана Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский федеральный университет. E-mail: oksanashemshurenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0987-6223

Bio Notes:

Elvira F. Nagumanova is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature and Methods of its Teaching, Kazan Federal University. E-mail: ehlviran@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3103-103X

Oksana V. Shemshurenko is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Kazan Federal University. E-mail: oksanashemshurenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0987-6223